

и дома при жизни отца железная дорога. Конечно, пошел к путям — там отдалось. Но, поработав немного в бригаде более серьезной профессии — по вагоно-заводского ученичества (так популярная, но давно вышедшая из употребления головы воспитанников не загружали, а из крепкого и сметливого парнишки приличный слесарь, и в этом качестве ремонта паровозного депо станции работал: когда ему исполнилось 18 лет службу в армию, он поступил в военную

службу, он непременно заходил и в депо, а связь с железной дорогой с тех пор не была связана теперь с авиацией. Ученая — с мальчишеских лет — устремленностью грозной опасности, все боевое. Война неизбежна — в том он был испытан, так сказать, во всеоружии

в 1933 года Сергей Черных окончил школу, в звании младшего летчика при нем присвоили звание старшего летчика. Несколько месяцев прошло — и молодому было очень употребительное выражение, как сказали бы сегодня, обаятельную девушку Зою Волкову, которая стала

молодого летчика. Подчиненные безоглядную власть, под его руководством звание новые типы воздушных машин, имевших других видах подготовки — летной, огневой стрельбе звену даже присвоили звание в 1936 года его командиру Сергею Черным «подготовке» вручили первую в его жизни орден Красной Звезды.

вернулась. 18 июля 1936 года на фронт. Мятажники получили поддержку со стороны Германии и Италии; на помощь испанским добровольцам из разных стран мира. На канарских островах разыгрывалась кровавая революция. В числе советских добровольцев отправился и 24-летний военный

предыдущих лет, отмеченная даже вылетом уральца в боевых условиях. На своем самолете («ишачке») — И-16 — молодой летчик в воздушной акробатике. В книге рассказывается о многих боях, в которых летчик на небе.

с группой истребителей было поручено сбить бомбардировщиков «юнкерсов», прилетевших

бомбить город. «Юнкерсов» прикрывали истребители «хейнкель». Ведущий командовал: «Делай, как я!» — и ринулся навстречу истребителям. Сергей (он в том бою был ведомым) повторил его маневр. «Хейнкель» в прицеле будто боком летел на него — так быстро он с ним сближался. Выбрав момент, Черных дал по нему длинную очередь и отвалил в сторону, как можно выше, чтобы разобраться в обстановке. Сначала заметил своего ведущего, потом падающий фашистский истребитель...

Авиационная часть, в которой находился Сергей Черных, быстро приобрела боевой опыт. У нее была хорошо налажена связь с наблюдательными пунктами. Летчики стали перехватывать противника на подступах к Мадриду. Росла слава об их подвигах. Имя Сергея Черных становилось известным.

Однажды «юнкерсы» неожиданно, подкравшись из-за облаков, атаковали аэродром, где базировалась авиационная часть, в которой служил Черных. Все, кто там находился, бросились на землю, ища хоть какое-то



Сергей
Александрович
Черных

укрытие от осколков. Одним из немногих, кто не растерялся в кромешном мраке, был Сергей Черных. Как был, без шлема и парашюта, он вскочил в кабину своего И-16 и включил мотор. Легкий «чато» взмыл свечой. Пользуясь преимуществом в скорости, советский «ястребок» быстро нагнал бомбардировщиков — они уже, отбомбившись, уходили, — приблизился к одному из них вплотную и врезал очередь из пулемета. «Юнкерс» загорелся и, пылая, рухнул на землю. Другие опомнились и открыли огонь по «ястребку». Но Черных, сделав удачный маневр, уклонился от вражеских пуль, да при этом еще и второй «юнкерс» попал в крестовину его прицела. Он и его прошил пулеметной очередью...

В декабре 1936 года объектом его успешной атаки стал фашистский самолет-разведчик, повадившийся летать над Мадридом, пользуясь ненастной зимней погодой. Многие истребители пытались его сбить, но, видимо, им управлял опытный ас — ему всякий раз удавалось увильнуть от погони. Сергеем Черным овладел азарт охотника: он несколько раз наблюдал с земли неудачные попытки атаковать этот самолет и разобрался в хитростях врага. И тогда уж делом техники оставалось придумать и применить ответную хитрость.

По свидетельству военных историков, именно Сергею Черным — первому из советских летчиков! — удалось сбить новейший немецкий истребитель «Мессершмитт-109В». Об этом рассказывает свидетель того боя А. И. Гусев в книге «Гневное небо Испании».

...Из Мадрида сообщили о появлении истребителя незнакомого типа. Летчики сразу поняли, что речь идет о «Мессершмитте-109». Машина Черных была готова к полету. Он моментально поднялся в воздух и перехватил «мессер» почти над самым аэродромом. Фашист увидел, что его преследует всего один «И-16», прибавил скорость и неожиданно полез за спасением вверх. В этом была его ошибка. На вертикалях с И-16 шутки плохи, а с Черных — плохи вдвойне, потому что Сергей прославился как летчик именно в вертикалях. Черных быстро догнал его и начал бить с малой дистанции. «Мессершмитт» стал постепенно разваливаться в воздухе.

Это был первый Ме-109, сбитый на участке фронта, который обороняли советские асы. Вполне вероятно, что это вообще был первый сбитый «мессер» — гордость и надежда гитлеровской армии. И, надо полагать, именно этот боевой эпизод послужил непосредственным поводом к представлению Сергея Черных к редкому тогда званию Героя Советского Союза. Указ о награждении датирован 31 декабря 1936 года.

А через три с половиной месяца 25-летний ас, Герой и старший лейтенант авиации Сергей Александрович Черных был отозван на родину. Он возвратился как триумфатор; в 1937 году земляки-тагильчане избрали летчика Черных депутатом Верховного Совета СССР. И военная его карьера развивалась самым стремительным образом. Достаточно сказать, что к концу лета 1937 года Черных был произведен в майоры и назначен командиром эскадрильи, а всего лишь год спустя уже полковник Черных принимал участие в конфликте на озере Хасан в должности заместителя командующего военно-воздушными силами Дальневосточного фронта. В июне 1940 года 28-летний Черных получил звание генерал-майора и принял командование 9-й смешанной авиадивизией. В этом звании и в этой должности он встретил Великую Отечественную войну...

Трагедия советской авиации в первый же день, а затем и в первые месяцы войны сейчас всем хорошо известна. Как сообщается в авторитетном источнике, из имевшихся на 22 июня 1941 г. 20 тыс. боевых самолетов к концу года осталось 2,1 тыс.⁷ В этой мясорубке была перемолота и авиадивизия, которой командовал генерал-майор Черных. Была ли в том его вина? Сегодня совершенно очевидно: предотвратить трагедию всей армии, будучи ответственным лишь за сравнительно небольшое ее подразделение, было не в его силах. Но «козел отпущения» кремлевскому руководству был нужен, и вчерашнему триумфатору, герою испанских сражений, припомнили и Испанию, и его испанского командира Якова Смушкевича — тоже депутата и даже дважды Героя, ставшего «врагом народа» в те же трагические первые дни войны...

В общем, Сергею Александровичу Черным, талантливому летчику и командиру, первым сбившему фашистский «мессершмитт» в Испании, повоевать дома, в защиту своей родины, во всю силу его неординарных возможностей — не дали. Он пал в июле 1941 года жертвой произвола и клеветы.

⁷ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. — М.: Наука, 1999. С. 75.

Счет серов счетовода

Аркадий
Николаевич
Коняев

Если бы устраивался конкурс счетовода могла бы. Наверное, не место. Другое дело — военный. Счетоводом работал в родном городе. Мало того — будущий Герой Советского Союза. Вот и рассуждайте, какие это были негероические...

Но тут надо учесть, по меньшей мере, вых, счетоводом Аркадий Николаевич. Ему было, когда вступил в эту должность. Достаточно по тем временам грамотный и ему доверяли. Во-вторых, счетоводом то есть железная дорога, с ее культурой приняла его в свой коллектив. И тогда было 19 лет, город Надеждинск. Искренне, летчику-истребителю А. К. Серову присвоили звание Героя Советского Союза. Ским мальчишкам тогда захотелось влететь в космонавты). Многим захотелось, а депо Аркадий Коняев пошел в аэроклуб. Ляк погиб, и его имя присвоили родному. Коняев покинул город, как оказалось, и он, питомец аэроклуба, пошел в летчики — война. Он воевал на истребительном полку, истребительной авиации. Он летов, провел 65 воздушных боев. (в том числе, конечно, и не один мессер). Жил он до 1953 года, а после демобилизации профессии счетовода не вернулся. Жил в...

А как он воевал — он успел рассказать. Большой мемуарный очерк из книги «З...

28 июля 1943 года. Я — заместитель командира авиационного полка: воздушный бой. Восьми Як-7 приказано сопровождать самолет он Каменного Лога (Белгородское направление).

Это был мой первый боевой вылет. И наших машин. Одни бомбили, другие стреляли с другим. В небольшом воздушном бою. Той. То там, то тут вспыхивают и горят...

ориков, именно Сергею Черным — пер-
лось сбить новейший немецкий истре-
том рассказывает свидетель того боя
Испании».

оявлении истребителя незнакомого
ечь идет о «Мессершмитте-109». Ма-
у. Он моментально поднялся в воздух
самым аэродромом. Фашист увидел,
-16», прибавил скорость и неожидан-
том была его ошибка. На вертикалях
— плохи вдвойне, потому что Сергей
вертикалях. Черных быстро догнал его
«Мессершмитт» стал постепенно раз-

ый на участке фронта, который оборо-
тно, что это вообще был первый сби-
да гитлеровской армии. И, надо пола-
послужил непосредственным поводом
едкому тогда званию Героя Советского
ван 31 декабря 1936 года.

да 25-летний ас, Герой и старший лей-
ович Черных был отозван на родину.
1937 году земляки-тагильчане избра-
овного Совета СССР. И военная его ка-
тельным образом. Достаточно сказать,
был произведен в майоры и назначен
ишь год спустя уже полковник Черных
озере Хасан в должности заместителя
и силами Дальневосточного фронта.
получил звание генерал-майора и при-
авиадивизией. В этом звании и в этой
ечественную войну...

а первый же день, а затем и в первые
о известна. Как сообщается в автори-
на 22 июня 1941 г. 20 тыс. боевых са-
1 тыс. В этой мясорубке была пере-
мандовал генерал-майор Черных. Была
ошненно очевидно: предотвратить тра-
венным лишь за сравнительно неболь-
его силах. Но «козел отпущения» крем-
и вчерашнему триумфатору, герою ис-
Испанию, и его испанского командира
ата и даже дважды Героя, ставшего
ие первые дни войны...

овичу Черных, талантливому летчику
ашистский «мессершмитт» в Испании,
одины, во всю силу его неординарных
в июле 1941 года жертвой произвола

Счет серовского счетовода

Аркадий
Николаевич
Коняев

Если бы устраивался конкурс негероических профессий, то профес-
сия счетовода могла бы, наверно, претендовать на одно из первых
мест. Другое дело — военный летчик, не правда ли? Но именно сче-
товодом работал в родном Надеждинске будущий военный летчик,
мало того — будущий Герой Советского Союза Аркадий Николаевич
Коняев. Вот и рассуждайте после этого о профессиях героических
и негероических...

Но тут надо учесть, по меньшей мере, три обстоятельства. Во-пер-
вых, счетоводом Аркадий Николаевич работал в юности — лет восемнад-
цать ему было, когда вступил в эту должность. А это значило, что был он
достаточно по тем временам грамотен, сам ответственности не боялся
и ему доверяли. Во-вторых, счетоводом он работал в паровозном депо,
то есть железная дорога, с ее культом ответственности и дисциплины,
приняла его в свой коллектив. И третье обстоятельство: когда Коняеву
было 19 лет, город Надеждинск испытал радостное потрясение: их зем-
ляку, летчику-истребителю А. К. Серову, за боевые действия в Испании
присвоили звание Героя Советского Союза! Наверно, многим надеждин-
ским мальчишкам тогда захотелось в летчики (как четверть века спустя —
в космонавты). Многим захотелось, а молодой счетовод из паровозного
депо Аркадий Коняев пошел в аэроклуб. А в 1939 году знаменитый зем-
ляк погиб, и его имя присвоили родному городу Коняева, но в том же году
Коняев покинул город, как оказалось, навсегда. Его призвали в армию,
и он, питомец аэроклуба, пошел в летное училище. А после училища сра-
зу — война. Он воевал на истребителях, был командиром эскадрильи,
полка, истребительной авиационной дивизии; совершил 247 боевых вы-
летов, провел 65 воздушных боев, лично сбил 17 вражеских самолетов
(в том числе, конечно, и не один «мессершмитт»). В военной авиации слу-
жил он до 1953 года, а после демобилизации ни в город Серов, ни к про-
фессии счетовода не вернулся. Жил в Виннице и умер в 1993 году.

А как он воевал — он успел рассказать сам. (Перепечатаем его не-
большой мемуарный очерк из книги «Золотые звезды свердловчан»).

28 июля 1943 года. Я — заместитель командира 32-го истребитель-
ного авиационного полка: воздушной армии. Группе самолетов в составе
восьми ЯК-7 приказано сопровождать самолеты ИЛ-2 на штурмовку в рай-
он Каменного Лога (Белгородское направление).

Это был мой первый боевой вылет. В воздухе — сотни вражеских
и наших машин. Одни бомбили, другие штурмовали, третьи вели бой друг
с другом. В небольшом воздушном пространстве вертелся «огненный
рой». То там, то тут вспыхивают и горят самолеты: то ли столкнулись друг

с другом, то ли сбиты зенитным огнем, то ли «напоролись» на трассу пулеметного огня истребителя.

Самолеты-штурмовики, которых мы сопровождали, ворвались в этот «огненный рой» и вошли в пикирование. Приходилось решать двойную задачу: не терять из виду штурмовики и в то же время не отрываться от своих. И все-таки я не удержался в группе. Оторвались мы от группы с моим ведомым, лейтенантом Окружным, в тот момент, когда впереди почти в самом прицеле распластался силуэт «мессершмитта».

Очередь! И тотчас вижу зловещий силуэт другого Ме-109, идущего на меня сбоку. Резко бросаю самолет в сторону, ухожу от огня. Осматриваюсь, отыскиваю своего ведомого, сближаемся и снова идем в бой. Снова нас атакуют. Мы защищаем друг друга. И так бесконечно.

Инстинктивно бросаю взгляд на приборы, вижу, что стрелка показателя бензина почти на нуле. А это значит, что мотор вот-вот остановится. Даю сигнал ведомому, и мы крутым пикированием покидаем район боя.



Аркадий
Николаевич
Коняев

Вечером на разборе командир авиаэскадрильи капитан Павел Чернов сначала пожурил меня за недостаточную осмотрительность, а потом подошел, похлопал по плечу и, улыбаясь, сказал:

— Молодцы!

12 августа 1943 года. Очередной, но уже не первый в этот день боевой вылет на прикрытие советских войск в район Ахтырки. Восьмерку наших Яков возглавлял командир полка майор Петрухин. Парами, эшелонированно подошли в район действия. Пункт наведения (как мы называли — «земля») передал, что в воздухе спокойно. А в это время я и мой ведомый, находясь на высоте 2500 метров, заметили чуть ниже и в стороне две точки в воздухе. Присмотревшись, узнал «мессершмиттов», идущих параллельным курсом. Передаю по радио ведущему группы, что вижу два самолета противника, и одновременно разворачиваю машину. Самолеты сближаются на встречных курсах. Несколько маневров — и мы в глубоком вираже. Мысль одна — суметь сделать минимальный радиус, не теряя при этом высоты. Четверка самолетов — два Яка и два «мессершмитта» цепочкой, преследуя друг друга, вступили в смертельную схватку. Нервы напряжены до предела. По радио твержу своему ведомому: «Будь осторожен,

не перетяни!». И вот я иду по внутреннему моменту на упреждение, и рука автомата

Мы с напарником остаемся на высоте, а внизу, в пламени, оставляя за собой след фашистский стервятник. Другой, в пикирует, уходит на запад.

Вот когда я почувствовал радость. Возвратились всей восьмеркой. Здравил меня с первой победой.

20 августа 1943 года. Четверка на вращении, вылетела на сопровождение Ахтырки. Когда штурмовики заканчивали заход, выше нас метров на 1000, появилась масса немецких бомбардировщиков и истребителей — «мессершмиттов» и «фоккеров».

Штурмовики один за другим цепочкой догоняя друг друга, становились в ряд, выходя от группы. Было ясно, что они не успеют начать приземляться. Так или иначе мы потеряли при этом из виду основную группу.

В этот момент сверху «посыпались» «фокке-вульфов» бросились в атаку. Мы едва успели выйти наперерез огню по ИЛам. Атака не принесла результатов. Штурмовики уже были готовы к новой схватке.

Вслед за «фоккерами» появилась «швабика», направлялась в атаку на отставший полк ИЛу грозит смертельная опасность, я бросаю машину в гущу врага. Очередь в упор — и самолет падает в землю.

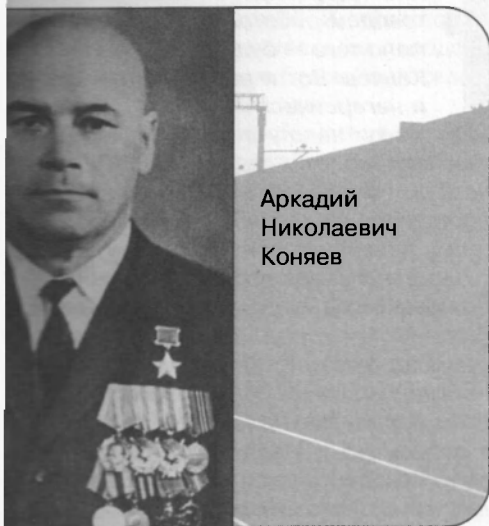
Теперь вражеские истребители бросились на меня оставив в покое ИЛ-2. Трудно было инстинктивно бросать самолет из одной позиции в другую, так как в этот момент атакуя первый попавшийся самолет.

Но вот немцы снова «навалились» на меня. Я же видел только одно — преследовал. Бросившись на «мессершмитта», преследовал его очередью, когда он выходил из облака не вдалеке от вынужденно севшего самолета.

Я не видел, как упал второй сбитый самолет. Возвратившиеся на другой день в тот же ИЛ. Моя же машина имела 32 пулевых ранения.

Четверка Яков успешно справилась с истребителями противника, она сбивала штурмовики.

опнем, то ли «напоролись» на трассу пу-
 зых мы сопровождали, ворвались в этот
 звание. Приходилось решать двойную за-
 ки и в то же время не отрываться от сво-
 группе. Оторвались мы от группы с моим
 м. в тот момент, когда впереди почти
 силуэт «мессершмитта».
 ещий силуэт другого Ме-109, идущего на
 пет в сторону, ухожу от огня. Осматрива-
 в. сближаемся и снова идем в бой. Снова
 друга. И так бесконечно.
 на приборы, вижу, что стрелка показав-
 значит, что мотор вот-вот остановится.
 пикированием покидаем район боя.



Аркадий
Николаевич
Коняев

р авиаэскадрильи капитан Павел Чер-
 достаточную осмотрительность, а потом
 боясь, сказал:

ной, но уже не первый в этот день бое-
 войск в район Ахтырки. Восьмерку на-
 полка майор Петрухин. Парамы, еще
 действия. Пункт наведения (как мы на-
 воздухе спокойно. А в это время я и мой
 20 метров, заметили чуть ниже и в стороне
 вшись, узнал «мессершмиттов», идущих
 по радио ведущему группы, что вижу два
 менно разворачиваю машину. Самолеты
 несколько маневров — и мы в глубоком
 делать минимальный радиус, не теряя при-
 — два ЯКа и два «мессершмитта» це-
 ступили в смертельную схватку. Нервы на-
 верху своему ведомому: «Будь осторожен,

не перетяни!». И вот я иду по внутреннему кругу. Фашист в прицеле. Еще
 момент на упреждение, и рука автоматически нажимает гашетку.

Мы с напарником остаемся на высоте, продолжая глубокий вираж,
 а внизу, в пламени, оставляя за собой шлейф густого дыма, мчится к зем-
 ле фашистский стервятник. Другой, видя гибель своего ведущего, круто
 пикирует, уходит на запад.

Вот когда я почувствовал радость победителя!

Возвратились всей восьмеркой на аэродром, и командир полка по-
 здравил меня с первой победой.

20 августа 1943 года. Четверка наших ЯКов, уже под моим командо-
 ванием, вылетела на сопровождение девяти штурмовиков ИЛ-2 в район
 Ахтырки. Когда штурмовики заканчивали последний, третий, штурмовой
 заход, выше нас метров на 1000, возвращаясь на запад, показалась ар-
 мада немецких бомбардировщиков в сопровождении нескольких групп истре-
 бителей — «мессершмиттов» и «фокке-вульфов».

Штурмовики один за другим цепочкой выходили из атаки и, постепен-
 но догоняя друг друга, становились в строй. Лишь один ИЛ-2 явно отста-
 вал от группы. Было ясно, что он не сможет продолжать полет и вот-вот
 начнет приземляться. Так или иначе нужно было прикрыть отстающего, не
 теряя при этом из виду основную группу.

В этот момент сверху «посыпались» истребители противника. Двенад-
 цать «фокке-вульфов» бросились в атаку на основную группу штурмови-
 ков. Мы едва успели выйти наперерез и не дать произвести прицельного
 огня по ИЛам. Атака не принесла врагу успеха. А мы вместе со штурмо-
 виками уже были готовы к новой схватке.

Вслед за «фоккерами» появилась восьмерка «мессершмиттов». Она
 направлялась в атаку на отставший, подбитый зениткой ИЛ-2. Увидев, что
 ИЛу грозит смертельная опасность, я развернул самолет и бросился пря-
 мо в гущу врага. Очередь в упор — и один из «мессершмиттов» тут же вре-
 зался в землю.

Теперь вражеские истребители бросились на меня, на какое-то вре-
 мя оставив в покое ИЛ-2. Трудно описать все напряжение этого боя. Я ин-
 стинктивно бросал самолет из одной фигуры в другую, то уходя от огня,
 то атакуя первый попавшийся самолет врага.

Но вот немцы снова «навалились» на штурмовик, не оставляя в покое
 и меня. Я же видел только одно — прижавшийся вплотную к земле ИЛ-2.
 Бросившись на «мессершмитта», преследовавшего машину, я «прошил»
 его очередью, когда он выходил из атаки. Самолет врага врезался в зем-
 лю недалеко от вынужденно севшего ИЛ-2.

Я не видел, как упал второй сбитый мной самолет. Об этом расска-
 зали возвратившиеся на другой день летчик и раненый стрелок с подби-
 того ИЛа. Моя же машина имела 32 пулевые пробоины.

Четверка ЯКов успешно справилась со своей задачей. Ведя бой с 20
 истребителями противника, она сбивала три самолета врага, сохранив свои
 штурмовики.

Капитан «Малютки»

Валентин
Георгиевич
Стариков

В детстве он зачитывался романами Дюма. Особенно бредил героями «Трех мушкетеров». Из кармана его курточки вечно высывалась толстая книжка в светло-синем переплете с золотым тиснением. Он знал из нее наизусть целые страницы. Казалось, вся жизнь его протекала в мире героев Дюма. Но это только казалось. Детство у Валентина Старикова было трудным. Рано умер отец. Четверо братьев были еще меньше его. Мать выбивалась из сил, чтобы прокормить семью. Валентин видел это и старался помочь. Зимой прилежно учился в школе, а с первыми теплыми весенними днями уходил на заработки. Тяжело приходилось мальчишке целыми днями мешать в холодном сарае землю, посыпая ее минеральными удобрениями. Зато какая радость была принести домой целую пачку денег!

А в часы отдыха он уходил в лес, на рыбалку. Мечтал о парусной яхте и о... море, которого никогда не видел. Воображение рисовало бескрайние водные дали, могучие волны, военные корабли. Иногда брал краски и принимался копировать морские пейзажи.

Но вскоре стало не до картин. Валентин Стариков поступает в школу ФЗУ при Пермском паровозоремонтном заводе, где обучается кузнечному ремеслу. Два года пролетели незаметно, и вот он уже приобщен к молоту и наковальне. Тяжелая работа его не пугала. Наоборот, Валентин с гордостью показывал друзьям, как крепнут его мускулы. Товарищи по кузнице уважали пацана за трудолюбие и сноровку, за силу и мастерство. То, что выходило из рук Старикова, всегда получало отличную оценку.

Но недолго продолжалась его работа на железнодорожном предприятии. Страна готовилась к войне, в общественном мнении формировалось убеждение, что самое высокое и прекрасное предназначение молодого человека — стать профессиональным защитником своей Родины. ОСОАВИАХИМ — общественная организация, популяризовавшая военно-прикладные виды спорта, — распространил свое влияние чуть ли не на все взрослое население страны, начиная с подростков. Комсомол объявлял призывы и затем по своим путевкам направлял самых толковых, сообразительных, физически развитых ребят в те рода войск, которые государством считались приоритетными.

Как-то был объявлен комсомольский набор в военно-морские учебные заведения. Валентину Старикову он приоткрыл возможность реализовать его давнюю и, казалось, несбыточную мечту о море — как было не попытаться счастья? Так молодой кузнец паровозоремонтного завода стал курсантом военно-морского училища, а по прошествии отведенных на учебу лет — и офицером-подводником.

А потом началась Великая Отечественная на Крайнем Севере, где он воевал на «М-171» — в морском просторе-и. «Малютка» — водоизмещением чуть ли не в три раза меньше, чем «Малютка», притом уступала ей по скорости и дальности плавания. Но в боях она уступала раза в два, и вооружение было и опасному для противника подводному. Бывший кузнец из пермского паровозного завода копировать вражеские коммуникации на боевом дежурстве. Потянулись чаго-

Однажды разведка донесла, что корабли попытается в ближайше-е. Лейтенант Стариков получил приказ атаковать на боевое дежурство. Потянулись чаго-



шли почти сутки, а немцы так и не обнаружили, что скорее всего вражеские корабли воспользовались штормом. Что же делать? Рискнуть и самим пойти вслед за ними? Придется по узкому, извилистому и темному коридору множества вражеских постов наблюдать за ними.

И все-таки решился! Почти час карауление высунули из воды перископ — разгрузкой два больших транспорта. Неожиданно торпедного залпа. И сразу вниз, в спасательный круг уже прогрохотали взрывы торпед.

Только Валентин Георгиевич не успел. Он ждал от врага каверзы и несколько не успел. Рестала слушаться руля и стремительно пошла в металлическую сеть! С этого момента началась борьба за жизнь экипажа.

Послышались разрывы глубинных бомб. Плафоны. Моряки оказались в критическом положении.

героев Дюма. Особенно бредил геро-
Из кармана его курточки вечно высывы-
светло-синем переплете с золотым тис-
наизусть целые страницы. Казалось, вся
героев Дюма.

атство у Валентина Старикова было труд-
его братьев были еще меньше его. Мать
прокормить семью. Валентин видел это
но учился в школе, а с первыми теплы-
работки. Тяжело приходилось мальчиш-
ом сарае землю, посыпая ее минераль-
едость была принести домой целую пач-

лес. на рыбалку. Мечтал о парусной яхте
дел. Воображение рисовало бескрай-
военные корабли. Иногда брал краски
пейзажи.

Валентин Стариков поступает в школу
отном заводе, где обучается кузнечно-
заметно, и вот он уже приобщен к мо-
ота его не пугала. Наоборот, Валентин
как крепнут его мускулы. Товарищи по
любие и сноровку, за силу и мастерство.
всегда получало отличную оценку.

его работа на железнодорожном пред-
юине, в общественном мнении форми-
высокое и прекрасное предназначение мо-
циональным защитником своей Родины.
организация, популяризовавшая воен-
распространил свое влияние чуть ли не на
начиная с подростков. Комсомол объяв-
тевкам направлял самых толковых, со-
итых ребят в те рода войск, которые го-
тными.

юльский набор в военно-морские учеб-
кову он приоткрыл возможность реали-
есбыточную мечту о море — как было не
кузнец паровозоремонтного завода стал
и а. а по прошествии отведенных на уче-
ем.

А потом началась Великая Отечественная война. Она застала Стари-
кова на Крайнем Севере, где он уже был командиром подводной лодки
«М-171» — в морском просторечии «Малютки». Это и впрямь была малют-
ка — водоизмещением чуть ли не в три раза меньше знаменитой «Щуки»,
а по скорости и дальности плавания ей практически не уступающая. Немец-
кая субмарина такого же класса (II D) была раза в полтора более громозд-
кой, чем «Малютка», притом уступала ей по скорости, а по дальности плава-
ния уступала раза в два, и вооружена была послабее. Вот такому юркому
и опасному для противника подводному суденышку, которым командовал
бывший кузнец из пермского паровозного депо, была поставлена задача бло-
кировать вражеские коммуникации на входах в береговые фьорды.

Однажды разведка донесла, что конвой фашистских транспортных
кораблей попытается в ближайшие дни войти в порт Петсамо. Капитан-
лейтенант Стариков получил приказ атаковать корабли. «Малютка» вышла
на боевое дежурство. Потянулись напряженные часы ожидания. Но про-



Валентин
Георгиевич
Стариков

шли почти сутки, а немцы так и не обнаружили себя. И тут до капитана
дошло, что скорее всего вражеские корабли все-таки проскочили в порт,
воспользовавшись штормом. Что же делать? Вернуться на базу? А может,
рискнуть и самим пойти вслед за ними в Петсамо? Правда, продвигаться
придется по узкому, извилистому и длинному фиорду. Вдоль берегов —
множество вражеских постов наблюдения.

И все-таки решился! Почти час краслась «Малютка» к гавани. На мгно-
вение высунули из воды перископ — действительно, у причала стояли под
разгрузкой два больших транспорта. Несколько секунд ушло на подготовку
торпедного залпа. И сразу вниз, в спасительную толщу воды. А за кормой
уже прогрехотали взрывы торпед, вызвавшие бурю эмоций у моряков.

Только Валентин Георгиевич не поддался всеобщему ликованию.
Он ждал от врага каверзы и нисколько не удивился, когда лодка вдруг пе-
рестала слушаться руля и стремительно пошла на глубину. «Малютка» по-
пала в металлическую сеть! С этого момента начался поединок Старико-
ва с врагом, борьба за жизнь экипажа.

Послышались разрывы глубинных бомб. Корпус судна трещал, лопались
плафоны. Моряки оказались в критическом положении. Командир попытался

поднырнуть под металлическую решетку. Не получилось! Пробовал обойти ее — сеть везде словно стена преграждала путь. А немцы продолжали бомбить морскую пучину. С каждой минутой все труднее становилось дышать.

Как же быть? Что предпринять? Стариков принимает дерзкое решение: будем всплывать над сетью! Враг этого, конечно, никак не ждет. Воспользовавшись внезапностью, проскочим, а потом мгновенно уйдем в глубину. Если повезет, противник не успеет среагировать.

И все-таки главным здесь было не везение, а точный расчет талантливого и бесстрашного командира. Дело в том, что Валентин Георгиевич, готовясь к военным походам, тщательно изучал течения, приливы, отливы. Теперь эти знания пригодились: Стариков повел «Малютку» над сетью точно в тот момент, когда морской прилив достиг максимальной величины. Видимо, фашисты не учли этого.

И вот лодка осторожно привсплывает и крадется к сети. Все замирает в напряженном ожидании. Наконец днище касается верхней кромки решетки. Скрежет троса слышится слишком отчетливо. Он ползет, ползет... И вот уже «Малютка», повинувшись приказу своего командира, уходит в глубину. Но теперь уже по другую сторону сети. Немцы просто не ожидали такого дерзкого решения и растерялись.

Когда покрытая льдом «Малютка» подходила к своей базе, у причала ее встречали командир соединения и моряки с других боевых кораблей. Сойдя по трапу, Стариков уже собрался отдать рапорт, но командир обнял молодого капитана и трижды, по русскому обычаю, расцеловал его.

Другой случай. Три крупных, тщательно охраняемых транспорта спокойно шли своим курсом. И вдруг — взрыв торпеды. Это «М-171», прорвав кольцо охранения, с минимальной дистанции направила своей смертельный груз в цель.

Среди кораблей охранения поднялся переполох. Началась охота за подводниками. «Преследуем большевистскую подлодку», — открытым текстом выдавали гитлеровцы в эфир. Шесть часов длилась погоня. 258 бомб было сброшено на «Малютку». Фашисты ликовали: «Русским пришел конец!»

А Стариков тем временем благополучно следовал к своей базе. Когда лодка подошла к причалу, его в шутку спросили:

— Есть ли у капитан-лейтенанта пропуск с того света?

— Пропуск? — переспросил Стариков и, тоже переходя на шутку, ответил: — Пропуска нет! Зато мы им такой пропуск на тот свет выписали, что оттуда они уже никогда не выберутся!

Имя Валентина Георгиевича становится известным не только в Советском Союзе. О нем заговорила иностранная печать. Англичане восхищались подвигами морского аса. Американцы подарили ему большие золотые часы. В подтверждение своей репутации Стариков отправил на дно еще несколько фашистских транспортов.

А враги кричали о нем с ненавистью. Три раза немецкое радио сообщало «о потоплении известного советского подводника», чем приводило в неописуемый восторг всю команду стариковской «Малютки».

Подвиги морских охотников были оценены по достоинству: еще в 1942 году командиру подводной лодки «М-171» Старикову было присвоено звание Героя Советского Союза, а храбрый экипаж стал гвардейским.

После войны Валентин Георгиевич окончил Военно-морскую академию, командовал военно-морской базой на Балтике.

А затем была учеба в Академии Генерального штаба. Последние годы службы на флоте он был начальником военно-морского училища. Здесь же ему были присвоены звания контр-адмирал, а спустя три года — вице-адмирал...

Война прилежания требует

Максим
Андреевич
Чистяков

На крутых склонах глинистых оврагов в окрестностях «сорокапятки». Отсюда, с начала в октябре 1942 года своей жизни начал в окрестностях «сорокапятки» Максим Чистяков.

Мирное плотницкое ремесло у Максима Чистякова было в совершенстве. Работал на Свердловском заводе, занимался ремонтом на Туринском участке Дорожного управления.

Многое успел в жизни и на фронте. В боях под Сталинградом трижды был ранен. Сам учился воевать и обучал этому ремеслу других. Годился и довоенный опыт. Влюбился в профессию, Максим Андреевич объяснял это так:

— Столярное дело — оно, братишка, везде. И в деревне, и на войне. Столяр — он знает, где уголок, расстояние определит, наметан крепко. Главное — думать над выбором. На овраги особенно не зарывайся. На карту — ага, миномет; значит, наверно, окопайся на скате, он и не догадается.

Сталинград. Гитлеровцы в слепом отчаянии бросали «Тигры» мечутся по полю, ищут укрытия. Но нет такого места. В общий грохот войны Максим Чистяков. Рядом с орудием разорвался снаряд. Тут же Максим ощутил сильную боль.

Из госпиталя он писал семье в Туринск: «Всю войну — успокаивал. Потому что это «скорая» — успокаивал.

После излечения командир орудия Максим Чистяков был переведен в гвардейского артполка. Это формирование было сформировано из резерва Главного командования. Получило название «дивизии прорыва». Максим Чистяков был назначен командиром будущей гвардейской Глуховской дивизии.

Курская дуга: кипящий океан огня, шающий грохот разрывов. Горит земля, выем оком горит солнце. Сутками не смыкает глаз. Чернели от дыма и бессонницы. Трудно было ковать атаку отбивает орудие Чистякова. От деревни Молотычи под Орлом. Скол...

сетку. Не получилось! Пробовал обойти препятства. А немцы продолжали бомбить. Все труднее становилось дышать. Стариков принимает дерзкое решение. Вояг этого, конечно, никак не ждет. Воскресим, а потом мгновенно уйдем в глубь. Не реагирует. Было не везение, а точный расчет таланта. Дело в том, что Валентин Георгиевич, тщательно изучал течения, приливы, отливы. Стариков повел «Малютку» над сетью. Прилив достиг максимальной величины.

сплывает и крадется к сети. Все замирает. Наконец днище касается верхней кромки. Слишком отчетливо. Он ползет, ползет. Услышав приказ своего командира, уходит в сторону сети. Немцы просто не ожидали. Растерялись.

«Малютка» подходила к своей базе, у причала. И моряки с других боевых кораблей. Сосрался отдать рапорт, но командир обещал по русскому обычаю, расцеловал его.

Тщательно охраняемых транспорта сполз — взрыв торпеды. Это «М-171», прорвав в дистанции направила своей смертель-

поднялся переполох. Началась охота за подводную лодку, — открытым текстом. Часов длилась погоня. 258 бомб было сброшено. Ликовали: «Русским пришел конец!»

Наглотавшись следовал к своей базе. Когда в шутку спросили:

«А где пропуск с того света?»

Стариков и, тоже переходя на шутку, ответил: «Такой пропуск на тот свет выписали, но не берут!»

Стариков становится известным не только в Советском Союзе. Англичане восхищаются. Американцы подарили ему большие золотые медали. Стариков отправил на дно моря. Спортов.

Завистью. Три раза немецкое радио сообщало о «похищении советского подводника», чем приводило в восторг стариковской «Малютки».

Были оценены по достоинству: еще в 1942 году «М-171» Старикову было присвоено звание Героя Советского Союза. Экипаж стал гвардейским.

Стариков окончил Военно-морскую академию. Был базой на Балтике.

В Генеральном штабе. Последние годы жизни — в Военно-морском училище. Здесь же ему было присвоено звание вице-адмирала...

Война прилежания требует

Максим
Андреевич
Чистяков

На крутых склонах глинистых оврагов расположились огневые позиции «сорокапятков». Отсюда, с берегов совсем не тихого Дона, начал в октябре 1942 года свой фронтовой путь столяр-железнодорожник Максим Чистяков.

Мирное плотницкое ремесло уральский мастер освоил в совершенстве. Работал на Свердловской мебельной фабрике, а затем на Туринском участке Дорстроя Егоршинского отделения. Многое успел в жизни и на фронт пошел опытным, зрелым мужчиной. В боях под Сталинградом тридцатидвухлетний командир орудия сам учился воевать и обучал этому ремеслу бойцов. При этом, оказывается, годился и довоенный опыт. Влюбленный в свою гражданскую профессию, Максим Андреевич объяснял ребятам-артиллеристам:

— Столярное дело — оно, братишки, всегда и везде пригодится: и на заводе, и в деревне, и на войне. Столяру и пушкарем, и минометчиком стать легче: угол, расстояние определить для него дело привычное. Глаз наметан крепко. Главное — думать надо. Вот, к примеру, огневую точку выбрать. На овраги особенно не зарься. Противник тоже не дурак: глянет на карту — ага, миномет; значит, наверняка в овраге. А ты хитрее сделай, окопайся на скате, он и не догадается. Война прилежания требует...

Сталинград. Гитлеровцы в слепом отчаянии продолжают рваться вперед. «Тигры» мечутся по полю, ищут слабое место в нашей обороне. Но нет такого места. В общий грохот выстрелов вливается и грохот пушки Чистякова. Рядом с орудием разорвался снаряд. «Сорокапятка» вздрогнула. Тут же Максим ощутил сильную боль в правом плече.

Из госпиталя он писал семье в Туринск, что скоро снова на передовую — успокаивал. Потому что это «скоро» растянулось на три месяца.

После излечения командир орудия отправлен в распоряжение 176-го гвардейского артполка. Это формирование входило в состав артиллерийской дивизии резерва Главного командования, за которой прочно закрепилось название «дивизии прорыва». Максим Чистяков воевал в составе будущей гвардейской Глуховской дивизии до конца войны.

Курская дуга: кипящий океан огня, непрерывный поток стали, оглушающий грохот разрывов. Горит земля, горит небо, немигающим кровавым оком горит солнце. Сутками не смыкают артиллеристы глаз. Лица почернели от дыма и бессонницы. Трудно сосчитать, которую по счету танковую атаку отбивает орудие Чистякова, установленное в балке недалеко от деревни Молотычи под Орлом. Сколько обугленных «тигров» чернеет

на поле, а фашисты подтягивают еще и еще. Вот опять раздается голос командира:

— Орудие к бою!

В небе появляются «юнкерсы». Они высыпают на артиллеристов бомбы. Откуда-то бьют вражеские пушки. Качается под ногами земля. Трое суток пушкар-чистяковцы отбивают фашистские контратаки. Попытка гитлеровцев овладеть выгодной в стратегическом отношении высотой была сорвана. Подступы к высоте после того боя были сплошь усеяны трупами врага. За этот бой отважный командир орудия получил свой первый боевой орден — Красной Звезды. До конца войны гвардии сержант Чистяков удостоится и второй такой же награды, а также ордена Отечественной войны II степени и пяти медалей. Будет он еще трижды ранен, и каждый раз, как только заживут раны, он снова становился в строй.

Орудийный расчет бывшего уральского столяра освобождал украинские города Конотоп и Бахмач.



Максим
Андреевич
Чистяков

А 1 октября 1943 года дивизия прорыва в 75-ти километрах севернее Киева вышла к берегам Днепра. Радость огромная! Река, воспетая Гоголем, плескалась у ног. Но некогда было любоваться красавцем Днепром. На его правом берегу враг возвел мощные оборонительные сооружения, провозгласив на весь мир, что здесь будет остановлено наступление советских войск. Где-то у подножья правобережных круч истекал кровью десант нашей пехоты.

— Давай, Чистяков, на правый берег, выручай царицу полей! — командовал командир батареи.

Быстро построили прочный и устойчивый плот (вновь пригодилась Максиму мирная профессия). В темноте погрузили на него «полуторку» ЗИС-5, которую, кстати, вел сам Чистяков, погрузили снаряды. В полночь моторная лодка, несмотря на обстрел с западного берега артиллерийским огнем противника, благополучно отбуксировала плот на ту сторону Днепра. Как дорогих гостей встретили пехотинцы артиллеристов:

— Молодцы, пушкар!

И помогли быстро выкатить на берег машину, орудие, перебросили боеприпасы.

Уже в 13.00 командир расчета Чистяков по телефону на командный пункт полка сообщил о тановлено на позиции.

Первые же снаряды полетели точно в цель. Гитлеровцы замешкались. Артобстрел, у которого, смешал им все карты, отдалек в предусмотренный маневр советского командования. Врага, наши войска в районе, вид, что именно здесь собираются танки на той стороне реки скрытно сокрытые плавсредства для форсирования.

Воспользовавшись паникой в стане врага, Чистяков перешел к переправе. Как и задумывалось, на этом месте свои резервы, ослабив тем самым фронт. Завязался кровопролитный бой.

Откуда-то из-за сараев показалось орудие и выстрелил. Недолет, черт возьми! «тигр», будто ударившись о неодолимую преграду, повернул на одной гусенице и встал. И начал гореть и пламени.

Артиллеристы сержанта Чистякова жали огнем наступление пехоты на реку. Вскоре вое воебоджено.

За участие в этом бою весь расчет награжден орденом Красной Звезды, а командиру Максиму Андреевичу Чистякову — орденом Героя Советского Союза. В награду за мужество и героизм гвардии сержант Чистяков — один из немногих гвардейского Краснознаменного артиллерийского полка. Он уничтожил 24 пулеметных точки противника, артиллерийскую батарею, сорвал многие атаки фашистской пехоты. И это менее чем за три недели. Железнодорожник прошел до самого конца войны.

После Победы Максим Андреевич Чистяков жил в Алтайском крае, на Украине.

т еще и еще. Вот опять раздается голос

Они высыпают на артиллеристов бомбы. Качается под ногами земля. Трое фашистские контратаки. Попытка гитлеровского в стратегическом отношении высотой была после того боя были сплошь усеяны трупами командир орудия получил свой первый боевой орден. В конце войны гвардии сержант Чистяков награжден орденом Отечественной войны. Будет он еще трижды ранен, и каждый раз снова становился в строй.

уральского столяра освобождал украин-



Максим
Андреевич
Чистяков

зия прорыва в 75-ти километрах севернее а. Радость огромная! Река, воспетая Гоголем, да было любоваться красавцем Днепром. ел мощные оборонительные сооружения, здесь будет остановлено наступление со стороны правобережных круч истекал кровью де-

бый берег, выручай царицу полей! — ско-

и устойчивый плот (вновь пригодилась в темноте погрузили на него «полторку» Чистяков, погрузили снаряды. В полночь стрел с западного берега артиллерийским отбуксировала плот на ту сторону Днепра. пехотинцы артиллеристов:

на берег машину, орудие, перебросили

Уже в 13.00 командир расчета Чистяков, он же наводчик, доложил по телефону на командный пункт полка, что задание выполнено: орудие установлено на позиции.

Первые же снаряды полетели точно в намеченные заранее цели. Гитлеровцы замешкались. Артобстрел, устроенный расчетом Максима Чистякова, смешал им все карты, отвлек внимание от левого берега. Это был предусмотренный маневр советского командования. Чтобы дезориентировать врага, наши войска в районе плацдармов правобережья делали вид, что именно здесь собираются главные силы. А в это время в плавнях на той стороне реки скрытно сосредотачивались войска и необходимые плавсредства для форсирования Днепра.

Воспользовавшись паникой в стане врага, артиллерийский полк приступил к переправе. Как и задумывалось, гитлеровцы подтянули к опасному месту свои резервы, ослабив тем самым оборону других участков фронта. Завязался кровопролитный бой.

Откуда-то из-за сараев показался танк. Командир спокойно навел орудие и выстрелил. Недолет, черт возьми! Еще выстрел, еще... Наконец «тигр», будто ударившись о неодолимую преграду, остановился, сделал поворот на одной гусенице и встал. Из-под брони повалили клубы дыма и пламени.

Артиллеристы сержанта Чистякова отбили вражескую атаку, поддержали огнем наступление пехоты на село Губино, которое вскоре было освобождено.

За участие в этом бою весь расчет орудия награжден орденами Красной Звезды, а командиру Максиму Андреевичу Чистякову присвоено звание Героя Советского Союза. В наградном листе подчеркивалось, что гвардии сержант Чистяков — один из лучших командиров орудий 167-го гвардейского Краснознаменного артполка. За девять месяцев 1943 года он уничтожил 24 пулеметных точки противника, минометные и одну артиллерийскую батареи, сорвал многие атаки врага и рассеял до семи рот фашистской пехоты. И это менее чем за один год войны, которую бывший железнодорожник прошел до самого конца!

После Победы Максим Андреевич Чистяков на Урал уже не вернулся. Жил в Алтайском крае, на Украине — в городе Львове...

«...и нравственный закон внутри нас»

Григорий
Иванович
Глазунов

Немецкий философ Кант, ничуть не повинный в том, что натворит через 135 лет после его смерти великий народ, который и он прославил, утверждал, что две вещи достойны удивления: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Скорее всего скромный машинист водокачки со станции Выя Гоигорий Иванович Глазунов эту популярную сентенцию даже и не слышал, но едва ли можно найти лучший пример для ее подтверждения, чем «нравственный закон внутри» этого человека. Проще говоря, ну, ни по каким внешним признакам нельзя было заранее предугадать, что в ничем вроде бы не примечательном в обыденной жизни человеке таится такое чувство долга, такая сила духа, такое самообладание. Знал ли он сам об этом? Наверняка не знал тоже. И не узнал бы, если б случай не востребовал... А ведь было же в нем заложено! Как, когда, кем? Вот вам загадка, соразмерная загадкам мироздания.

Подобных биографий (снова подчеркнем: по внешним параметрам) — тысячи тысяч. Родился в деревне Верхотурского района, учился в Нижнетуринской семилетке (в своей-то деревне Ванюшиной, наверно, только начальная школа была). Устроился машинистом водокачки — удача: все-таки при железной дороге. В октябре 1939 года призвали в армию — довольно поздно, ему уже 22-й год шел. Выучился в армии на радиста и уже, наверно, подумывал о демобилизации, когда началась война. На фронт он попал не сразу — только в августе 1942-го, зато сразу под Сталинград. Потом воевал на Украине, в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. Был контужен и неоднократно награжден. До больших чинов не дослужился и демобилизовался в 1946 году. Возвратился к себе на станцию Выя, снова устроился машинистом водокачки и умер в 1989 году.

Не случись в его жизни битва за Днепр...

А, собственно, что там с ним было — на Днепре? Об этом в мае 1955 года рассказала нижнетуринская городская многотиражка, а потом эту публикацию перепечатали в книге «Золотые звезды свердловчан». Повторим ее здесь и мы.

Танковый авангард гвардейской дивизии, преследуя отступающего противника, прорвался к Днепру. Туда по разбитым осенним дорогам катилась противотанковая артиллерия, форсированным маршем шла пехота, торопились саперы. Надрывая моторы и выворачивая пласты сырой земли, тянули тяжелые орудия гусеничные тягачи. А ниже нависших облаков под прикрытием истребителей шли все новые эшелоны бомбардировщиков.



«Золотые звезды свердловчан» «Золотые звезды свердловчан»

...ичуть не повинны в том, что натворит
... смерти великий народ, который и он
... что две вещи достойны удивления:
... и нравственный закон внутри нас. Ско-
... и водоканализационной станции Выя Гоиго-
... популярную сентенцию даже и не слы-
... найти лучший пример для ее подтверж-
... закон внутри» этого человека. Проще
... признакам нельзя было заранее пред-
... е примечательном в обыденной жизни
... долга. такая сила духа, такое самообла-
... наверняка не знал тоже. И не узнал бы,

А ведь было же в нем заложено! Как,
...размерная загадкам мироздания.

... подчеркнем: по внешним параметрам) —
...не Верхотурского района, учился в Ниж-
...то деревне Ванюшиной, наверно, толь-
...роился машинистом водоканализационной — удача:
...В октябре 1939 года призвали в армию —
...год шел. Выучился в армии на радиста
...демобилизации, когда началась война.
...только в августе 1942-го, зато сразу под
...Украине, в Румынии, Болгарии, Югосла-
...ужен и неоднократно награжден. До боль-
...мобилизовался в 1946 году. Возвратил-
...устроился машинистом водоканализационной и умер

...за Днепр...

...м было — на Днепре? Об этом в мае 1955
...е городская многотиражка, а потом эту
...ге «Золотые звезды свердловчан». Повто-

...ской дивизии, преследуя отступающего
...у. Туда по разбитым осенним дорогам ка-
...ерия, форсированным маршем шла пе-
...ывая моторы и выворачивая пласты сы-
...дия гусеничные тягачи. А ниже нависших
...бителей шли все новые эшелоны бомбар-

























077

14645



ЕКАТЕРИНБУРГ



ДЕМИДОВС

ЭКСПРЕС

САНКТ-ПЕТ



077

14645



ЕКАТЕРИНБУРГ

**ДЕМИДОВСКИЙ
ЭКСПРЕСС**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ







M15



Широк и могуч Днепр. Его берег лодная осенняя вода мутна. Волны отмель. Прикрывшись мощным естественным барьером, Днепр обеспечивал оборону на правом берегу рек.

Наступила ночь, и правый берег неба, стало совсем темно, лишь одна лепительные ракеты. Немцы вели артиллерийский огонь.

Левый берег молчал.

Но вот взвились три красные ракеты. Сколько секунд зарево полыхнуло в небе за ним — второй, третий... и все стало тихо.

Как только началась артподготовка, автоматчиков под командованием майора Днепр. Подготовленные ранее позиции несены из укрытий, спущены на воду и от берега.

Противник понял, что происходит. Новые столбы поднимались то слева, то справа.

Начальник радиостанции старший лейтенант плыл на лодке. Уже миновали середину, падением развалил носовую часть лодки, вскинул ее на плечи и крикнул: «Сержант, спасай батареи!»

— Сержант, спасай батареи!

Вынырнув из воды, он увидел сержанта. Пулеметчика не было...

Под грузом натянувшихся ремней, гонимая вперед. С левого берега с ревом летели снаряды и рвались на острове. Уже несли две красные ракеты, и огонь артиллерии вые цепи ворвались на остров.

Напрягая последние силы, радиостанция скользнула несколько метров позади. Наконец она остановилась.

Укрывшись в воронке, радисты в другой воронке — командир полка и начальник штаба на правом берегу острова, залегли в укрытия.

— Старший сержант Глазунов, — крикнул командир, — выведите команду...

Из-за Днепра рванулись в небо столбы дыма. Солдаты ударили по вражеским позициям, нырнул в глубину обороны, бойцы ворвались на остров.

Наступил рассвет. Противник начал отходить.

В бинокль было хорошо видно. Из траншей, обстреливая траншеи из автоматов, пехота. Ружейный и пулеметный огонь не давал им до рубежа атаки, но на их пути.

Огонь минометов ударил по косогору.

После новой часовой артподготовки началась атака. Из-за бугра показались башни минометов.

Старший сержант Глазунов послал начальника штаба. Огонь артиллерии перебрасывался с одной цели на другую. Клубами дыма пять танков. Косогору. Но, обогнув левый край обороны, двинулись вперед.



Широк и могуч Днепр. Его берега, изрытые воронками, угрюмы. Холодная осенняя вода мутна. Волны одна за другой набегают на песчаную отмель. Прикрывшись мощным естественным рубежом, противник занял оборону на правом берегу реки.

Наступила ночь, и правый берег терялся во мраке. Тучи заволокли небо, стало совсем темно, лишь одна за другой поднимались в небо ослепительные ракеты. Немцы вели артиллерийский огонь.

Левый берег молчал.

Но вот взвились три красные ракеты с нашей стороны, и через несколько секунд зарево полыхнуло в небо. Громовой раскат рванул воздух, за ним — второй, третий... и все слилось в непрерывном гуле.

Как только началась артподготовка, два стрелковых батальона и рота автоматчиков под командованием майора Симонова начали форсировать Днепр. Подготовленные ранее понтоны, плоты, лодки и катера были вынесены из укрытий, спущены на воду и спешно один за другим отчаливали от берега.

Противник понял, что происходит, и Днепр закипел от взрывов. Водяные столбы поднимались то слева, то справа, в воздухе рвалась шрапнель.

Начальник радиостанции старший сержант Глазунов с радистами плыл на лодке. Уже миновали середину Днепра, когда снаряд прямым попаданием развалил носовую часть лодки. Старший сержант схватил рацию, вскинул ее на плечи и крикнул, погружаясь в воду:

— Сержант, спасай батареи!

Вынырнув из воды, он увидел сержанта Горобца и рядового Толмачева. Пулеметчика не было...

Под грузом натянувшихся ремней они бултыхались в воде, еле двигаясь вперед. С левого берега с ревом и свистом неслись над головами снаряды и рвались на острове, уже недалеко от них. Вот впереди вспыхнули две красные ракеты, и огонь артиллерии перебросился на берег, первые цепи ворвались на остров.

Напрягая последние силы, радисты плыли. Еще усилие — и еще несколько метров позади. Наконец ноги коснулись дна.

Укрывшись в воронке, радисты развернули рацию. В пяти шагах в другой воронке — командир полка и начальник штаба, а дальше, за ивняком, на правом берегу острова, залегли автоматчики.

— Старший сержант Глазунов, — крикнул командир полка, — передайте команду...

Из-за Днепра рванулись в небо огневые полосы, снаряды через головы солдат ударили по вражеским укрытиям. Как только огонь перекинулся в глубину обороны, бойцы ворвались в траншеи.

Наступил рассвет. Противник начал готовиться к контрнаступлению.

В бинокль было хорошо видно, как из-за бугра цепь за цепью в зеленых шинелях, обстреливая траншеи из автоматов, шла в наступление немецкая пехота. Ружейный и пулеметный огонь из траншей косил первые ряды, не допуская их до рубежа атаки, но на их место шли новые цепи врага...

Огонь минометов ударил по кособогу, прижал немцев к земле.

После новой часовой артподготовки противник предпринял вторую атаку. Из-за бугра показались башни танков.

Старший сержант Глазунов посылал в эфир все новые команды начальника штаба. Огонь артиллерии и полковых минометов, как смерч, перебрасывался с одной цели на другую. Уже замерли на месте объятые клубами дыма пять танков. Кособог покрылся трупами, и пехота залегла. Но, обогнув левый край обороны, другие танки надвигались на траншеи.

Батальон немецкой пехоты под прикрытием танков спускался к реке, обстреливая автоматчиков на острове.

Уже ранен командир полка. Вот и начальник штаба выронил бинокль и медленно сполз в воронку. Старший сержант рванулся на командный пункт — начальник штаба был уже мертв.

— Сержант Горобец, слушать мою команду! — крикнул Глазунов.

И шквальный огонь минометов вновь ударил по немецким цепям перед островом. Старший сержант наблюдал в бинокль. Из-за бугра снова показались танки, а за ними снова цепь за цепью шла пехота. Вдруг взрывная волна швырнула его в воронку. Какое-то мгновение он лежал присыпанный землей. Горобец освободил его, осторожно положил на дно воронки, расстегнул ремни и, оглянувшись на занятый наступающими немцами берег, увидел: там, из-за косогора, взвились в небо две зеленые ракеты, и немецкая пехота, катившаяся вниз, стала поспешно отходить. За ними повернули и танки...

Наступали вечерние сумерки. В сарай через окна без рам падал рассеянный свет. Повязанные бинтами, лежали вдоль стен на соломе раненые.

— Пи-и-ть, — едва услышал сержант Горобец. Старший сержант Глазунов лежал на спине с закрытыми глазами, плотно стиснув зубы. Вдруг веки шевельнулись и медленно раскрылись.

— Где... мы?

— В медсанбате.

— Обстановка...

— Главные силы нашей дивизии форсировали Днепр на левом и правом флангах и развивают наступление на Кривой Рог. Противник, опасаясь окружения, отошел... Это произошло как раз в момент твоей контузии...

— Хорошо, — прошептал раненый. — Это хорошо.

Будем доставать!...

**Павел
Федорович
Сулимов**

А вообще — любопытная это все-таки тема для размышлений: сопоставлять занятия человека в мирной, довоенной жизни с его поведением на войне. Порой тут такой контраст наблюдается... Чем его объяснить? Когда-то этот вопрос очень занимал писателя Василия Быкова. Пожалуй, он первым и заметил, что герои на войне становятся вовсе не те, кто геройски выглядел в мирной жизни. И наоборот.

Похоже, и военная судьба Павла Федоровича Сулимова — подтверждение тому.

До войны он был товароведом.

Написав это слово, мы вынуждены приостановиться, чтоб обратить внимание на два предрассудка. Первый: товаровед — значит, из сферы торговли. Между тем с каких-то очень давних времен слова «торговать» и «воевать» обозначали несовместимые полюса в области человеческих отношений. Либо торговать — либо воевать. Человек торгующий — «по определению» мирный человек.

Второй: во времена перестройки постарше помнит — должность товара — фигурой привилегированной тут героизм. Предвзвешен, может, и ненную важность этой профессии и достойных людей. Но он существовал.

Так что наше сообщение о том, войны был товароведом, читательство добавит.

Однако в данном случае предрассудок был товароведом в иные, из ныне жные времена. Да и работал он не в ОРСе — отделе рабочего снабжения железной дороги. Это коренным образом товароведы не «кормились», а кормились. Она обещала в перспективе «каждому печить людей самым необходимым» в 1932 году — были созданы эти самой-то мере компенсировать отсутствие не решали «продовольственную программу» они заботились о том, чтоб обеспечить необходимости работников своего производства добывали эти товары в условиях тотальной их сообразительности, расторопности, ответственности. Например, отправлялись закупали там большие партии мяса, хвалось найти, а потом доставляли эти на своей — железнодорожной — продукции, столовые, вагон-лавки, точно организовывали доставку горячих в таких магазинах и ларьках, как «ся» в них можно было, как правильно санкционированного предпринимательства в принципе порицалоського рода деятельности и вообще-то пору люди этого плана и вовсе были лимов был как раз из их числа.

Любопытно, что никаких генетических могли бы повлиять на выбор им этой. Родился он в семье горнорабочего (Свердловской области), с 15 лет сам умер еще в Гражданскую войну), потомков, а после их окончания — в тот сам работал? В памяти немногих уже свистал. Как и положено орсовскому рабоченно любил ездить в командировки в леса», поскольку был заядлым охотником перспективы были надежные. Женился, дровной, начали строить...

Ему шел уже тридцать первый год, он попал осенью сорок второго, получил

прикрытием танков спускался к реке, об-
 ое.
 Вот и начальник штаба выронил бинокль
 арший сержант рванул на командный
 е мертв.
 мою команду! — крикнул Глазунов.
 в вновь ударил по немецким цепям перед
 юдал в бинокль. Из-за бугра снова пока-
 за цепью шла пехота. Вдруг взрывная вол-
 то мгновение он лежал присыпанный зем-
 рожно положил на дно воронки, расстег-
 ый наступающими немцами берег, увидел:
 бо две зеленые ракеты, и немецкая пехо-
 но отходить. За ними повернули и танки...
 В сарай через окна без рам падал рас-
 ки, лежали вдоль стен на соломе раненые.
 сержант Горобец. Старший сержант Гла-
 ми глазами, плотно стиснув зубы. Вдруг
 аскрылись.

ии форсировали Днепр на левом и пра-
 ение на Кривой Рог. Противник, опасаясь
 ло как раз в момент твоей контузии...
 еный. — Это хорошо.

ставать!...

то все-таки тема для размышлений: со-
 века в мирной, довоенной жизни с его
 рой тут такой контраст наблюдается...
 да-то этот вопрос очень занимал писа-
 талуй, он первым и заметил, что героя-
 все не те, кто героически выглядел в мир-

а Павла Федоровича Сулимова — под-

м.
 ены приостановиться, чтоб обратить вни-
 й: товаровед — значит, из сферы торгов-
 ных времен слова «торговать» и «воевать»
 са в области человеческих отношений.
 еловек торгующий — «по определению»

Второй: во времена перезрелого нашего социализма — читатель постарше помнит — должность товароведа считалась «хлебной», а сам он — фигурой привилегированной среди торгового сословия; какой уж тут героизм. Предрассудок, может, и необоснованный, учитывая несомненную важность этой профессии и принадлежность к ней множества достойных людей. Но он существовал.

Так что наше сообщение о том, что Павел Федорович Сулимов до войны был товароведом, читательского доверия к нему скорее всего не добавит.

Однако в данном случае предрассудки придется отбросить: Сулимов был товароведом в иные, из ныне живущих людей мало уже кому памятные времена. Да и работал он не просто в торговле, а в железнодорожном ОРСе — отделе рабочего снабжения Нижнетагильского отделения железной дороги. Это коренным образом меняет дело, потому что орсовские товароведы не «кормились», а кормили. Плановая экономика буксовала, она обещала в перспективе «каждому по потребности», но не могла обеспечить людей самым необходимым для жизни. И вот тогда-то — а точнее в 1932 году — были созданы эти самые ОРСы, призванные хотя бы в какой-то мере компенсировать отсутствие свободного рынка в стране. ОРСы не решали «продовольственную программу» в национальном масштабе — они заботились о том, чтоб обеспечить продуктами и предметами первой необходимости работников своего предприятия и их семьи. Где и как они добывали эти товары в условиях тотального дефицита? Это зависело от их сообразительности, расторопности, предприимчивости, энергии, ответственности. Например, отправлялись куда-нибудь с Урала в Казахстан, закупали там большие партии мяса, хлеба, других продуктов, которые удавалось найти, а потом доставляли эти припасы домой, на Урал, по железной дороге. Или организовывали заготовку впрок ягод, грибов, других «даров леса» — это уже можно было сделать не за тысячи верст... А потом на своих — железнодорожных — предприятиях создавали орсовские магазины, столовые, вагон-лавки, киоски, некоторые из которых круглосуточно организовывали доставку горячей пищи в депо, в иные службы. Полки в таких магазинах и ларьках, как правило, не пустовали, и «отовариться» в них можно было, как правило, дешевле. Словом, это был род санкционированного предпринимательства в тех условиях, когда предпринимательство в принципе порицалось как пережиток капитализма. К такого рода деятельности и вообще-то немногие предрасположены, а в ту пору люди этого плана и вовсе были редки. А вот Павел Федорович Сулимов был как раз из их числа.

Любопытно, что никаких генетических, семейных корней, которые могли бы повлиять на выбор им этого рода занятий, не просматривается. Родился он в семье горнорабочего (уточним: в деревне Шиловка Свердловской области), с 15 лет сам зарабатывал себе на хлеб (отец умер еще в Гражданскую войну), потом его направили на курсы товароведов, а после их окончания — в тот самый железнодорожный ОРС. Как он работал? В памяти немногих уже свидетелей отложилось: хорошо работал. Как и положено орсовскому работнику, был легок на подъем; особенно любил ездить в командировки, связанные с заготовками «даров леса», поскольку был заядлым охотником. Чувствовал себя при деле, перспективы были надежные. Женился, дом с женой, Антониной Никандровной, начали строить...

Ему шел уже тридцать первый год, когда началась война. А на фронт он попал осенью сорок второго, получив военную специальность, как будто

ничего общего не имеющую с его работой в мирное время: Сулимов стал наводчиком, а потом командиром орудия и наконец командиром взвода 76-миллиметровых пушек. Но артиллерийское хозяйство — это ведь тоже хлопотное хозяйство: тут и постоянные переезды, и обустройство на огневой позиции, и чтоб все было вовремя накормлены. А главное — постоянная солдатская работа, требующая сосредоточенности, ответственности, выдержки, хладнокровия. Тут как раз его «предпринимательский» опыт и пригодился, ребята-артиллеристы при таком «бате» (32-летний, он чуть ли не вдвое был старше каждого из них) чувствовали себя будто действительно под отцовским присмотром. И командиры, которых он поддерживал огнем своих пушек, могли полагаться на него: уж Сулимов не подведет!

Всякое случилось в его фронтовой жизни. Жаркие дни были, например, на Орловско-Курской дуге. Тогда орудие Сулимова уничтожило шесть танков, три пушки, девять пулеметов и свыше ста гитлеровцев. Там все



Павел
Федорович
Сулимов

перемешалось в пылу боя, враг лез напролом, линия обороны была стерта, расчету пришлось отбивать атаки не только снарядами, но и гранатами и бутылками с горючей смесью. Выстояли!

А еще ему запомнилось, как под деревней Васильки (даже название за десятилетия не забылось!) фашисты шли в атаку, выставив впереди себя заслон из наших стариков и детей. Тяжело артиллеристам тогда пришлось, глаза застилало туманом, а отступить некуда: и приказ, и совесть стрелять заставляли. Но стрелять, что называется, с умом, обдуманно выбирая цель. И снова справились: немцев отбили, а заслон не задели.

Целый год продолжалась для Павла Федоровича вот эта тяжелая и уже привычная дорога войны, когда на пути его 167-й стрелковой дивизии (которая тогда была уже Сумская, но не была еще Киевской и дважды Краснознаменной) возник неодолимый рубеж — Днепр, пристрелянный в каждой точке своей величавой ширины с правобережных круч.

«Чуден Днепр при тихой погоде...»

В конце октября 1943 года погода на Днепре была отвратительной: знобящий ветер пробирал до костей, потемневшая вода свинцовыми волнами накатывалась на вязкий прибрежный песок. И в эту воду, хочешь не

хочешь, надо было лезть — ну, не блись с орудиями на понтоны, отчал рассудство, отчаяние — плыть вперед для вражеских батарей? Естественно, лет, перелет — есть! Тяжелый снаряд ко дну, люди барахтались в ледяной стинкта цепляясь за жизнь. Ближе к берегу на прибрежный песок шестеро из кол окоченевших и обезоруженных солдат. Розы от них не ждали, а пулю с левой и без внимания не оставили: им свелось. Трех пристрелили, остальных не в песок зарылись. Дождались «а» в плывь назад, к своим. Подобрали на — и снова в студеную октябрьскую но оно случилось — добрались!

Добрались-то добрались. Но в том, что орудия утонули, никакой поводу А. Т. Твардовский. «а»

— Что будем делать, старший? ский вопрос начальник артиллерии

— Будем доставать, — ответил своей довоенной профессии. И пос

Авторам этих строк не раз случ ченных в дождь ботинок, поэтому — началось потом, но документы подт имовские молодцы и сам он. прих в воду в том месте, где затонул понт куда в это время смотрели немцы. лось ориентироваться в толще ледяной. Но факт остается фактом: через какое но ниже по течению. Оказывается, похоже на чудо — сумели вытащить спустя, Павел Федорович сказал рас будто бы от вытащенной из воды пу го пирога. Образ понравился — зао роятно, померещился из-за праздни возьми!

Потом они и другие пушки на

Нашли, прочистили стволы — и тарее, которая потопила их понто. добная попала на глаза — там им но врагу урон, а наша потопленная б тилась в строй.

Мало того, что возвратилась: он рации по освобождению Киева. Одн оборонять переправу по дороге В на них танки. Жаркий был бой! Рали место к панораме. И тут заклинило тели пушку — за станины, что ли? Но продолжали стрелять. Да та ин — а раскаленном стволе стала пзвс — е пропустили!

работой в мирное время: Сулимов стал командиром взвода артиллерийского хозяйства — это ведь тоже тяжелые переезды, и обустройство на огневые позиции. А главное — популяризатор сосредоточенности, ответственности. Тут как раз его «предпринимательский» талант при таком «бате» (32-летний, каждый из них) чувствовали себя будто под присмотром. И командиры, которых он мог бы полагаться на него: уж Сулимов

жизни. Жаркие дни были, например, когда орудие Сулимова уничтожило шесть танков и свыше ста гитлеровцев. Там все



Павел
Федорович
Сулимов

из напролом, линия обороны была стерта — не только снарядами, но и гранатами. Выстояли!

под деревней Васильки (даже название — Васильки) шли в атаку, выставив впереди детей. Тяжело артиллеристам тогда приказано отступать некуда: и приказ, и совесть — что называется, с умом, обдуманно выжидали, немцев отбили, а заслон не задел.

Павла Федоровича вот эта тяжелая работа на пути его 167-й стрелковой дивизии, но не была еще Киевской и дважды — долимым рубежом — Днепр, пристрелянный ширины с правобережных круч.

де...»
года на Днепре была отвратительной: темная, потемневшая вода свинцовыми волнами, бережный песок. И в эту воду, хочешь не

хочешь, надо было лезть — ну, не было другого пути на запад. Погрузились с орудиями на понтоны, отчалили... Что это было — дерзость, безрассудство, отчаяние — плыть вперед, ощущая себя удобной мишенью для вражеских батарей? Естественно, их тут же взяли на прицел. Недолет, перелет — есть! Тяжелый снаряд разворотил понтон, орудия пошли ко дну, люди барахтались в ледяной воде, уже, пожалуй, только силою инстинкта цепляясь за жизнь. Ближе был правый берег — туда и выплыли на прибрежный песок шестеро из команды Сулимова. Шестеро полуголых, окоченевших и обезоруженных солдат... Фашисты к ним не совались: угрозы от них не ждали, а пулю с левого берега можно было схлопотать. Но и без внимания не оставили: им сверху-то в безоружных было легко целиться. Трех пристрелили, остальным удалось как-то укрыться — чуть ли не в песке зарылись. Дождались какой-то паузы и рискнули отправиться вплавь назад, к своим. Подобрали на берегу случайные доски или бревна — и снова в студеную октябрьскую воду. Вы можете это считать чудом, но оно случилось — добрались!

Добрались-то добрались, но что они теперь — без своих орудий? В том, что орудия утонули, никакой вины их не было, но, как писал по сходному поводу А. Т. Твардовский, «а все же, все же, все же...»

— Что будем делать, старшина? — задал Сулимову почти риторический вопрос начальник артиллерии полка.

— Будем доставать, — ответил бывший орсковский товаровед в духе своей довоенной профессии. И пояснил: — Со дна.

Авторам этих строк не раз случалось получать насморк из-за промоченных в дождь ботинок, поэтому нам самим трудно поверить в то, что началось потом, но документы подтверждают: было! А было вот что: сулимовские молодцы и сам он, прихватив конец каната, принялись нырять в воду в том месте, где затонул понтон. Решительно не можем объяснить, куда в это время смотрели немцы, не знаем и того, как ребятам удавалось ориентироваться в толще ледяной и, видимо, не очень прозрачной воды. Но факт остается фактом: через какое-то время одну пушку нашли — заметно ниже по течению. Оказывается, ее утянуло водой. Нашли и — снова похоже на чудо — сумели вытащить на берег. Потом уж, много времени спустя, Павел Федорович сказал расспрашивавшим его журналистам, что будто бы от вытащенной из воды пушки пахло рыбой, как от праздничного пирога. Образ понравился — зафиксировали. Хотя рыбный пирог, вероятно, померещился из-за праздничного чувства успеха: удалось же, черт возьми!

Потом они и другие пушки нашли.

Нашли, прочистили стволы — и жажнули прямой наводкой по той батарее, которая потопила их понтон. Может, по той, а может, другая подобная попала на глаза — там ими весь берег был уставлен. Все равно врагу урон, а наша потопленная батарея делом доказала, что возвратилась в строй.

Мало того, что возвратилась: она еще проявила свой героизм в операции по освобождению Киева. Одно из боевых заданий у них было — оборонять переправу по дороге Вышгород—Киев. И тут немцы двинули на них танки. Жаркий был бой! Ранило наводчика. Сулимов встал на его место к панораме. И тут заклинило поворотный механизм. Как они вертели пушку — за станины, что ли? — сейчас уже некому рассказать. Но продолжали стрелять. Да так интенсивно, что камуфляжная краска на раскаленном стволе стала пузыриться. И танков через мост все-таки не пропустили!

А в ночь с 5 на 6 ноября 1943 года началась завершающая стадия этой беспримерной операции: наши войска пошли на штурм занятого фашистами Киева. Старшина Сулимов со своими пушками тоже участвовал в штурме и в числе первых пробился к железнодорожному вокзалу, где как раз готовился к отправке эшелон с несколькими сотнями советских людей, которых оккупанты собирались вывезти на запад. Преступление не состоялось: артиллеристы успели его предотвратить.

За героизм, проявленный в сражениях на Днепре, старшина Сулимов был удостоен звания Героя Советского Союза.

После того ему еще много пришлось повоевать. Прошли с тяжелыми боями Украину (и тогда-то полк, в котором Павел Федорович служил, получил название Дрогобычского, а дивизия — Сумско-Киевской; есть в том и его немалая заслуга), вышли в Европу. Но день Победы старшина Сулимов встретил в госпитале, с тяжелым ранением. А когда подлечился — отпустили с военной службы домой. В Нижнем Тагиле он снова возвратился на железную дорогу, к своей профессии, — по народному представлению несовместимой с войной.

Сапер, который не ошибался

Константин
Федорович
Пылаев

До начала Великой Отечественной войны Константину Пылаеву пришлось «от звонка до звонка» отслужить в рядах Красной Армии. После демобилизации вернулся домой, в родной Нижний Тагил. Куда пойти работать? Услышал от товарищей, что на станции Смычка, пока он служил, пустили в эксплуатацию вагонное депо и новому производству требуются опытные слесари в механический цех. Взяли его в депо без разговоров: ФЗУ при металлургическом заводе имени В. В. Куйбышева по слесарному делу он окончил еще до армии, успел и поработать по специальности. Ну, а армейская выучка для железной дороги всегда была желанна.

Ныне полузабытые школы ФЗУ в 30-х годах дали дорогу в жизнь многим подросткам первых десятилетий советского периода. Семьи тогда, как правило, были еще многодетные, а жизнь скучная — не до высоких материй: побыстрее бы выучить ребятишек какому-нибудь несложному делу — и на свои хлеба. Вот и родители Кости Пылаева тянули из последних сил, чтоб прокормить детей. Четыре класса закончил, за это время немного подрос — и в ФЗУ: пусть осваивает ремесло.

«Фезеушником» Костя был толковым и прилежным, мастера его заметили. Он оправдал их надежды. Потом — после армии уже — и в вагонном депо подтвердил свою репутацию: знавшие его еще до войны по цеху сослуживцы много позже вспоминали о нем как о мастере, обладающем

точным глазом и верной рукой. Вы, так сказать, танная в боях, наложила отпечаток на его характер, он просто не сумел бы работать иначе.

На войну Пылаев не торопился — воевать, он, должно быть, понимал, что было нужно. Перевозки оборонных грузов — задача, стоявшая перед ним. И когда в перевозке вагонного депо Смычка получили приказ, Пылаев не тронули: он был нужен здесь. И только когда очередь (незадолго перед тем ему было предложено) пришла, он пошел.

На войне старший сержант Пылаев строил переправы, но случалось и в атаку и с автоматом в руках. В чине старшего отделения, потом — помкомвзвода, его работа не миновала его рук.

Саперное дело среди военных — одна из самых опасных. Обезвреживать мину, сапер подвергает себя опасности: чуть-чуть ошибиться — и... С другой стороны: он либо его готовит (в своем деле предвидит его последствия. Так что если он не ошибается — молва разрешает саперу пользоваться с фронтом на тысячи километров. Слушателя или читателя дух захватывает, встречаются острые эпизоды и у саперов. Вот и у Пылаева был случай как-то.

Вот и у Пылаева был случай как-то. Полк наступал, во фланг немцы командовал бывший уральский сапер. Им — немцы: несколько танков в сопровождении автоматчиков совершали маневр, чтобы атаковать полк с фланга. Слава богу, они саперов. Наверно, еще можно было где-нибудь в стороне от дороги, но они шли к уязвимому месту наших войск. Открытый бой — сил было явно недостаточно, старший сержант Пылаев принял решение. Воспользовавшись тем, что немцы варищами принимается минировать, он вел мощную колонну фашистов. Очень важно было быстро, точно, бесшумно. Они успели.

Когда мины под колесами немцев застигнутые врасплох, растерялись, они бравшие себе удобные огневые точки, они открыли огонь. Немцы отступили, оставив на месте.

Но случались памятные эпизоды и в мирное время. Из них случился на подступах к городу Сум. Колонне наших войск по разбитой дороге стояло пройти по шоссе Куяница-Холм. Они предвидели этот ход и, конечно, замаскировали. Батальона дал задание группе саперов и сроку им выделил — не более 10 минут. Самым носом у противника (территорию)

года началась завершающая стадия этой войны. Войска пошли на штурм занятого фашистами города со своими пушками тоже участвовал в боях. Вместе с несколькими сотнями советских людей он был вывезен на запад. Преступление не удалось ему предотвратить.

В боях на Днепре, старшина Сулимов был ранен. В боях за освобождение Советского Союза.

После войны пришлось поехать в Европу. Прошли с тяжелыми ранениями в котором Павел Федорович служил, по дивизии — Сумско-Киевской; есть в том городе. Но день Победы старшина Сулимов был ранен. А когда подлечился — в Европу. В Нижнем Тагиле он снова возвращается к профессии, — по народному представ-

торый
лся

Войны Константин Пылаеву отслужить в рядах Красной Армии. После войны вернулся домой, в родной Нижне-Тагил. Услышал от товарищей, что на фронт не пошел. Служил, пустили в эксплуатацию вагонного депо. Производство требуют опытные слесари. Его в депо без разговоров: ФЗУ при имени В. В. Куйбышева по слесарному делу армии, успел и поработать по специальности для железной дороги всегда была

В 30-х годах дали дорогу в жизнь многим советского периода. Семья тогда, как и жизнь скучная — не до высоких матерей. Какому-нибудь несложному делу — Пылаева тянули из последних сил, класса закончил, за это время немного ремесло.

Потом — после армии уже — и в вагонном депо. Знали его еще до войны по цеху. Знали о нем как о мастере, обладающем

точным глазом и верной рукой. Вы, может, скажете, что это слава, заработанная в боях, наложила отпечаток на воспоминания, — но нет: не имея этих качеств, он просто не сумел бы работать на войне так, как он работал.

На войну Пылаев не торопился — рассудительный и несуетный человек, он, должно быть, понимал, что быстро и надежно готовить вагоны для перевозки оборонных грузов — задача для обороны не менее важная, чем воевать на фронте. И когда в первые дни войны более трети работников вагонного депо Смычка получили повестки, слесаря Константина Пылаева не тронули: он был нужен здесь. Но в январе 1942 года настала и его очередь (незадолго перед тем ему исполнилось 27 лет).

На войне старший сержант Пылаев был сапером. Минировал, разминировал, строил переправы, но случалось отстаивать рубежи или ходить в атаку и с автоматом в руках. В чинах пребывал небольших — командиром отделения, потом — помкомвзвода, так что никакая черновая военная работа не миновала его рук.

Саперное дело среди военных профессий — немного особняком. С одной стороны — одна из самых опасных: ведь всякий раз, принимаясь обезвреживать мину, сапер подвергает себя смертельному риску, стоит чуть-чуть ошибиться — и... С другой стороны, он почти всегда вне сражения: он либо его готовит (в своем профессиональном плане), либо ликвидирует его последствия. Так что если он ни разу «не ошибется» (а «ошибаться» молва разрешает саперу только раз), то может продвинуться вместе с фронтом на тысячи километров, а рассказать, да так, чтоб у слушателя или читателя дух захватывало, вроде бы и не о чем. Однако же встречаются острые эпизоды и у сапера — и не только тогда, когда он склоняется над какой-нибудь миной с секретом.

Вот и у Пылаева был случай как-то на подступах к украинскому городу Сумы... Полк наступал, во фланге его двигалась группа саперов, которыми командовал бывший уральский железнодорожник. И вдруг навстречу им — немцы: несколько танков в сопровождении роты (если оценивать на глазок) автоматчиков совершали маневр с очевидным намерением контратаковать полк с фланга. Слава богу, саперы заметили их раньше, чем они саперов. Наверно, еще можно было разминуться с ними, спрятавшись где-нибудь в стороне от дороги, но это означало бы пропустить врагов к уязвимому месту наших войск. А что остановить немцев, принять открытый бой — сил было явно недостаточно. Мгновенно оценив обстановку, старший сержант Пылаев принимает смелое, но рискованное решение. Воспользовавшись тем, что немцы их еще не обнаружили, он с товарищами принимает минировать ложину, по которой продвигалась мощная колонна фашистов. Очень важно было успеть выполнить работу быстро, точно, бесшумно. Они успели.

Когда мины под колесами немецких танков начали взрываться, враги, застигнутые врасплох, растерялись, а саперы, заблаговременно выбравшие себе удобные огневые точки, принялись поливать их автоматным огнем. Немцы отступили, оставив на поле боя более десятка трупов.

Но случались памятные эпизоды и без автоматной перестрелки. Один из них случился на подступах к городу Хотень — это немного севернее тех же Сум. Колонне наших войск по разработанному плану наступления предстояло пройти по шоссе Куяница-Хотень, но было очевидно, что немцы предвидели этот ход и, конечно, заминировали шоссе. Командир саперного батальона дал задание группе сержанта Пылаева очистить шоссе от мин и сроку им выделил — не более суток. Сделать это предстояло под самым носом у противника (территория-то была еще под контролем

— значило и себя под удар поставить, прованную войсковую операцию. Ну, а как на проезжей части дороги? Только темными «сюрпризами» ночью. Притом, в каком-то неизвестно, ведь даже само наличие

саперы вперед под покровом ночи — зал зуммер: мина! Осторожно вонзается — понятно во что. Рука находит малый слой. Сапер снимает его, затем разгре- от ребристую крышку мины, отвертывают

а. Без особого риска обезвредить ее можно же надо разгадать, как она поставлена. ставует способов минирования. Вот почему



Константин
Федорович
Пылаев

жизни. Но все поглощены работой, и чув- сознания. А снаряды рвутся где-то рядом, от взрывов земля, слышно, как свистят времени, забыли о пище, отдыхе.

— Константин Федорович лично снял и обез- танковых и противопехотных мин! На ред- его ребята. И ни одной роковой «ошиб- было очищено от фашистских «сюрпри- сом для противника стала наша боевая — с той стороны, где, как надеялись

— основной жизни тагильского слесаря Пы-

а саперов Пылаеву было приказано сроч- артиллерии. И надо же такому случить- переплыть на правый берег реки ар- командованием старшего лейтенанта — казался тоже тагильчанином!

Наверно, в повседневной мирной жизни между ними было бы мало общего: Константин на пять лет старше и со своими четырьмя классами и школой ФЗУ слесарил в депо, Николай — студент-химик УПИ (откуда он и ушел добровольцем на фронт в июле 1941 года). Иное дело — встреча на войне, да еще в ситуации, когда им вместе предстояло совершить, казалось бы, невозможное. Мы имеем все основания предположить, а читатель едва ли станет возражать, что встреча земляков на днепровском рубеже придавала им обоим дополнительные силы для подвига. Да и не только им: такие приятные неожиданности не оставляют равнодушными и окружающих.

Наверно, технические детали той операции для читателя не особен- но и важны. Понятно, что плот соорудили не на виду у немцев, а где-то там в прибрежном лесу, скрытно. Потом готовые детали — бревна, скре- пы — в авральном темпе перенесли на берег, быстренько сколотили — уже под огнем; помогли погрузиться артиллеристам вместе с их пушка- ми и — вперед, на врага!

Потом они оба — тагильский слесарь и студент-тагильчанин — будут упомянуты вместе в одном из первых указов о награждении воинов, отличившихся на Днепре (он датирован 13 ноября 1943 года): обоих удостоили звания Герой Советского Союза.

После Днепра у Героя Советского Союза Пылаева были новые опас- ные операции, новые бои и новые награды, а в 1944 году после тяжелого ранения, уже второго в его фронтовой жизни, Константина Федоровича уволили в запас и отпустили в родной Тагил. Но только в конце 1953 года Пылаев вышел в свою первую послевоенную рабочую смену — до того времени браться за серьезную работу тяжело раненному ветерану запрещали врачи.

Работал бывший шофер после войны уже не рядовым слесарем, а бригадиром механического цеха вагонного депо Смычка. Снова ремон- тировал вагоны, но «подремонтированного» собственного здоровья ему хватило не надолго: 16 мая 1959 года Герой Советского Союза Констан- тин Федорович Пылаев умер. Умер, не дожив полгода до 45 лет.

В память о нем назвали его именем одну из улиц в железнодорож- ном поселке станции Смычка и еще установили мемориальную доску в механическом цехе вагонного депо...

Никто и не знал, что он — Герой

**Иван
Иванович
Мозжаров**

Сохранилась фотография Ивана Мозжарова военных лет: твердый взгляд спокойного и непроницаемого лица, на погонах — сержантские лычки, на гимнастерке скромный «иконостас» военных наград, а поверх их — как-то неловко, на плече, почти совсем уж на погоне — звездочка Героя. Может, и ошибаемся, но выглядит пририсованной ретушером. И это при том, что Иван Иванович с войны вернулся живым и мог сколько угодно блистать перед фотокамерами заслуженными наградами. Так ведь не блистал, почему-то считал это для себя неудобным. Мало того, многие из его односельчан (он прожил в селе последние годы) даже и не знали, что их тракторист Иван — Герой Советского Союза. Ту золотую звезду, что подрисована на фотографии, они «в натуре» увидели только на его, увы, безвременных похоронах.

Какое отношение Иван Иванович Мозжаров имел к железной дороге? Оказывается, перед войной он работал трактористом на станции Чайковской, а по возвращении с фронта — шофером в Нытве. Там и там — по ведомству прежде Пермской, а теперь Свердловской железной дороги.

Приехал он на Урал откуда-то из Белоруссии. С железнодорожной службы был в марте 1941 года призван на службу военную, вместо рычагов тракторных взял в руки танковые рычаги. Как раз к началу войны освоил очень нужную на фронте профессию механика-водителя танка.

Мы не беремся судить, есть ли на войне профессия более опасная, нежели профессия танкиста. Более, менее — это все-таки оценка, а оценки тут вовсе и не нужно, а нужно только себе представить, как мощная бронированная машина врывается в самую гущу боя (затем и существует броня, чтоб, несмотря на встречный огонь из всех видов оружия, прорываться в самое логово врага), а тут — то ли мина под гусеницей, то ли снаряд или фаустпатрон в нее попадает: внутри — ад, а снаружи вражеские автоматчики...

Иван Иванович дважды горел в танке, дважды был ранен, отлеживался в госпиталях, а потом все-таки возвращался в строй. Получал за свои подвиги боевые награды и продвигался мало-помалу вместе со всей Красной Армией на запад. Так дошел и до Днепра, где довелось ему — вместе с экипажем — совершить подвиг, отмеченный самой высокой воинской наградой — званием Героя Советского Союза.

Многие из двух тысяч кавалеров этой награды, чей подвиг связан со штурмом неприступного водного рубежа, удостоены ее уже за то, что им — с подразделениями и техникой — удалось прорваться на правый берег Днепра и закрепить там, продержавшись до прихода подмоги. Журналист, писавший о тагильчанине-артиллеристе Николае Епимахове, высказал,

в частности, такую мысль: «Переправы — это дело не для дураков. И в первую очередь дураком себя надо считать под ураганным, смертоносным огнем артиллеристу со своими орудиями. Конечно, прав. Однако не переправа — решающим фактором которой сидел Иван Москаленко. (О том, как они переправлялись, я не знаю, потому что Иван Иванович своими вещами обычно не делился.) Поводом стало то, что переправы. Об этом он тоже не рассказывал. Но в историческом архиве, в Москве сохранились еще свидетельства о переправе днепрового села.

Вот что стало известно из этих документов. Днепро и прорвав первую линию обороны, ушел в дерзкий рейд по вражеским тылам. Он «раздавил два обоза» и полностью уничтожил шедшую по ним колонну. В селе Бинак-Блиставица танк разгромил вражескую артиллерию, лишив тем самым ее управления. Убиты 10 немецких солдат и офицеров». Все это произошло 12 июля 1942 года. За мужество и героизм в боях с врагом Зароянов и механик-водитель сержант Михаил Ев, другие члены экипажа награждены орденом Отечественной войны II степени.

А после войны Иван Иванович какое-то время поработал шофером, вано в документах кадровиков, потом где он сел за привычные руки крестьянски просто, о себе помалом. Победы, в марте 1958 года, сердце

Имя на обел

**Константин
Григорьевич
Стриганов**

Бригадир путевых рабочих Егор
железной дороги Константин Го
вернулся. Его тело осталось г
а имя запечатлено на обелиске
дине, воздвигнутом в память
возглавляет список из четы
к 20-летию Победы, тогда е
можно было встретить люде
жизни, — сейчас не осталось, ка
нать надпись на обелиске, если
нительными средствами информ
ется, увы, долговечней камня...

И потому мы вынуждены были воспользоваться услугами
о К. Г. Стриганове, которые содержатся в приложении 1.

е знал, Герой

Ивана Мозжарова военных лет: твердый, олицетворяемого лица, на погонах — сержантские скромный «иконостас» военных наград, оловко, на плече, почти совсем уж на погонах, и ошибаемся, но выглядит прилично при том, что Иван Иванович с войны только угодно блистать перед фотокамерами. Так ведь не блистал, почему-то. Мало того, многие из его односельчан (да) даже и не знали, что их тракторист. Ту золотую звезду, что подрисована на погонах только на его, увы, безвременных по-

Иван Мозжаров имел к железной дороге? Работал трактористом на станции Чайковской — шофером в Нытве. Там и там — по восточной Свердловской железной дороге.

Иван из Белоруссии. С железнодорожной службы призван на службу военную, вместо рычагов — рычаги. Как раз к началу войны освоил профессию механика-водителя танка.

На войне профессия более опасная, чем, скажем, на заводе. Но все-таки оценка, а оценка — это только себе представить, как мощная машина в самую гущу боя (затем и существует — огонь из всех видов оружия, прорыв — то ли мина под гусеницей, то ли снаряд — внутри — ад, а снаружи вражеские

Иван в танке, дважды был ранен, отлеживался, и возвращался в строй. Получал за свои подвиги, отмеченный самой высокой военой наградой — орденом Отечественной войны I степени. Подвиг, отмеченный самой высокой военой наградой, чей подвиг связан со спасением жизни, удостоены ее уже за то, что им — удалось прорваться на правый берег Днепра, до прихода подмоги. Журналист, писатель Николай Епимахов, высказал,

в частности, такую мысль: «Переправиться через широкую водную преграду под ураганным, смертоносным огнем врага — уже подвиг; переправиться артиллеристу со своими орудиями первым — подвиг вдвойне». Он, конечно, прав. Однако не переправа через Днепр «тридцатьчетверки», за рычагами которой сидел Иван Мозжаров, стала поводом к его награждению. (О том, как они переправлялись, практически ничего не известно, потому что Иван Иванович своими военными впечатлениями ни с кем обычно не делился.) Поводом стало то, что экипаж делал уже после переправы. Об этом он тоже не рассказывал, но зато в Центральном военном-историческом архиве, в Москве, сохранилось боевое донесение да сохранились еще свидетельства очевидцев — жителей старинного приднепровского села.

Вот что стало известно из этих источников. Переправившись через Днепр и прорвав первую линию обороны, танк, который вел уралец Мозжаров, ушел в дерзкий рейд по вражеским тылам, направляясь к селу Бинак-Блиставица. Он «раздавил два орудия, вырвался на шоссе, полностью уничтожил шедшую по ней колонну грузовиков из 32 машин. В селе Бинак-Блиставица танк разгромил штаб немецкой пехотной дивизии, лишив тем самым ее управления. Уничтожено до трех десятков немецких солдат и офицеров». Вот за этот подвиг командир танка капитан Зарянов и механик-водитель сержант Мозжаров удостоены звания Героев, другие члены экипажа награждены орденами.

А после войны Иван Иванович снова вернулся на железную дорогу. Какое-то время поработал шофером на станции Нытвы (что и зафиксировано в документах кадровиков), потом его переманили в соседнее село, где он сел за привычные руля трактора. Работал упорно, жил по-крестьянски просто, о себе помалкивал. А на тринадцатом году после Победы, в марте 1958 года, сердце ветерана отказало...

Имя на обелиске

Константин
Григорьевич
Стриганов

Бригадир путевых рабочих Егоршинского отделения Свердловской железной дороги Константин Григорьевич Стриганов с войны не вернулся. Его тело осталось где-то там, под Киевом, где он погиб, а имя запечатлено на обелиске в городе Артемовском, на его родине, воздвигнутом в память погибших на фронте земляков, — оно возглавляет список из четырехсот фамилий. Обелиск возведен к 20-летию Победы, тогда еще на артемовской станции Егоршино можно было встретить людей, помнивших Героя по довоенной жизни, — сейчас не осталось, кажется, никого. Так что не надо переоценивать надпись на обелиске, если она не подкреплена какими-то дополнительными средствами информации. В этом отношении книга оказывается, увы, долговечней камня...

И потому мы вынуждены были воспользоваться скудными сведениями о К. Г. Стриганове, которые содержатся в крохотном очерке артемовского

журналиста и краеведа П. Коверды, написанном для книги «Золотые звезды свердловчан» еще во второй половине 60-х годов. Пусть память о Герое продлится теперь и в нашей книге.

Как сообщает П. Коверда, родился Константин Григорьевич в конце сентября 1912 года в селе Покровском того же Артемовского района, в школу ходил «только четыре зимы» (что, как мы уже говорили, было вполне обычным делом для многодетной крестьянской семьи). Отец у него был тружеником, да рано умер, а мать умерла и того раньше. Вот и пришлось мальчишке с юных лет самому зарабатывать на хлеб. Но он выбрал надежный путь — ушел на железную дорогу, в путевые рабочие, освоился, стал бригадиром, женился...

Когда началась война, Константин Стриганов был в самой мужской силе, и стоять на обочине железнодорожного полотна, провожая взглядом поезда, увозящие земляков на фронт, его совесть и крестьянская добросовестность не позволяли. Просился — не пускали, потому что делом он занимался тоже очень важным для обороны. Но велики были потери наших войск в первые месяцы войны, поэтому власти стали искать замены самым незаменимым работникам в тылу — за путевые работы взялись женщины, подростки. А крепкие мужики, пригодные для тяжелой воинской страды, мало-помалу снимались с брони и отправлялись на фронт. Вот так в феврале 1942 года получил солдатскую шинель и бригадир егоршинских путейцев.

П. Коверда пишет, что Стриганов «мог стать военным железнодорожником, но решил пойти в пехоту, на передовую, лицом к лицу с врагом». Впечатление такое, будто скромный железнодорожный рабочий не просто на войну отправлялся, но прямо шел в Герои. Думаем, тут журналиста подвел эффект «обратного зрения»: создавая образ человека, отмеченного высшей наградой, он «подгонял» его жизненный путь к заранее известному результату, как школьник подгоняет решение задачи к ответу, помещенному в конце учебника. Да не мог он, будущий Герой, который Героем еще не был и в Герои «не планировался», свободно выбирать, что ему делать на войне! До того ли тогда было военкоматам? Забирали ведь даже машинистов, диспетчеров — работников самых ключевых железнодорожных профессий — и отсылали в самое пекло, туда, где фронт выгибался дугой, которая вот-вот лопнет. Ну, а что Стриганов? Сложных железнодорожных наук не проходил, общее образование имел минимальное, а здоровье, сила, выносливость, железнодорожная привычка к дисциплине и ответственности были при нем — вот и направили тридцатилетнего новобранца в самый массовый и особой выучки не требующий род войск.

Фронтовой путь пехотинца Стриганова в деталях П. Коверде точно не был известен, но уже то, что со временем стал он сержантом и командиром отделения, позволяет заключить, что своей железнодорожной репутации Константин Григорьевич не уронил.

Однако главным событием его фронтowej жизни стал подвиг на Днепре. О нем у артемовского краеведа — всего две фразы: «Смело преодолел реку, он со своим отделением отбил многочисленные атаки врага, помог переправиться товарищам, обеспечил боевой успех родному полку. О его подвиге сообщил в телеграфном донесении командир части». Читатель, уже знающий по предыдущим очеркам, как переправлялись через Днепр другие и как их встречали на правом берегу, легко может себе представить, через какую мясорубку надо было пройти сержанту-пехотинцу, чтоб получить (после придирчивого рассмотрения его наградного дела где-то «наверху»: указ, посвященный событиям конца октября, подписан

«всемирным старостой» лишь 10-го... ского Союза, которое перед штурмом... вы помните, только командному составу...

На фотографии в книге «Золотые... Григорьевич Стриганов выгляди... не больше двадцати. Более поздней... сугубо штатского пиджака медаль Гер... Тут издатели книги не погрешили... Григорьевич не только ее, золотой эт... как поддержать ее не довелось. Указ... минаем, 10 января 1944 года, а Герой... дир егоршинских путейцев Констан... года в бою у деревни Волотиловка... ванного у захватчиков Киева.

А через час телефонист кричал...

Кузьма
Степанович
Пургин

Когда по заданию состав... станцию Богданович, чтоб от... цию о Кузьме Степановиче Пур... сарем, оттуда же ушедшем... тившемся, — усилия его не... мнили бы Кузьму Степанович... а кадровики даже год рожде... не смогли. Sic transit gloria mu...

вздохнули бы по этому поводу дре... Ну, с годом рождения особ... физические сведения сохранились в ад... мя воспользовались авторы и состав... книги-памятника «Золотые звезды св... имствуем.

Родился Кузьма Степанович Пур... указ о присвоении ему звания Героя по... красный подарок к сорокалетию! Втр... в сущности, себе сам). Родился в сел... новича, где потом работал на желез... в первом, так сказать, эшелоне — дел... Воевал Пургин с августа 1942 года. У... и Степном фронтах, имел звание сержа...

ды, написанном для книги «Золотые звезды» в первой половине 60-х годов. Пусть память о Герое книги.

Родился Константин Григорьевич в конце 1903 года в Артемовском районе, в семье крестьянской (что, как мы уже говорили, было вполной крестьянской семьи). Отец у него был умерла и того раньше. Вот и пришлось зарабатывать на хлеб. Но он выбрал не легкую дорогу, в путевые рабочие, освоился,

Константин Стриганов был в самой мужской железнодорожной профессии, проводником, проводя взглядом фронт, его совесть и крестьянская доброта — не пускали, потому что делом он занимался для обороны. Но велики были потери на фронте, поэтому власти стали искать замены им в тылу — за путевые работы взялись железнодорожники, пригодные для тяжелой воинской работы с брони и отправлялись на фронт. Вот так Константин Стриганов и бригадир егоршинских

Стриганов «мог стать военным железнодорожником, на передовую, лицом к лицу с врагом». Но железнодорожный рабочий не сразу шел в Герои. Думаем, тут журналистская фантазия: создавая образ человека, отменяя подгонял его жизненный путь к заранее заданной цели. Да не мог он, будущий Герой, который не планировался, свободно выбирать, что ему было военкоматам? Забирали ведь работников самых ключевых железнодорожных предприятий, туда, где фронт выгибался. Ну, а что Стриганов? Сложное железнодорожное образование имел минимальное, железнодорожная привычка к дисциплине — вот и направили тридцатилетнего молодого выучки не требующий род войск.

Стриганова в деталях П. Коверде точно не знаем, но в то время он был сержантом и командиром эскадрона, что своей железнодорожной репутацией уронил.

Война фронтовой жизни стал подвиг на Днепре — всего две фразы: «Смело преодолев отбил многочисленные атаки врага, обеспечил боевой успех родному полку. За мужество и героизм в боях за Родину награжден орденом Красного Знамени». Читая очерки, как переправлялись через Днепр на правом берегу, легко может себе представить, что надо было пройти сержанту-пехотинцу для рассмотрения его наградного дела. В этот день, 14 октября, подписан

«всемирным старостой» лишь 10 января 1944 года) звание Героя Советского Союза, которое перед штурмом Днепра было обещано Ставкой, как вы помните, только командному составу.

На фотографии в книге «Золотые звезды свердловчан» Константин Григорьевич Стриганов выглядит еще просто Костей, на вид ему никак не больше двадцати. Более поздней, видно, не нашлось. И к лацкану его сугубо штатского пиджака медаль Героя ретушер пририсовывать не стал. Тут издатели книги не погрешили против правды жизни: ведь Константин Григорьевич не только ее, золотую эту звездочку, не носил — ему и в руках поддержать ее не довелось. Указ о награждении был подписан, напомним, 10 января 1944 года, а Герой Советского Союза, бывший бригадир егоршинских путейцев Константин Стриганов погиб 14 января 1944 года в бою у деревни Волотиловки — не очень далеко от недавно отвоеванного у захватчиков Киева.

А через час телефонист из штаба кричал...

Кузьма
Степанович
Пургин

Когда по заданию составителей этой книги журналист поехал на станцию Богданович, чтоб отыскать там какую-нибудь информацию о Кузьме Степановиче Пургине, работавшем там когда-то слесарем, оттуда же ушедшем на фронт и с фронта уже не возвратившемся, — усилия его не принесли успехов. Людей, которые помнили бы Кузьму Степановича по работе и жизни, не нашлось, а кадровики даже год рождения Героя Советского Союза назвать не смогли. *Sic transit gloria mundi* (так проходит мирская слава), — вздохнули бы по этому поводу древнеримские мудрецы...

Ну, с годом рождения особых проблем не возникло: краткие биографические сведения сохранились в армейских архивах. Ими в свое время воспользовались авторы и составители не раз уже упомянутой здесь книги-памятника «Золотые звезды свердловчан». Оттуда мы их и позаимствуем.

Родился Кузьма Степанович Пургин 29 октября 1903 года (кстати, указ о присвоении ему звания Героя подписан 26 октября 1943 года — прекрасный подарок к сорокалетию! Впрочем, этот подарок он преподнес, в сущности, себе сам). Родился в селе Троицком — недалеко от Богдановича, где потом работал на железной дороге. На фронт его призвали не в первом, так сказать, эшелоне — дело до сорокалетних дошло не сразу. Воевал Пургин с августа 1942 года. Участвовал в боях на Воронежском и Степном фронтах, имел звание сержанта и командовал отделением связи

истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Золотую звезду Героя Кузьма Степанович получил «за Днепр» одним из первых — указ подписан 26 октября 1943 года. Но поносить ее довелось недолго; в 1944 году Герой Советского Союза Пургин погиб.

Чтобы понять суть его военной работы и значение его подвига, надо учесть, что в военных справочниках связь определяется как «основное средство управления войсками». Даже во времена Суворова и Наполеона, чтоб ввести в действие какой-нибудь резервный полк, томящийся в засаде, надо было протрубить в рожок, бабахнуть из фузеи или послать фельдгегеря. А во время Великой Отечественной войны, когда войсковые операции охватывали тысячи километров пространства и сотни тысяч вооруженных людей, роль связи была ключевой. Никакой полководческий гений не смог бы реализовать своих замыслов, если б не тысячи вот таких скромных и ответственных тружеников, каким был, в частности, богдановичский слесарь Кузьма Степанович Пургин.

Не располагая более конкретными и надежными источниками, из которых можно было бы точно уяснить, какой именно эпизод великой битвы за Днепр послужил основанием для присвоения К. С. Пургину высшей воинской награды, мы помещаем здесь перепечатку очерка о Герое из давней книги «Золотые звезды свердловчан», предоставляя читателю самому решать, что тут соответствует реальности, а что отражает добросовестную попытку «оживить» рассказ о человеке, точными сведениями о котором он, конечно же, тоже не располагал. Во всяком случае, суть работы Пургина на войне передана, на наш взгляд, вполне достоверно.

Солдаты-связисты за глаза звали его Степаныч. И не было в этом тайном нарушении субординации и тени насмешки или фамильярности. Бойцы уважали командира. За справедливость. За постоянную заботу об их житье-бытье. Даже за молчаливость и некоторую суровость. А больше всего за то, что добросовестно нес он нелегкую службу связиста.

А Степанычем называли его, может быть, потому, что и в военной форме, и в условиях фронта оставался сорокалетний сержант глубоко гражданским человеком. Ходил вразвалку, ступал твердо, основательно. За три года войны никак не мог привыкнуть к беспорядку, заброшенным домам и огородам.

Через Днепр связисты Пургина переправились с первой батареей своего истребительно-противотанкового полка. Прошло немного времени, и связь со штабом полка установлена.

На этом работа связиста не заканчивалась. Начинался второй этап, который имел прозаическое определение: охрана линии связи и устранение нарушений. В этот день нарушений было, пожалуй, больше обычного. Кузьма Степанович разослал уже всех своих подчиненных, когда посыльный сообщил, что первая батарея не слышит штаб. Командир сам пошел по линии, полчаса ползал по раскисшему от дождя суглинка, но злополучный обрыв нашел. Связь была восстановлена. Не успел Пургин передохнуть, как немцы пошли в контратаку. Связисты вслед за командиром залегли в цепь и стойко отражали натиск врага.

7 октября 1943 года разгорелся ожесточенный бой в деревне Погребна. Отделению Пургина пришлось работать в очень сложных условиях. Связисты валились с ног от усталости. И в это время артиллерийский полк сменил боевой порядок. Для связистов это означало: смотать несколько километров провода, а затем навести новое направление. Враг же был совсем близко.

Прячась за редким кустарником. Участок активно простреливался. Движение резко замедлилось. Немецкие послышались чужие голоса. Провод ко осторожно отходить. Над самой головой заметили? Сержант бросил комм. Сколько очередей прочесали его.

Пургин огляделся. Быстрые осе. «Скорее бы стемнело, иначе не уйти». Задел за куст катушкой. Почти одновременно выстрелы. «Окружают», — тревожно забился круг! Сержант достал гранату. Швырнул прямо на голоса, на мгновение и бросился прямо туда, где секундой ные комья ее еще шуршали по кустам. С роткая очередь, и — дальше. Вскоре ст

А через час телефонист из штаба первой батареи:

— Куда вы пропали? Примите при

Там, где все тяжелее

Василий
Иванович
Бачурин

Битва за Днепр была уникальной в масштабу, но и по сложности. Было потрудиться большинству. Днепр (как до того Сталинград) — грандиозным событием в фронтовой истории. А вот у десантников — «командировка в ад», потому что чтобы дерзко появляться в самом этом ад там устраивать. Оттого и требовались крепких, выносливых, стойких, находчивых. Бывший слесарь паровозного депо Пургин

Вообще-то и он, как многие герои, служил в железнодорожниках. До того окончил семилетку в родном селе, уехал на станцию Хромпик, устроился на завод, но через некоторое время вернулся: окончил шестимесячную железнодорожную школу ФЗО — фабрично-заводского обучения. Мышленности в 1940 году только что создавалось гурское паровозное депо.

то артиллерийского полка. Золотую звезду получил «за Днепр» одним из первых — указом Президиума Верховного Совета СССР. Поносить ее довелось недолго; в 1944 Пургин погиб.

Войны работы и значение его подвига, надо сказать, никак не определяется как «основное». Даже во времена Суворова и Наполеона не было никакой-нибудь резервной полка, томящийся в рожок, бабахнуть из фузеи или послать в атаку. Отечественной войны, когда войсковые подразделения простреливали пространство и сотни тысяч воинов были ключевой. Никакой полководческий замысел, если б не тысячи вот таких героев, каким был, в частности, богатырь Степанович Пургин.

Важными и надежными источниками, из которых, какой именно эпизод великой битвы, для присвоения К. С. Пургину высшей награды здесь перепечатку очерка о Герое из Свердловчан, предоставляя читателю сам выбор, — реальность, а что отражает добросовестный рассказ о человеке, точными сведениями не располагал. Во всяком случае, суть рассказа на наш взгляд, вполне достоверно.

Звали его Степаныч. И не было в этом тайны тени насмешки или фамильярности. Бойцовская суровость. За постоянную заботу об их безопасности и некоторую суровость. А больше всего он нелегкую службу связиста.

Его может быть, потому, что и в военной обстановке сорокалетний сержант глубоко понимал, ступал твердо, основательно. Привык к беспорядку, заброшенным

Пургина переправились с первой батареей танкового полка. Прошло немного времени, батарея была восстановлена.

Работа не заканчивалась. Начинался второй этап, задание: охрана линии связи и устранение повреждений было, пожалуй, больше обычного. Уже всех своих подчиненных, когда батарея не слышит штаб. Командир сам зашел по раскисшему от дождя суглинка, но связь была восстановлена. Не успел Пургин в краткую. Связисты вслед за командиром приняли натиск врага.

Был ожесточенный бой в деревне Погребово. Работать в очень сложных условиях. И в это время артиллерийский полк связистов это означало: смотать несколько километров новое направление. Враг же был

Прячась за редким кустарником, Пургин торопливо крутил катушку. Участок активно простреливался немцами, и скоро пришлось залечь. Прогн движение резко замедлилось. Немели руки, тяжелела катушка. Впереди слышались чужие голоса. Провод кончился. Кузьма Степанович стал осторожно отходить. Над самой головой взвизгнули пули. Случайно или заметили? Сержант бросил комок земли в соседний куст. Сразу же несколько очередей прочесали его.

Пургин огляделся. Быстрые осенние сумерки ложились на землю. «Скорее бы стемнело, иначе не уйти». Отполз еще немного, неосторожно задел за куст катушкой. Почти одновременно справа и слева прогремели выстрелы. «Окружают», — тревожно забило сердце. Скорее, пока не сомкнулся круг! Сержант достал гранату. Метрах в пяти зашевелились кусты. Швырнул прямо на голоса, на мгновение припал к земле, потом вскочил и бросился прямо туда, где секундой назад вздыбилась земля, а отдельные комья ее еще шуршали по кустам. Справа метнулись две фигуры. Короткая очередь, и — дальше. Вскоре стрельба затихла.

А через час телефонист из штаба полка нетерпеливо кричал в адрес первой батареи:

— Куда вы пропали? Примите приказ...

Там, где всего тяжелее

Василий
Иванович
Бачурин

Битва за Днепр была уникальной войсковой операцией не только по масштабу, но и по сложности боевой обстановки, в которой довелось потрудиться большинству ее участников, чтоб победить врага. Днепр (как до того Сталинград, а после — Берлин) стал исключительным событием в фронтовой судьбе каждого, кто побывал в том аду. А вот у десантников едва ли не каждый боевой эпизод — «командировка в ад», потому что для того и создан этот род войск, чтобы дерзко появляться в самом логове противника и для него этот ад там устраивать. Оттого и набирают в десантники ребят особенно крепких, выносливых, стойких, находчивых, отчаянных. Таким и оказался бывший слесарь паровозного депо Кунгур Василий Бачурин.

Вообще-то и он, как многие герои войны, о которых мы здесь писали, в железнодорожниках ходил недолго — где-то всего около года. До того окончил семилетку в родном селе Осинцево Кишертского района, уехал на станцию Хромпик, устроился там работать на Хромпиковом заводе, но через некоторое время решил перебраться поближе к матери: окончил шестимесячную железнодорожную школу ФЗО в Перми (школы ФЗО — фабрично-заводского обучения — для разных отраслей промышленности в 1940 году только что образовались) и был направлен в Кунгурское паровозное депо.

«Охота к перемене мест» объяснялась семейными обстоятельствами. Отец — красноармеец, не раз отмеченный за боевые заслуги командованием, — погиб еще в Гражданскую, сын рано привык к самостоятельности, но чувствовал себя обязанным заботиться о матери.

Когда Василий появился в депо, ему было уже около двадцати. В этом возрасте человек и сам еще не знает границ своих возможностей, между тем как энергии у него было хоть отбавляй. Мать вздыхала, глядя на сына: «Весь в отца, такой же весельчак и забияка». Но, видно, энергии этой с самого детства был задан ход в полезном для людей направлении. Золотые руки и смекалистый ум помогли парню быстро совершенствоваться в своей деповской профессии. За короткое время получил второй, третий, а там и четвертый разряд. Стали доверять ему такое тонкое и ответственное дело на ремонте локомотивов, как притирка клапанов. Но обихаживать паровоз да не загореться желанием самому «оседлать» такого мощного и красивого «коня» — это, пожалуй, даже и не по-мужски, а если



Василий
Иванович
Бачурин

учесть темперамент Василия... Словом, запросился он на паровоз. Ну, а туда ведь без хорошей подготовки не думай и соваться. Он таки нашел возможность — прошел какие-то курсы, стал ездить кочегаром. Шуровать у прожорливой топки — это, конечно, совсем не то, что вести машину самому, но Василий был молод, силен, по-крестьянски вынослив и терпелив, да и характер у него был неунывающий.

Его запомнила с той поры работница депо Евгения Андреевна Цаплина. Она тоже окончила в Перми железнодорожную школу ФЗО (училась, похоже, в том же наборе, что и Бачурин) и получила направление в Кунгур. Ребят-«фезеошников» приехало много, общежитие для них устроили в каком-то старом клубе, разделив его на две половины — для парней и для девушек. Конечно, жили открыто, весело, все друг друга знали. Да Вася Бачурин и был не таков, чтоб остаться незамеченным где-то в сторонке.

«Среди ребят выделялся подвижный, веселый, жизнерадостный парень с рыцарским характером, — вспоминает о нем Евгения Андреевна. — Никогда никого он не давал в обиду, умел по-мужски постоять за себя. При беседах за словом в карман не лез. С нами, девушками, был всегда вежлив. Активно выступал на комсомольских собраниях.

Если попросит кого-нибудь из нас не отказывали за его великодушие. А бывало, придем в деповскую столовую уж Вася Бачурин с нами, долго стоять не покупал Вася, но когда у него не оказы

Машинистом паровоза Василий Бачурин в 1940 года призвали его на военную службу. Это был самый тогда престижный род войск — матросский шик — этим бредили парни, пытались отрабатывать «морскую» — ногами палуба, а под палубой волна. Но в этих десятилетиях, можно утверждать, было сивого в матросской форме и вообще было, а нравиться всем они стали только в 1960-е, были парни крепкие, надежные, даже некое благородство манер. Чтобы быть моряком, надо было и физической статью обладать, и выдержку, и выносливость, и выносливость надо было до изнеможения. Не каждый год в флот, а уж кто попадал — дорожил этой возможностью, внеслужебной обстановке, в увольнении в какой-нибудь глухой российской деревне держать!..

Служить Василию выпало на Черном море. Известно, начал ли он осваивать сложную работу, начал было в Кунгуре осваивать паровозную работу, спрашивал ли кто-то у него о его желании идти в армию, в армию записали Бачурина в морскую пехоту, ее подразделения только тогда и не было, во время Великой Отечественной войны, части, которым приходилось воевать на фронте, и особенно — за линией фронта, воевать было тяжелее. Такого было их преднач

Служа в морской пехоте с первого дня принимал участие в обороне Севастополя. Саживался с десантом под Таганрогом, давал путь вражеским кораблям на Днепр, проводил разведку батальона к «языкам», проделывая проходы в загра

На фронте, под пулями, вступил в бой, воевало только одну привилегию — первый выстрел. За доблесть и отвагу был награжден орденом и медалью «За оборону Севастополя», ценой жизни и основательно, стараясь нанести урона врагу. В самые трудные минуты боя, солдатской шуткой, деревенской прибауточкой роль Бачурин, наверно, не претендовал на роль героя — как праздник в роту, в роту боевых товарищей, командир отдельного батальона морской пехоты Иван Иванович Бачурин.

«Мамаша, — писал Василий домой, — мне, я дерусь стойко и мужественно и

объяснялась семейными обстоятельствами. Отмеченный за боевые заслуги командованием, сын рано привык к самостоятельности, заботиться о матери.

Его, ему было уже около двадцати. В этом возрасте знает границ своих возможностей, между тем и отбавляй. Мать вздыхала, глядя на сына: «Как и забияка». Но, видно, энергии этой хватило в полезном для людей направлении. Золотом могли парню быстро совершенствоваться. За короткое время получил второй, третий. Стали доверять ему такое тонкое и ответственные мотивы, как притирка клапанов. Но обидно желанием самому «оседлать» такого коня, то, пожалуй, даже и не по-мужски, а если



Василий
Иванович
Бачурин

Словом, запросился он на паровоз. Ну, а паровозики не думай и соваться. Он так и нашел себе курсы, стал ездить кочегаром. Шуровать паром, конечно, совсем не то, что вести машину самодвижущую, по-крестьянски вынослив и терпеливый.

Работница депо Евгения Андреевна Цаплина, окончившая железнодорожную школу ФЗО (училась, по-моему, Бачурин) и получила направление в Кунгур. Там много, общежитие для них устроили в казарме, на две половины — для парней и для девушек. Весело, все друг друга знали. Да Вася Бачурин — незамеченным где-то в сторонке.

Смелый, веселый, жизнерадостный паренек. Вспоминает о нем Евгения Андреевна. — Бачура, умел по-мужски постоять за себя. Не лез. С нами, девушками, был всегда на комсомольских собраниях.

Если попросит кого-нибудь из нас постирать ему рубашки, никогда не отказывали за его великодушие. А он нас за это угощал конфетами. Бывало, придем в депо-скую столовую, а там очередь длинная. Но если уж Вася Бачурин с нами, долго стоять не приходилось. Порой и обеды нам покупал Вася, но когда у него не оказывалось денег, мы его выручали».

Машинистом паровоза Василий Бачурин просто не успел стать. Весной 1940 года призвали его на военную службу. Да не просто в армию, а в самый тогда престижный род войск — во флот. Клеш, тельняшка, весь матросский шик — этим бредили подростки всей страны, даже походку пытались отработать «морскую» — с таким покачиванием, будто под ногами палуба, а под палубой волна. Но уж теперь-то, по прошествии многих десятилетий, можно утверждать без тени сомнения: ничего особо красивого в матросской форме и вообще во всей матросской атрибутике не было, а нравиться всем они стали только потому, что одеты в них, как правило, были парни крепкие, надежные, усвоившие на флотской службе даже некое благородство манер. Чтобы все эти качества приобрести, надо было и физической статью обладать, и чтоб мышцы не дряблые, и поработать в условиях, совершенно непривычных для «сухопутного» человека, надо было до изнеможения. Не каждому дано было попасть служить во флот, а уж кто попадал — дорожил этой удачей и этой честью, даже и во внеслужебной обстановке, в увольнении или тем более на побывке дома, в какой-нибудь глухой российской деревушке, старались флотскую марку держать!..

Служить Василию выпало на Черном море. Нам, честно говоря, неизвестно, начал ли он осваивать сложную корабельную технику (как начал было в Кунгуре осваивать паровоз), много ли в том преуспел, да и спрашивал ли кто-то у него о его желаниях. Известно только, что с началом войны записали Бачурину в морскую пехоту — на Черноморском флоте ее подразделения только тогда и начали создаваться. Морская пехота во время Великой Отечественной войны — это были отборные воинские части, которым приходилось воевать и на море, и на суше, и на передовой, и особенно — за линией фронта, в десанте. В общем, всегда там, где всего тяжелее. Такого было их предназначение.

Служа в морской пехоте с первых дней войны, Василий Бачурин принимал участие в обороне Севастополя, в составе Азовской флотилии высаживался с десантом под Таганрогом, Мариуполем, Осипенко, преграждал путь вражеским кораблям на Днепро-Бугском лимане. Постоянно сопровождал разведку батальона к вражеским берегам для захвата «языков», проделывая проходы в заграждениях и минных полях.

На фронте, под пулями, вступил в партию коммунистов; тогда это давало только одну привилегию — первым подняться из окопа под шквальный огонь. За доблесть и отвагу был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Севастополя». Воевал, как работал: квалифицированно и основательно, стараясь принести больше пользы своим и урона врагу. В самые трудные минуты подбадривал друзей немудреной солдатской шуткой, деревенской прибауткой. Не только «Теркин» (на такую роль Бачурин, наверно, не претендовал), но любой опытный, обстрелянный солдат — как праздник в роте и батальоне. Таким и был, по словам боевых товарищей, командир отделения саперного взвода 384-го отдельного батальона морской пехоты старшина первой статьи Василий Иванович Бачурин.

«Мамаша, — писал Василий домой, в Кунгур, — не беспокойтесь обо мне, я дерусь стойко и мужественно и заверяю вас, что тот, кто встанет

на пути у меня, тот будет бедный. Сам себя чувствую хорошо пока. Жив и здоров. Это главное и еще главное — это быстрее очистить побережье Черного моря и быстрее вернуться домой. Ну, пока все. Василий Бачурин. 18 марта 1944 год. Полевая почта 70110».

Увы, это письмо было последним. Потом пришла похоронка: «Сражаясь за любимую Отчизну, военный моряк Василий Бачурин героически сложил голову, прославив в веках свое имя».

...1944 год памятен в истории Великой Отечественной войны общим наступлением наших фронтов. Кажется, все в стране ощутили, что наступил перелом, впереди забрезжила звезда Победы. И как же тяжело было в это время получать похоронки!.. Но на самом деле переломный год был не менее тяжел для нашей армии, для страны, чем три предшествующих года. Фашистская оборона трещала по всем швам, однако враги никак не могли смириться с мыслью о поражении и оказывали бешеное сопротивление. Они умели воевать и не бежали в панике, но использовали каждый подходящий рубеж, делали из каждого города крепость, рассчитывая всякий раз зацепиться и устоять. Одним из крепких «орешков» на пути наших войск стал и приморский город Николаев.

Наши войска приблизились к нему в марте.

На рассвете 13 марта, используя захваченные сейнеры и лодки, батальон морской пехоты, где служил старшина первой статьи Бачурин, форсировал Днепро-Бугский лиман, освободил населенные пункты Широкая Балка, Станислав, Федоровка. Продвигались по левому берегу реки Южный Буг. Давила к земле тяжесть пулеметов, минометов, боеприпасов, но придавала силы надежда в самом скором времени выбить врагов из города Николаева. Вероятно, где-то во время этого похода и выкроилось у старшины Бачурина несколько минут, чтоб написать приведенное выше письмо матери; в нем явственно ощутима почти спортивная злость — настроение, с которым вступают в бой и побеждают.

Убежденность в неминуемом успехе предстоящей операции не уменьшилась от того, что путь к Николаеву преградила крупная группировка врага: все равно кольцо окружения вокруг города постепенно сжималось. Но надо было взорвать обстановку внутри этого кольца, заставить гитлеровцев ослабить внимание к своим оборонительным рубежам.

И батальон получил задачу: высадить десант в порт.

Решать ее пришлось в исключительно тяжелых условиях. Не было времени на подготовку, отсутствовали десантные средства. Лишь небольшое количество рыбацких лодок удалось собрать у местных жителей. Определили срок: в ночь на 26 марта, наметили место: район нового элеватора и конторы порта. Решили высадить 68 морских пехотинцев-добровольцев под началом старшего лейтенанта Константина Федоровича Ольшанского. Идти проводником вызвался молодой местный рыбак Андрей Иванович Андреев.

Среди десантников-добровольцев был и Василий Иванович Бачурин. В предшествующих боях за Николаев его отделение особенно отличилось, прокладывая путь наступающим подразделениям, обезврежив не одну сотню различных вражеских мин, заграждений и «сюрпризов». Когда Бачурин обратился к Ольшанскому с просьбой взять и его в десант, тот не колеблясь согласился.

Ночь высадки выдалась темной. Встречный сильный ветер бросал в лицо мокрый снег. Враг был на обоих берегах. Немцы методически освещали реку ракетами и прожекторами, «прочесывали» огнем артиллерии.

Опасность подстерегала каждую минуту, вычерпывали бескозырками и калошами воду, чтобы не пришлось бросаться в студеную воду. Погасло, за остаток ночи перерезали коммуникации, установили на всех этапах обороны. Отделение Бачурина замкнуло кольцо, по которому могли подойти танки. Немцы даже не заметили, что в этом месте, образовался сильный уклон.

Оставалось ждать начала общего наступления. Части нашей армии в наступление не пошли, танки, артиллерия. Попытки прорыва укрепленного фронта успеха не имели. Наконец приняли единственно верное решение — наступлением темноты ударить по тылу врага с фронта. Только план не сработал. План не сработал.

К месту расположения бойцов немцы не пускали. Они, покуривая, стояли у стен. Ну и пусть бы увезли. Но ждали нервы, он открыл огонь. Два человека удалось скрыться. Через час их обнаружили. С каждой минутой бой становился все более ожесточенным. Новые силы. В ход часто пускались гранаты. Только к вечеру фашисты сдались.

Поняв, что уничтожить десантников было делом непростым, фашисты применили плановую осаду дома. Засыпали гранатами и орудийными пушками, пустили в воздух дымовые шашки. Вечерняя кирпичная пыль висела в воздухе. Но отважный гарнизон продолжал бороться.

Упругие струи огня ударили по стенам. Только к вечеру удалось отделить саперов. Бойцы пригласили их.

— Совсем как на паровозе, — услышали короткую очередь в неосторожно выскочившую струю сникла, расплылась по камням.

Южная черная ночь окутала город. Близились пожары. Командир собрал бойцов, распределил сектора обороны и послал в штаб батальона разведчиков. Василий Бачурин с оставшимися бойцами занял позицию у главного входа.

Чуть забрезжило утро — фашисты, не считаясь с потерями, не жалели снарядов, почернел, как головешка. Земля была усыпана фашистскими трупами. Но атакующие перестали наступать — как раз навстречу пулеметному огню. Поэтому перед входом мертвых «фрицев» лежали.

Из-за угла соседнего дома высунулся немигающим оком в подъезд.

— Назад! — приказал Василий, и бойцы отошли от входа, залегли между каменными блоками.

Несколько раз выстрелила пушка. Василий снова встретил пулеметный огонь. Десант в этот день. Но их осталось только

ый. Сам себя чувствую хорошо пока. Живое — это быстрее очистить побережье и вернуться домой. Ну, пока все. Василий Бачурин. Шта 70110».

едним. Потом пришла похоронка: «Сража- ный моряк Василий Бачурин героически сло- свое имя».

ии Великой Отечественной войны общим Кажется, все в стране ощутили, что насту- ла звезда Победы. И как же тяжело было !... Но на самом деле переломный год был ии, для страны, чем три предшествующих ала по всем швам, однако враги никак не ражении и оказывали бешеное сопротив- бежали в панике, но использовали каждый аждого города крепость, рассчитывая вся- дним из крепких «орешков» на пути наших Николаев.

к нему в марте.

льзую захваченные сейнеры и лодки, ба- ил старшина первой статьи Бачурин, фор- , освободил населенные пункты Широкая Продвигались по левому берегу реки Юж- пулеметов, минометов, боеприпасов, но ом скором времени выбить врагов из го- то во время этого похода и выкроилось минут, чтоб написать приведенное выше о ощутима почти спортивная злость — на бой и побеждают.

мом успехе предстоящей операции не к Николаеву преградила крупная групп- окружения вокруг города постепенно сжи- обстановку внутри этого кольца, заставить к своим оборонительным рубежам. к высадить десант в порт.

лючительно тяжелых условиях. Не было овали десантные средства. Лишь неболь- удалось собрать у местных жителей. Оп- рта, наметили место: район нового элева- высадить 68 морских пехотинцев-добро- о лейтенанта Константина Федоровича м вызвался молодой местный рыбак Анд-

ольцев был и Василий Иванович Бачурин. лаев его отделение особенно отличилось, подразделениям, обезвредив не одну сот- граждений и «сюрпризов». Когда Бачурин сьбой взять и его в десант, тот не колеб-

мной. Встречный сильный ветер бросал на обоих берегах. Немцы методически жекторами, «прочесывали» огнем артил-

Опасность подстерегала каждую минуту. Воду, захлестывавшую лод- ки, вычерпывали бескозырками и касками. Часто кому-нибудь приходи- лось бросаться в студеную воду, подталкивать шлюпки. Достигнув бере- га, за остаток ночи перерезали коммуникации врага, захватили четырех- этажный дом, установили на всех этажах пулеметы, создали круговую оборону. Отделение Бачурина заминировало подходы к дому, окопалось у дороги, по которой могли подойти танки. И все это было сделано скрыт- но! Немцы даже не заметили, что в тылу у них, в таком стратегически важ- ном месте, образовался сильный укрепленный пункт противника!

Оставалось ждать начала общего наступления. Но ни 26, ни 27 марта части нашей армии в наступление не пошли — отставали тылы и техника, не подошли танки, артиллерия. Попытки батальона своими силами прорвать укрепленный фронт успеха не имели. В этой тяжелой обстановке десант- ники приняли единственно верное решение — отсидеться до ночи, а с на- ступлением темноты ударить по тылам противника, оттянуть их силы с фронта. Только план не сработал. Подвела, можно сказать, случайность.

К месту расположения бойцов неспешно подкатила подвода с тремя гитлеровцами. Они, покуривая, стали грузить деревянную тару, валявшу- юся у стен. Ну и пусть бы увезли. Но у кого-то из десантников не выдер- жали нервы, он открыл огонь. Два зеленых мундира остались лежать, тре- тьему удалось скрыться. Через час их атаковал батальон пехоты, подошли танки. С каждой минутой бой становился все ожесточеннее, враг вводил новые силы. В ход часто пускались гранаты, тут и там возникали рукопаш- ные схватки. Только к вечеру фашисты уgomонились.

Поняв, что уничтожить десантный отряд не так-то просто, они пове- ли планомерную осаду дома. Засыпали его минами, расстреливали из тан- ковых и орудийных пушек, пустили в дело огнеметы. Клубы дыма, крас- ная кирпичная пыль висели в воздухе, что-то горело, в стенах зияли про- валы. Но отважный гарнизон продолжал бороться.

Упругие струи огня ударили по стенкам окопов, в которых обороня- лось отделение саперов. Бойцы пригнулись, закашлялись от едкого дыма.

— Совсем как на паровозе,— усмехнулся Василий Бачурин и послал короткую очередь в неосторожно высунувшегося огнеметчика. Огненная струя сникла, расплылась по камням.

Южная черная ночь окутала городские кварталы, едва освещаемые бликами пожарищ. Командир собрал всех десантников в доме, заново распределил сектора обороны и поставил боевую задачу. По радиции пе- редали в штаб батальона разведданные, сообщили: «Держаться еще мож- но». Василий Бачурин с оставшимися от отделения двумя саперами рас- положился у главного входа.

Чуть забрезжило утро — фашисты начали штурм дома. Они атакова- ли, не считаясь с потерями, не жалея снарядов и мин. Дом со всех сто- рон почернел, как головешка. Земля вокруг стала грязно-зеленой от фа- шистских трупов. Но атакующие перли напрямик, устремляясь к главно- му входу — как раз навстречу пулеметным очередям старшины Бачурина. Поэтому перед входом мертвых «фрицев» лежало особенно густо.

Из-за угла соседнего дома высунулся ствол пушки, опустился, уста- вился немигающим оком в подъезд.

— Назад! — приказал Василий, и бойцы, подхватив пулемет, кинулись подальше от входа, залегли между камней.

Несколько раз выстрелила пушка. Фашисты бросились к дому, но их снова встретил пулеметный огонь. Десять атак выдержали десантники в этот день. Но их осталось только четырнадцать с двумя пулеметами

зона. К полудню положение создалось такое, что последняя радиогруппа: указав огонь на себя...

войска ворвались в Николаев. Навстречу двенадцать десантников — изнуренных, окоченевших. Бачурина среди них не было. Он погиб.

кого уничтожил свыше 700 солдат и офицеров боевой техники, не дал захватчикам наступать на взятие города. Президиум Верховного Совета СССР 19 апреля 1945 года присвоил всем участникам Великой Отечественной войны, когда самая высокая награда — ордена и медали, без исключения!

на Красного Знамени и почетного нагрудного знака.

героем...»

милиейских и других отрядах особого назначения. Дело нужное, конечно, и на второй план предшественники, сущность Отечественной войны и выполняв-

назначения были, в основном, диверсионные. Не удивительно, что многие бойцы удостоены Героя Советского Союза. Один из них — до войны на Свердловской железной дороге. И воевал он, кстати сказать, не только был и такой? — спросите вы. Вот еще подробнее...

родился в деревне Кошело Нытвинского района. Младший сын крестьянской семьи. «Семья была из мужиков-то — отец мой, да я...» Эти слова его тоже... Но в беспокойном 1919 году не остался Миша, которому было тогда... Ему и землю пахать, и многое другое делать, чтобы прокормить своих близких. Получил для российского крестьянства много лет трудился в колхозе...

не перемены — строились десятки километров стальных магистралей. Сельская

молодежь тянулась в города, где и заработки были побольше, и снабжение получше, да и работа более привлекательная. Не стал исключением и Михаил, который в мае 1935-го переехал в Пермь и устроился на железную дорогу — слесарем в паровозоремонтное депо.

В 1937 году пришло время отдать долг Родине, и Пономарев отправляется служить на Балтийский флот. Определили его по технической части, в гидроавиацию, где молодой моряк за два года получил хорошую флотскую закалку, досконально изучив сложнейшую по тем временам технику. И уже пора было домой возвращаться, как грянули боевые действия в Прибалтике и на советско-финской границе. В преддверии предстоящих событий «наверху» решили, что защитный «буфер» из западных территорий, ранее входивших в состав Российской империи, был бы совсем не лишним. Правильным было это решение или нет — и по сей день историки не могут прийти к единому мнению... Но, как бы то ни было, исполнять его пришлось рядовым красноармейцам, которые, в большинстве своем, честно делали свое дело. И нет их вины за провальный исход финской кампании...

Тем не менее для Пономарева удачей было уже то, что его жизнь не оборвалась в Эстонии или на линии Маннергейма. Он был демобилизован, пусть и с задержкой на год, зато без серьезных ранений, с боевыми наградами на груди.

Направляясь домой, в Пермь, Михаил Петрович твердо знал, что вернется на дорогу. Работа на магистрали была ему по душе. Но в каком качестве? Увидел на вокзале вывеску «Линейный отдел НКВД» и, не долго раздумывая, шагнул внутрь... Кадровики, познакомившись с солидным послужным списком демобилизованного солдата, предложили ему ответственную должность: «Участковым милиционером на станцию Курья пойдете? Справитесь — в командный состав аттестуем...»

«Справлюсь... Должен справиться...» — твердо решил Пономарев.

Его слова не разошлись с делами. Через полгода молодого милиционера оформили в младшие командиры и перевели в головной отдел на станции Пермь-2 — в крупнейшее подразделение транспортной милиции на территории, которая обслуживалась нынешней Свердловской магистралью.

А вскоре началась война. Одно за другим подавал Михаил заявления в военкомат, а очередь до него все не доходила. «У тебя броня, жди... А пока здесь вой...» Насчет «вой» — не было преувеличением. Все сотрудники транспортной милиции участвовали в сопровождении важнейших грузов на фронт и с прифронтовых территорий. В вооруженных столкновениях с немецкими диверсантами, которые не только поезды под откос пускали, но и на крупнейшие транспортные узлы пытались проникать, погибли уральские милиционеры-транспортники со станций Свердловск и Тюмень. Доставалось и пермякам...

Но Пономарев справедливо считал, что его опыт больше пользы принесет на передовой. Он сумел настоять на своем — в сентябре 1942 года прислали долгожданную повестку из военкомата...

Боевое крещение он принял под Сталинградом. Как бывшего моряка, направили его в Волжскую флотилию, на торпедный катер, оборонявший одну из переправ через Волгу. Несколько месяцев кипели здесь ожесточенные бои: гитлеровцы понимали, что без волжской «дороги жизни», по которой день и ночь продвигались в осажденный Сталинград боеприпасы, оружие, продовольствие, горючее, воинские подкрепления, город обречен. «За Волгой для нас земли нет...» — говорили тогда противостоящие

ы-речники. И сражались за каждую пядь

сь уже нашим войскам приходилось штур-
м огнем противника, создавшего мощный
овские плацдармы пали смертью храбрых
еров. «Достался» осколок вражеской мины
ции и дымомаскировки Пономареву, но,

Михаил Петрович вновь встал в строй просла-
раины и Белоруссии речной флотилии, ко-
Епровской. Ему и другим наиболее опы-
в состав создаваемого на базе флотилии
ения специальных операций. Подразделе-
к. морской пехоты и прочие «спецназы»
ше в новинку...



Михаил
Петрович
Пономарев

дел речной десант. Новая структура бы-
е проводившейся летом 1944 года опе-
ую роль в разгроме крупной группиров-
Белоруссии.

есант высадился на бронекатерах в город
солдат из элитных дивизий вермахта.
Штурм предстоит тяжелый, ожидаются
лесскими болотами; пока их преодоле-
е. А за это время фрицы так окопаются,
е будем... Значит, только на вас надежда.
и и проникнуть в центр. А там уж пере-
дет город брать...»

тыл к отборным частям противника, у реч-
е не было. Но каждый хорошо понимал:
ехотинцев лягут на подступах к Пинску...

к. боо-екатерах в порту, десантники разби-
свались в город. Вся надежда была — на
ылся. надо занять выгодные позиции

в центре и оборонять их до последнего... Возглавлявший одну из дивер-
сионных групп командир отделения Пономарев заметил подходящий двух-
этажный кирпичный дом на перекрестке в самом центре и дал команду:
«На штурм!»...

Бастион и его защитники под командованием сержанта Пономарева
держались двое суток, оттянув на себя изрядные силы противника.
Одиннадцать раз гитлеровцы при поддержке танков и самоходных ору-
дий с разных сторон бросались на горстку храбрецов! И отходили вспять,
оставив, в общей сложности, более десятка сожженных речным спецна-
зом пушек и танков...

Успешные действия десантников в тылу врага оказались как нельзя
кстати для наступающих частей 61 и 28 армий и Днепровской военной
флотилии, которым утром 14 июля удалось взять Пинск. Элитные фашист-
ские войки понесли колоссальные потери в живой силе и технике. Среди
всего прочего были захвачены 185 вражеских кораблей и других плавс-
редств...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1945 года
одиннадцати отважным бойцам речного десанта было присвоено звание
Героя Советского Союза. Среди награжденных был и Михаил Петрович
Пономарев, который тогда уже сражался в предместьях Берлина. На под-
ступах к столице рейха шли ожесточенные бои, моряков бросали из од-
ной атаки в другую, приходилось и в рукопашную вступать. В одной из атак
Пономарев был тяжело ранен. Его эвакуировали в разбомбленный авиа-
цией союзников Дрезден. Золотую звезду Героя вручили в больничной па-
лате, за неделю до Дня Победы...

— Право, никогда и не думал, что стану каким-то героем,— расска-
зывал Пономарев два десятилетия спустя.— Да и никто из нас, по правде
сказать, об этом всерьез не задумывался. Войну считали обычной рабо-
той, а наградой за нее — жизнь. И еще то, что удалось Родину отстоять...

Вернувшись в родную Пермь, вновь встал в милицейский строй, но
дали о себе знать фронтовые раны. После долгого лечения службу при-
шлось оставить. А ниточка судьбы снова «потянула» его на транспорт, те-
перь уже водный...

Два послевоенных десятилетия Михаил Петрович Пономарев отдал
Пермскому судостроительному заводу «Кама». Ему там довелось потру-
диться простым рабочим, начальником участка, а потом и руководителем
цеха. Кстати, и цех на «Каме» возглавлял он тоже транспортный. Там его
и поныне помнят — и не только как Героя великой войны, которому по-
священы музейные экспозиции, памятники и мраморные барельефы, но
и просто как хорошего, порядочного человека, как великого труженика,
который просто не мог работать недобросовестно — хоть на войне, хоть
в железнодорожной милиции, хоть в заводском цехе.

Несгораемый танкист

Михаил
Данилович
Саначев

В детстве Михаил Саначев мечтал выучиться на агронома и работать на родной земле, как его деды и прадеды. Но судьба распорядилась иначе. В Верещагинской школе ФЗУ он получил профессию помощника машиниста паровоза и пришел на железную дорогу. Его железнодорожный стаж оказался невелик — так распорядилась судьба.

В 1939 году его, уже 23-летнего парня, призвали в армию. Сначала служил на западной границе, потом был направлен в танковое училище, которое окончил за считанные дни до нападения гитлеровской Германии на нашу страну. И уже с первых дней войны он — на передовой. В качестве политрука (была у него и такая должность на войне), потом командира танковой роты он прошел много фронтовых дорог: защищал Москву, сражался на Орловско-Курской дуге, под Кенигсбергом. Не раз горел в танке, но всегда оставался в живых и продолжал бить врага до последнего боеприпаса.

В 1944 году за освобождение украинского города Умани Михаилу Даниловичу Саначеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Наверное, это самая яркая страница в его фронтовой биографии. Вот как это было.

Третий день наши танкисты вели бой с фашистами у деревни Чижовка, лежавшей на пути к Умани — крупному пункту обороны врага. Из тесной башни «тридцатьчетверки» командир роты поглядывал в смотровую щель на панораму стихающего сражения. Чижовка превратилась в пепелище. Лишь кое-где чудом уцелели несколько избышек с соломенными крышами.

Еще не успел он остыть от этого зыбкого боя, как ему дали новое боевое задание — возглавить ударную группировку, которой предстояло ночью обходным маневром подойти к Умани. Три танка и две самоходные установки колонной двинулись по раскисшей дороге, соблюдая светомаскировку. На броне машин сидели автоматчики. В необозримом поле танкисты случайно обнаружили немецкий аэродром.

— Огонь не открывать! Идем по «хвостам» самолетов, — скомандовал Саначев.

Немногочисленная охрана аэродрома в испуге разбежалась. Три вражеских «юнкерса» были раздавлены с ходу. Не останавливаясь, танки и самоходки двинулись дальше.

Глубокой ночью колонна подошла к южной окраине Умани. Утопая в грязи, Саначев шел впереди, указывая путь, по которому могли пройти машины. По кустарнику, через сады и дворы ударная группировка вышла в центр города и остановилась в нескольких метрах от Софийского парка.

Не ожидая столь дерзкого маневра ночью, немцы, очевидно, приняли наш гу. И Саначев поспешными действиями — дал возможность городу хороше-

Лишь на рассвете, в самый глухой час, и пять орудий открыли ураганный огонь. Все вокруг померкло. Земля и «тридцатьчетверки» стояли в эпицентре девяти-

Из глубины улиц к площади слышались крики и «пантеры». Завязался тяжелый бой. — А! Была не была! — услышали фонов голос командира.

В танке стало чуть светлее. Откуда-то сверху сыпались струйки за- запасной пулемет...

К девяти часам утра командир танка и шесть вражеских машин. Немцы то и дело добравшись к нашим «тридцатьчетверкам».

Неожиданно к танку Саначева ринулся вражеского «зверя», командир разведки. Он водить орудие на черно-белый крест. Он ли одновременно, и оба танка вопы-

Экипаж машины Саначева быстро стала окружать танкистов. Скатившись, гасить промасленный комбинезон. Командир танка. Огненные языки захлестывали броне-

Михаил метнулся в ближайший дом. Бежали следом. В доме прозвучали выстрелы. Кое-ко секунд из окон вырвалось пламя.

...Саначев очнулся в полной темноте.

Откуда-то сверху сыпались струйки за- Печаль. Почти сутки Михаил проделывал себе путь. Были уже на исходе, когда он выбрался из дома. Танкист оглядел себя. Ну и вид — лохмотья. Гимнастерка разорвана.

Навстречу ему шел старик.

— Кто в городе? — спросил Саначев.

— Наши, русские!

От полноты чувств Михаил расцеловал старика.

Велика была и радость танкиста, вернувшись в родную бригаду. Вскоре он был назначен командиром танка.

...Танковому батальону под командованием Михаила Саначева было приказано сменить пункт Вустермиу и до подхода главных шоссейных дорог.

Экипаж танка, в котором находились стреляющим. Пополнение танкистов пополнилось.

— Вперед! — отдал команду Саначев.

Молоденький сержант, вцепившись в «тридцатьчетверку». Пятьсот лошадей и мастеров, потянули стальную громаду.

Ночью танкисты ворвались в село. Дух гудел от истошных воплей фрицев.

— Рус панцир! Рус панцир!

мечтал выучиться на агронома и работать у деды и прадеды. Но судьба распорядилась иначе. В ФЗО он получил профессию паровоза и пришел на железную дорогу. Там оказался невелик — так распорядилась

етного парня, призвали в армию. Сначала — на границу, потом был направлен в танковое училище. Первые дни до нападения гитлеровской армии с первых дней войны он — на передовой (у него и такая должность на войне), потом прошел много фронтовых дорог: защитно-Курской дуге, под Кенигсбергом. Оставался в живых и продолжал бить врага

ние украинского города Умани Михаилу присвоено звание Героя Советского Союза. Эта страница в его фронтовой биографии. Вот как

вели бой с фашистами у деревни Чижовка — крупному пункту обороны врага. Из танка командир роты поглядывал в смотровую щель сражения. Чижовка превратилась в пепелище. Несколько избышек с соломенными

этого затяжного боя, как ему дали новое задание — танковую группировку, которой предстояло идти к Умани. Три танка и две самоходные артиллерийские установки, соблюдая светомаскировку, двигались по расчищенной дороге. В неоглядном поле танковые артиллерийские орудия. В неоглядном поле танковые артиллерийские орудия.

по «хвостам» самолетов, — командовал

аэродрома в испуге разбежалась. Три вражеские машины с ходу. Не останавливаясь, танки

дошла к южной окраине Умани. Утопая в грязи, по которому могли пройти танки и двора ударная группировка вышла на несколько метрах от Софийского парка.

Не ожидая столь дерзкого маневра противника, да еще в крошечной темноте, немцы, очевидно, приняли наши танки за свои и не подняли тревогу. И Саначев поспешными действиями не стал возбуждать их подозрение — дал возможность городу хорошенько заснуть.

Лишь на рассвете, в самый глухой час, командир подал условный сигнал, и пять орудий открыли ураганный огонь. Застучали автоматные очереди. Все вокруг померкло. Земля ходила ходуном, как будто «тридцатьчетверки» стояли в эпицентре девятибалльного землетрясения.

Из глубины улиц к площади стали подтягиваться немецкие самоходки и «пантеры». Завязался тяжелый, изматывающий бой.

— А! Была не была! — услышали члены экипажа в наушниках шлемофонов голос командира.

В танке стало чуть светлее. Открыв люк башни, Саначев установил запасной пулемет...

К девяти часам утра командир танковой роты Саначев лично подбил шесть вражеских машин. Немцы то и дело поднимались в атаку, пытались подобраться к нашим «тридцатьчетверкам». Бой не прерывался ни на минуту.

Неожиданно к танку Саначева сбоку подползла «пантера». Заметив вражеского «зверя», командир развернул башню и стал хладнокровно наводить орудие на черно-белый крест. Два орудийных выстрела прогремели одновременно, и оба танка вспыхнули как свечи.

Экипаж машины Саначева быстро вылез наружу. Немецкая пехота стала окружать танкистов. Скатившись по броне на землю, Михаил стал гасить промасленный комбинезон. Кое-как сбив пламя, оглянулся на свой танк. Огненные языки захлестывали безжизненную машину.

Михаил метнулся в ближайший дом. Несколько немецких солдат забежали следом. В доме прозвучали автоматные очереди, и через несколько секунд из окон вырвалось пламя.

...Саначев очнулся в полной темноте. Было душно и пахло плесенью. Откуда-то сверху сыпались струйки земли, тянуло густым запахом дыма. Почти сутки Михаил продельвал себе проход перочинным ножиком. Силы были уже на исходе, когда он выбрался из подвала полуразрушенного дома. Танкист оглядел себя. Ну и вид! Комбинезона нет и в помине, одни лохмотья. Гимнастерка разорвана.

Навстречу ему шел старик.

— Кто в городе? — спросил Саначев.

— Наши, русские!

От полноты чувств Михаил расцеловал старика.

Велика была и радость танкистов, когда «несгораемый» командир вернулся в родную бригаду. Вскоре он снова вел свою роту в бой.

...Танковому батальону под командованием Героя Советского Союза Михаила Саначева было приказано с ходу овладеть немецким населенным пунктом Вустермиу и до подхода главных сил удерживать перекресток важных шоссе дорог.

Экипаж танка, в котором находился командир батальона, был обстрелянным. Пополнение танкистов пришло перед маршем.

— Вперед! — отдал команду Саначев.

Молоденький сержант, вцепившись в рычаги управления, разогнал «тридцатьчетверку». Пятьсот лошадиных сил, подкованных уральскими мастерами, потянули стальную громадину.

Ночью танкисты ворвались в село, сломав вражескую оборону. Воздух гудел от истошных воплей фрицев:

— Рус панцир! Рус панцир!

Фашисты в панике устремились на запад, к перекрестку дорог. Но и там их уже встречали наши танкисты. В короткой, но ожесточенной схватке были уничтожены пять «тигров», семь бронемашин, захвачено несколько автомашин с военным имуществом.

В мирное время Михаил Данилович служил военкомом в подмосковном городе Балашихе. Связи с земляками не терял, вел с ними переписку. Сейчас в Верецагинском районном краеведческом музее хранятся письма героя на свою малую родину, его личные воспоминания о боевом пути. К сожалению, самого М. Д. Саначева в живых уже нет...

«Спасибо, спасли!»⁸

**Кирилл
Григорьевич
Корепанов**

В — В 1942 году подошел у меня призывной возраст. В военкомате недолго думали, куда послать: конечно же, в танковые войска, ведь танк — «родной брат» трактора, — рассказывал мне Кирилл Григорьевич Корепанов при встрече.

У Кирилла Григорьевича немало боевых наград, но эти стоят на особицу: ордена Славы всех трех степеней.

Первый из этих орденов он получил за взятие города Нарвы и Нарвских высот. К тому времени силу танкового полка, в котором воевал Корепанов, немцы хорошо почувствовали по обороне Ленинграда, по боям за освобождение Ленинградской области. И тут танкисты показали свой маневр: с десантом на броне овладели высотами, оторвавшись от передовых подразделений.

— Правда, — улыбается Кирилл Григорьевич, — автоматчики вверх доты ковыряют, а наши коробочки внизу — крен сильный. Ну ночью и заходили вокруг фрицы. Близко не подходят, а гранатки подбрасывают. Хорошо хоть пехотные, вреда нет, да все одно неприятно. К утру, с рассветом, исчезли. А тут и наша пехота подоспела. Конечно, без курьеза не обошлось. Мы вперед выскочили, ну и наши же нас за фрицев приняли. Даже пару раз из пушки стукнули, пока разобрались...

И пошли дальше танки до Балтийского моря. Много боев было, а особенно запомнились на острове Сааремаа. Практически весь он был освобожден, но за один порт и небольшой участок суши, окружающий его, немцы дрались отчаянно. Вот и бросили танкистов на прорыв.

Утро, туман, море. А с моря снаряды. Корабли немецкие ухитрились пристреляться, плотность огня была высокая, начался ад кромешный. Машине младшего лейтенанта Попкова снаряд попал прямо под погон башни. После такого, естественно, горит танк. Заряжающего убило. Корепанов успел выскочить с товарищем. Смотрят: а командира нет. Кинулись туда, сюда, смотрят — землянка. Забежали, а «младший» лежит там и стонет: с ногой, мол, что-то. Глянули: а она чуть не на одной коже висит. «До сих пор удивляюсь, как он до землянки добрался», — вспоминает сейчас Кирилл Григорьевич.

⁸ Очерк перепечатан из сборника воспоминаний «Подвигу жить века».

Всякое на войне делать приходится каждый сможет:

— Лейтенант, у тебя нога-то...

Посмотрел — и Корепанову:

— Режь...

Так под снарядами в землянке не ревяку. А через год из Москвы от бе бо, спасли!»

В Прибалтике было дело: их эрег, море, пролесочек, хоть отдылонна вышла на берег. И что за дивокресты на фюзеляже.

Увидели летчики русские танки — оторвутся. Да не успели. Рывкнули да узнали танкисты, что важные докумен с острова не улетели.

Порт, откуда немцы делали набегки — не подойдешь! А в воде солдаты идут.

— Мы им, — рассказывает Кирилл вайте, мол, на берег. А они по-своему: обещали приехать. Хохоту было: «При»

Здесь награжден был механик-вод А третья Слава была вручена за После длительных и тяжелых боев во ке Воля-Маровица. Вдруг разведка до тивника».

— Тут, конечно, срочное совеща нов, — что делать? А те уже ракеты ос невадалеке, как будто вызывают. Смот открытое пространство. И пошло! Нап там — неизвестно сколько. Огонь, гро чали, и не произнесешь сейчас. То И мы, и нас. Никто отходить не хоте отползли немцы. Только костры чадят.

В том бою покалечило и танк, ко мандир остались живы. Позже сообщ наравался на танковую дивизию, пытав стей Красной Армии на главном напра

В одном из немецких городов шл была для того времени обычная. Один фашисты цепляются. Пошел однажды тинцам танк Корепанова. Как стемнел ливают, сторониться приходится. Вд с детьми, один рядышком, второй на р

Окликнули ее по-русски, та беж подстрелят! Остановили, предложи Да и понятно: для нее русский солдат никак, а убедили немку, ради детей е рит, паек достали. Пацанята, сразу вид не пришлось. Так и сидели, пока не пос

— Как дела? — спрашивают у ком

— Все нормально, только «невест

...на запад, к перекрестку дорог. Но и
сты. В короткой, но ожесточенной схватке
семь бронемашин, захвачено несколько
ом.
...илович служил военкомом в подмосков-
...емляками не терял, вел с ними перепис-
...онном краеведческом музее хранятся
...ину, его личные воспоминания о боевом
Саначева в живых уже нет...

спасли!»⁸

...меня призывной возраст. В военкомате
...ать: конечно же, в танковые войска, ведь
...ктора,— рассказывал мне Кирилл Григо-
...рече.

...немало боевых наград, но эти стоят на
...сех трех степеней.

...получил за взятие города Нарвы и На-
...мени силу танкового полка, в котором
...почувствовали по обороне Ленингра-
...инградской области. И тут танкисты по-
...на броне овладели высотами, оторвав-
...ий.

...илл Григорьевич,— автоматчики вверху
...и внизу — крен сильный. Ну ночью и за-
...е подходят, а гранатки подбрасывают.
...т, да все одно неприятно. К утру, с рас-
...юта подоспела. Конечно, без курьеза не
...ну и наши же нас за фрицев приняли.
...пока разобрались...

...тийского моря. Много боев было, а осо-
...варемаа. Практически весь он был осво-
...льшой участок суши, окружающий его,
...росили танкистов на прорыв.

...аряды. Корабли немецкие ухитрились при-
...ысокая, начался ад кромешный. Машине
...ряд попал прямо под погон башни. После
...аряжающего убило. Корепанов успел вы-
...омандира нет. Кинулись туда, сюда, смот-
...дший» лежит там и стонет: с ногой, мол,
...дной коже висит. «До сих пор удивляюсь,
...споминает сейчас Кирилл Григорьевич.

...воспоминаний «Подвигу жить века».

Всякое на войне делать приходится. Пришлось и такое, что далеко не
каждый сможет:

— Лейтенант, у тебя нога-то...

Посмотрел — и Корепанову:

— Режь...

Так под снарядами в землянке ножом сделал сержант операцию, пе-
ревязку. А через год из Москвы от бывшего командира письмо: «Спаси-
бо, спасли!»

В Прибалтике было дело: их экипаж самолет сбил. Раннее утро, бе-
рег, море, пролесочек, хоть отдыхай — как в мирное время. Танковая ко-
лонна вышла на берег. И что за диво: гидросамолет метрах в двухстах, и
кресты на фюзеляже.

Увидели летчики русские танки — и газу. Вот-вот поплавки от воды
оторвутся. Да не успели. Рывкнули две пушки, и самолет на дно. Потом
узнали танкисты, что важные документы и высокие чины немецкие чуть
с острова не улетели.

Порт, откуда немцы делали набег к нашим берегам, заняли. Техни-
ки — не подойдешь! А в воде солдаты фашистские стоят. И на берег не
идут.

— Мы им,— рассказывает Кирилл Григорьевич,— рукой машем: да-
вайте, мол, на берег. А они по-своему: «Нихт!» («Нет» — то есть) — за нами
обещали приехать. Хохоту было: «Приехали уже мы на советских танках!»

Здесь награжден был механик-водитель Корепанов второй Славой.

А третья Слава была вручена за бой на Сандомирском плацдарме.
После длительных и тяжелых боев встал полк к ночи на отдых в местеч-
ке Воля-Маровица. Вдруг разведка доносит: «Впереди много танков про-
тивника».

— Тут, конечно, срочное совещание,— рассказывает К. Г. Корепанов,— что делать? А те уже ракеты осветительные повесили и мозолятся
невдалеке, как будто вызывают. Смотрим: одна из машин выскочила на
открытое пространство. И пошло! Напрямую били. У нас двадцать машин,
там — неизвестно сколько. Огонь, грохот! В эфире то, что по-русски кри-
чали, и не произнесешь сейчас. Только момент хватай и бей. И били.
И мы, и нас. Никто отходить не хотел. Но часа через четыре стихло все,
отползли немцы. Только костры чадят. Много наших погибло.

В том бою покалечило и танк, который водил Корепанов. Он да ко-
мандир остались живы. Позже сообщили танкистам, что их неполный полк
нарвался на танковую дивизию, пытавшуюся остановить наступление ча-
стей Красной Армии на главном направлении...

В одном из немецких городов шли последние уличные бои. Картина
была для того времени обычная. Один дом — в наших руках, за соседний
фашисты цепляются. Пошел однажды в такой ситуации на подмогу пехо-
тинцам танк Корепанова. Как стемнело — «спешились». А вокруг постре-
ливают, сторониться приходится. Вдруг глядит Кирилл: женщина идет
с детьми, один рядышком, второй на руках.

Окликнули ее по-русски, та бежать кинулась. А куда бежать, ведь
подстрелят! Остановили, предложили в машину залезть. Та ни в какую.
Да и понятно: для нее русский солдат и такой и сякой, и с рогами. Ну, как-
никак, а убедили немку, ради детей ее же, в танк сесть. А там лампа гор-
рит, паек достали. Пацанята, сразу видно, голодные, их долго убеждать
не пришлось. Так и сидели, пока не поступил приказ в полк возвращаться.

— Как дела? — спрашивают у командира танка.

— Все нормально, только «невесту» привезли.

— Что за «невеста»? — Ну, увидели, заулыбались все. Их сразу на кухню. Фрау совсем к тому времени оттаяла, на прощание ручкой экипажу, подобравшему ее в ночи, помахала. Что ж, и такое бывало.

— А самое, пожалуй, странное из всего, что случилось со мной на войне, так это то, что ни разу я не был ранен, — и сейчас удивляется Корепанов.

Для танкиста, прошедшего такой путь, как он, в это трудно поверить. Были Пулковские высоты, соединение Волховского и Воронежского фронтов, были Прибалтика, Польша и Германия. Спросить сейчас Кирилла Григорьевича, сколько у него командиров танка сменилось, сразу и не ответит, пожалуй. Много их, младших лейтенантов и лейтенантов, полегло на этом пути. Да и самих танков сменил механик-водитель за войну тринадцать, а в четырех горел. Горел, да жив остался. Правда, на острове Сааремаа, когда подбили, промашку дал — кинулся в люк одновременно с напарником. Вот и «заклинило» обоих. Танк полыхает, уже волосы трещать начали. Но выскочили. Лицо, правда, обгорело. («Ну, это скорее из серии «Смешное на войне», — шутит Корепанов, — я даже и лечиться особо не стал. Вазелином помазался и ладно, в танке не на танцах, и с пузырями можно».)

— Когда меня приглашают на встречи, неизменно задают вопрос: «Было ли Вам, полному кавалеру орденов Славы, страшно?»

Знаете, отвечаю, — когда мне вручали медаль, окрылился. Фотографироваться побежал. Потом, когда город Ропшу в Ленинградской области взяли и меня наградили «За боевые заслуги», думал — горы сворочу. Но потом посмотрел, как горят в танках друзья, как уже и хоронить то бывает нечего после взрыва снаряда, и стало страшно. И было страшно всю войну, перед каждым боем. Ну, а в бою уже бояться просто некогда...

Вот так сын Григория Денисовича Корепанова, потомственного крестьянина и литейщика локомотивного депо Егоршино, стал героем. Но на этом не закончилась славная биография семьи. В доме Кирилла Григорьевича стоит макет танка — подарок от брата Юрия, подполковника-танкиста. Это как напоминание о прошлом фронтовика. Когда берет его в руки ветеран, вспоминает и брата, и сына Владимира, который тоже стал офицером-танкистом после училища, где преподает его дядя.

Сын выбрал военную профессию отца. Как она трудна, Кирилл Григорьевич сам испытал. И не раз, не два переживал за судьбу Володи. Как-то раз перестали родители от него письма получать. Что, почему — неизвестно. Но однажды заходит машинист из Егоршинского локомотивного депо (их как раз перед ним на одну из южных железных дорог с локомотивами посылали) и спрашивает Корепанова: «У тебя есть сын Володя?»

Тот так и обмер:

— Что за вопрос такой? Конечно, есть!

— Ну, так тебе привет от него.

А было так...

Офицер, командовавший воинским эшелоном, внезапно остановился у тепловоза. Что за чертовщина: здесь, на юге, локомотив приписки Егоршинского депо!

— Ребята, вы из Артемовского?

— Да!

— А Кирилла Григорьевича Корепанова знаете?

— Еще бы, он у нас в топливном цехе ремонтником...

— Я его сын!

Ехал молодой офицер из Афганистана горным дорогам, и стычки с душманами. 3 капитану Корепанову вручена медаль «За

С этой вестью и зашел к старшему. Отец-танкист по праву гордится сыном-медали. Вот уж правда: «Должен и сын ге

Сейчас почетный железнодорожник на заслуженном отдыхе. Выросли детишки. Кто живет в родном селе Покровское. Пишут, подарки шлют, вот один дорожка а на ней надпись: «Легендарному дедушке и Риты»...

«Открыть» Героя

Григорий
Павлович
Кунавин

Повторение подвига со временем — это подвиг: границы человеческого возможного и мыслимого прежде становятся границей «работы». Но есть абсолютный подвиг — это — граница между жизнью и смертью, ни решался ее перешагнуть во время войны, и это и будет называться подвигом. Сколько солдат Великой Отечественной войны в безвыходной ситуации, подослав

юный уфимский детдомовец Александр Леев двухсот. И всякий раз — будто в первый раз, всегда неповторима и в смерти повторима.

По этой же причине имя Героя Советского Союза Кунавина остается одним из самых почетных имен среди Героев Среднего Урала. Впрочем, это имя в первые послевоенные десятилетия было малоизвестно. И только к 20-летию Победы, возникло желание узнать, как воевал, как решился на последний шаг? Расследованием обстоятельств гибели Кунавина занимался Абрамович Левин.

Юрий Абрамович сам человек — герой войны. В 1938 года служил в Красной Армии, затем в 1941 году перевели на должность корреспондента боевого журнала. Журналистом он прошел всю войну: с 31 июля 1941 года — в составе 3-й армии, потом с другими армиями прошел (несколько раз в госпиталях) от Сталинграда до Берлина. После войны, в 1946 году, в составе 1-й армии участвовал в штурме рейхстага. Потом он еще несколько лет в начале 50-х был направлен в газету «Уральский боец».

у, увидели, заулыбались все. Их сразу на кухне оттаяла, на прощание ручкой экипажу, ахала. Что ж, и такое бывало.

ранное из всего, что случилось со мной на войне, — я не был ранен, — и сейчас удивляется Ко-

его такой путь, как он, в это трудно поверить. Соединение Волховского и Воронежского фронтов. Польша и Германия. Спросить сейчас Кирилла — его командиров танка сменилось, сразу и младших лейтенантов и лейтенантов, по танков сменил механик-водитель за войну. Горел, да жив остался. Правда, на остальном промашку дал — кинулся в люк одновременно «заклинило» обоих. Танк полыхает, уже воскружились. Лицо, правда, обгорело. («Ну, это на войне», — шутит Корепанов, — я даже и лбом помазался и ладно, в танке не на-».)

от на встречи, неизменно задают вопрос: «Почему орден Славы, страшно?»

да мне вручили медаль, открылся. Фотографировали, когда город Ропшу в Ленинградской области. «За боевые заслуги», думал — горы своро- горят в танках друзья, как уже и хоронить снаряды, и стало страшно. И было каждым боем. Ну, а в бою уже бояться про-

е-совича Корепанова, потомственного крепостного депо Егоршино, стал героем. Но на биография семьи. В доме Кирилла Григорьевича подарок от брата Юрия, подполковника о прошлом фронтовика. Когда берет его брата, и сына Владимира, который тоже стал училища, где преподает его дядя.

профессию отца. Как она трудна, Кирилл Григорьевич не два переживал за судьбу Володи. Как не его письма получать. Что, почему — неиз- машинист из Егоршинского локомотивного а одну из южных железных дорог с локомотивом Корепанова: «У тебя есть сын Володя?»

Конечно, есть! его.

воинским эшелоном, внезапно остановил- а: здесь, на юге, локомотив приписки

ского?

а Корепанова знаете?

в-ом цехе ремонтником...

Ехал молодой офицер из Афганистана. Были там и марш-броски по горным дорогам, и стычки с душманами. За мужество, проявленное в боях, капитану Корепанову вручена медаль «За отвагу».

С этой вестью и зашел к старшему Корепанову товарищ по работе. Отец-танкист по праву гордится сыном-танкистом. Он знает цену этой медали. Вот уж правда: «Должен и сын героем стать, если отец герой».

Сейчас почетный железнодорожник Кирилл Григорьевич Корепанов на заслуженном отдыхе. Выросли дети, выросли внуки, растут правнуки. Кто живет в родном селе Покровском, другие по стране разъехались. Пишут, подарки шлют, вот один дорогой для него — гильза снарядная, а на ней надпись: «Легендарному деду Кириллу от любящих внуков Олега и Риты»...

«Открыть» Героя

Григорий
Павлович
Кунавин

Повторение подвига со временем перестает восприниматься как подвиг: границы человеческих возможностей раздвигаются, и немислимое прежде становится достижимым, переходит в разряд «работы». Но есть абсолютный порог человеческих возможностей, это — граница между жизнью и смертью. Сколько бы раз человек ни решался ее перешагнуть во имя высокой цели — столько раз это и будет называться подвигом.

Скольким солдатам Великой Отечественной войны, оказавшимся в бою в безвыходной ситуации, подсказал простой и страшный выход юный уфимский детдомовец Александр Матросов? Называют цифру более двухсот. И всякий раз — будто впервые, потому что жизнь человека всегда неповторима и в смерти повториться тоже нельзя.

По этой же причине имя Героя Советского Союза Григория Павловича Кунавина остается одним из самых почитаемых и самых известных среди Героев Среднего Урала. Впрочем, это сейчас оно широко известно, а в первые послевоенные десятилетия затерялось было среди имен не пришедших с войны фронтовиков. И лишь когда страна готовилась отметить 20-летие Победы, возникло желание узнать о нем поподробнее: каким он был, как воевал, как решился на свой последний неотвратимый шаг? Расследованием обстоятельств жизни и смерти Героя занялся Юрий Абрамович Левин.

Юрий Абрамович сам человек неординарной судьбы. Он с осени 1938 года служил в Красной Армии танкистом, в сороковом году его перевели на должность корреспондента бригадной многотиражки. Военным журналистом он прошел всю войну: с 31-й армией отступал от Ржева, а потом с другими армиями прошел (несколько раз задерживаясь по пути в госпиталях) от Сталинграда до Берлина. Довелось ему быть и участником штурма рейхстага. Потом он еще несколько лет служил в Германии, а в начале 50-х был направлен в газету Уральского военного округа «Красный боец».

но в отставке, а старейший екатеринбург-
ич Левин по-прежнему в строю. Для нашей
ом, как в 60-е годы первым из журналистов
едставляется, что этот рассказ интересен
ьной точностью воссоздана личность и об-
также и живым ощущением того времени,
й памяти ветеранов уходила в легенду.

нцию Синарская я приехал ночью. На вок-
дальнем углу зала на скамейке дремал бо-
сь последовать его примеру. Но спать по-

нно прошелся вдоль здания вокзала.

етесь? — вдруг услышал. Ко мне подошел
ему, что дожидаюсь не поезда, а утра.



Григорий
Павлович
Кунавин

ил мне незнакомец и повел в служебную

анции. Он усадил меня в глубокое мягкое
ел в соседнюю комнату, откуда доносился

или в город? — спросил, возвратившись,

азыскать следы Кунавина. Может, знаете

вловича? Героя Советского Союза?

знал. Он же здесь жил. Отсюда на фронт
на войну провожали...

отказался даже от дивана, который мне
ыха, мне хотелось только слушать челове-

приехал «открывать».
авловича по многим причинам. Во-первых,
всегда на виду. Во-вторых, он вроде нашим

кормильцем был: заведовал железнодорожным ОРСом. Добрый был че-
ловек, отзывчивый. Ну, и справедливый. На собрании, бывало, правду-
матку резал, не кривил душой...

Незаметно подкралось утро. Я все-таки прилег на диван, но вскоро-
сти поднялся.

Дежурный, освободившись от дел, повел меня в дом, где жил Кунавин.

— Познакомлю вас с женой Григория Павловича, — сказал и постучал
в окно деревянного домика.

Дверь распахнулась, и мы вошли в длинную комнату.

— К тебе гость, Катя, принимай, — сказал сопровождавший меня то-
варищ и удалился.

Я сообщил Екатерине Андреевне о цели своего визита и попросил ее
не только рассказать о своем муже, но и показать все, что связано с его
делами, с его именем: документы, фотокарточки, письма...

Екатерина Андреевна достала из платяного шкафа небольшой дере-
вянный сундучок, поставила его на стол и молвила:

— Тут все Гришино богатство...

И впрямь богатство. Беру первую попавшую в руки бумагу, читаю:
«Кунавин Григорий Павлович награждается почетным званием ударника
пятилетки, строителя социализма, активно проявившего себя в социали-
стическом соревновании по повышению производительности труда». Под
грамотой стоит дата: «1932 год».

Екатерина Андреевна подает мне еще один документ. Читаю и убеж-
даюсь, что у меня в руках подлинник — постановление граждан польской
деревни Герасимовиче. Постановление на русском и польском языках.

Переписываю слово в слово в свой корреспондентский блокнот:

*«Мы, жители польской деревни Герасимовиче, узнали имя героя, который
сердцем своим прикрыл пулемет врага, чтобы быстрее пришла свобода в наш
дом, чтобы вырвать нас из лап немецкого зверя.»*

*Григорий Павлович Кунавин пришел к нам, на нашу землю, с далекого Ура-
ла воином-освободителем.*

*Его сердце пробили пули врага. Но он проложил таким же, как он сам,
отважным бойцам Красной Армии дорогу к победе. Он сражался за наше сча-
стье, за то, чтобы враг никогда не ступил на порог нашего дома.*

*Мы поднимаем имя русского солдата Григория Кунавина как знамя вели-
кого братства русского и польского народов. Мы собрались в селе, где еще
дымятся развалины наших домов, где вместо жилищ — страшные пепелища.
Это следы разбойничьих дел гитлеровцев. Но сквозь дым пожарищ и слезы
наши глаза видят завтрашний день, залитый ярким солнцем завоеванной в бит-
вах свободы.*

*Имя русского воина Григория Кунавина будет для нас всегда озарено
светом этого солнца, как имя человека, отдавшего жизнь, чтобы навсегда
разогнать тучи.*

*В знак благодарности русскому брату-освободителю общее собрание
жителей деревни Герасимовиче постановляет:*

*1. Занести имя русского воина Григория Павловича Кунавина навечно в спи-
сок почетных граждан польской деревни Герасимовиче.*

*2. Высечь имя его на мраморной плите, которую установит в самом цен-
тре деревни.*

*3. Просить о присвоении школе, где учатся наши дети, имени Григория
Кунавина.*

*4. Учителям каждый год начинать первый урок в первом классе с рассказа
о воине-герое и его соратниках, чьей кровью для польских детей добыто право*

на счастье и свободу. Пусть прослушают дети рассказ стоя. Пусть их сердца наполняются гордостью за русского брата-славянина. Пусть их понимание жизни начинается с мысли о братстве польского и русского народов».

Трогательный и бесценный документ!

— Я собралась отнести это постановление в нашу редакцию,— сказала мне Екатерина Андреевна,— но вот так и не собралась..

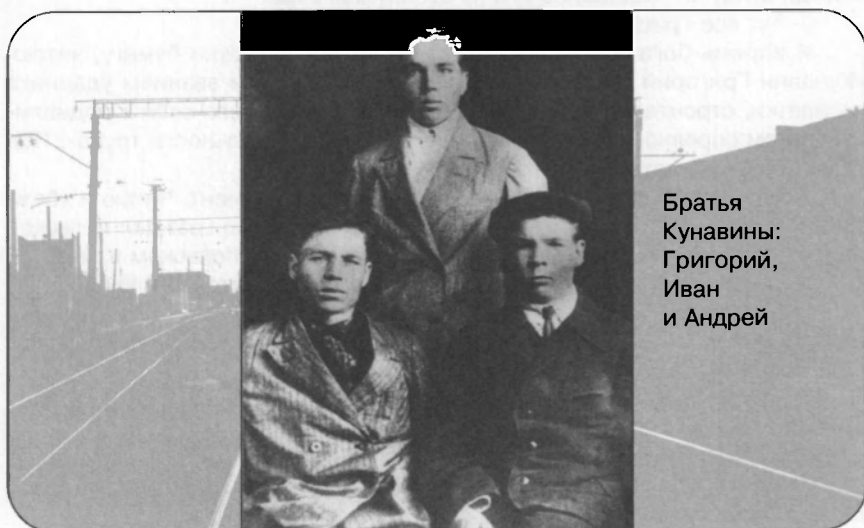
А я подумал: нет, это здорово, что сюда приехал. Здорово, что я первым из всей пишущей братии вошел в кунавинский дом.

— Посмотрите вот это,— подала мне новый документ Екатерина Андреевна.

Я беру в руки письмо председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника:

«Уважаемая Екатерина Андреевна!

По сообщениям Военного командования, Ваш муж ефрейтор Кунавин Григорий Павлович в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.



Братья
Кунавины:
Григорий,
Иван
и Андрей

За героический подвиг, совершенный Вашим мужем Григорием Павловичем Кунавиным в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР указом от 24 марта 1945 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения как память о муже-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

— Вы знаете, Гриша имел броню, — сказала Екатерина Андреевна.

— И как же он оказался на фронте?

...Была осень 1941 года. Враг рвался к Москве. Мимо станции Синарская шли эшелоны. Одни двигались на запад, к фронту, другие — на восток. Однажды у станции остановился санитарный поезд. Григорий Кунавин в длинном брезентовом плаще, защищавшем от дождя, стоял на перроне.

— Товарищ, какая это станция? — донеслось из окна вагона.

— Синарская, — ответил Кунавин и ближе подошел к вагону.

Тот, который спрашивал, лежал с перевязанной головой.

— Какая у вас тут тишина, — шепотом произнес раненый.

Фронтвики железнодорожной

Поезд тронулся. Кунавин не уходившим вагонам. Перед взором стояло слышалось: «Какая у вас тут тишина»

В тот день Григорий пришел до
у санитарного вагона, то ли еще что
что его место на войне.

— Ухожу на фронт, Катюша. — со

— Не отпустят тебя, Гриша. — а
дей раз-два и обчелся.

— Отпустят. Посмотри на мои д

Ну, сама посуди, Катя. Где сейчас са
смотрел пристально жене в глаза. —
чтоб здоровый мужик в глубоком т
Катя?

Как ей не понимать. Она хорошо знает, что от задуманного он не отступится. Как

— Понимаю. Гриша, все понимаю.

...Эшелон уходил на фронт. На с
земляков пришло много жителей Кан

— Клянемся вам, дорогие наши, — их в боях с врагом. Ждите от нас доб- немся с победой.

Эти слова принадлежали коммунисту, бывшему на фронт...

Я попросил Екатерину Андреев-
рия Павловича, о его юности.

— А вы в Богдановиче были?

— Нет, не был. А что?

— Там его родители живут. О-, -
ши. Вот адрес: улица Кунавина, дом 1

И я поехал в город Богданов.

Павел Васильевич и Аксинья Степановна с большой сердечностью рассказали

Настала осень 1914 года. - «Всё утопало в грязи. По немощеной селёнке даже пройти. Люди сидели в избах и прояснится...» Но тучи набегали одна за другой. Кунавиных.

— Плохи наши дела, мать,— сон
кончается, а заработков нет

Который месяц вот так без деда.

— Гриша-то наш в ученье тянется, а ты не в чем бегать.

— Вижу, мать, все вижу, а помо-

— Гриша по ночам у лампы сидит.

— Ни к чему голодающему, да е...

Шли дни, один мрачнее другого. В далеком уральском селѣ Байшата

Зарыдадо село. В каждом доме с

слушают дети рассказ стоя. Пусть их сердце русского брата-славянина. Пусть их понимание братстве польского и русского народов».

й документ!

то постановление в нашу редакцию, — скажи, — но вот так и не собралась..

ово, что сюда приехал. Здорово, что я перешел в кунавинский дом.

подала мне новый документ Екатерина Ан-

дседателя Президиума Верховного Совета

дреевна!

командования, Ваш муж ефрейтор Кунавин
етскую Родину погиб смертью храбрых.



Братья
Кунавины:
Григорий,
Иван
и Андрей

енный Вашим мужем Григорием Павловичем
захватчиками, Президиум Верховного Сове-
1945 года присвоил ему высшую степень отли-
Союза.

зидиума Верховного Совета СССР о присвое-
Советского Союза для хранения как память
когда не забудется нашим народом».

броню, — сказала Екатерина Андреевна.
фронте?

Враг рвался к Москве. Мимо станции Си-
вигались на запад, к фронту, другие — на
становился санитарный поезд. Григорий Ку-
плаще, защищавшем от дождя, стоял на

ция? — донеслось из окна вагона.

кунавин и ближе подошел к вагону.

лежал с перевязанной головой.

— шепотом произнес раненый.

Поезд тронулся. Кунавин не уходил, он еще долго смотрел вслед уходящим вагонам. Перед взором стоял этот израненный солдат, а в ушах слышалось: «Какая у вас тут тишина...»

В тот день Григорий пришел домой поздно вечером. То ли разговор у санитарного вагона, то ли еще что подействовало на него, но он решил, что его место на войне.

— Ухожу на фронт, Катюша, — сообщил он жене. — Пора.

— Не отпускай тебя, Гриша. На станции работы прибавилось, а людей раз-два и обчелся.

— Отпускай. Посмотри на мои руки, ими только фашистов калечить. Ну, сама посуди, Катя. Где сейчас самый передний край? — Григорий посмотрел пристально жене в глаза. — Там, где кровь льется. Негоже так, чтоб здоровый мужик в глубоком тылу отсиживался. Негоже. Понимаешь, Катя?

Как ей не понимать. Она хорошо знала своего Гришу. Знала и то, что от задуманного он не отступится. Катя тихо, почти шепотом, произнесла:

— Понимаю, Гриша, все понимаю.

...Эшелон уходил на фронт. На станцию Синарская проводить своих земляков пришло много жителей Каменска-Уральского.

— Клянемся вам, дорогие наши товарищи, что не пожалеем сил своих в боях с врагом. Ждите от нас добрых вестей. Настанет час, и мы вернемся с победой.

Эти слова принадлежали коммунисту-красноармейцу Кунавину, уезжавшему на фронт...

Я попросил Екатерину Андреевну рассказать о детских годах Григория Павловича, о его юности.

— А вы в Богдановиче были?

— Нет, не был. А что?

— Там его родители живут. Они-то лучше меня знают о детстве Гриши. Вот адрес: улица Кунавина, дом 12.

И я поехал в город Богданович.

Павел Васильевич и Аксиныя Степановна — отец и мать Григория — с большой сердечностью рассказали о своем сыне...

Настала осень 1914 года. Непрестанно шли дожди. Село Байны утопало в грязи. По немощеной сельской улице трудно было проехать и даже пройти. Люди сидели в избах и понуро смотрели в окна. «Авось прояснится...» Но тучи набегали одна за другой. Невесело было и в доме Кунавиных.

— Плохи наши дела, мать, — сокрушался Павел Васильевич. — Хлеб кончается, а заработков нет.

Который месяц вот так без дела маялся плотник Павел Кунавин.

— Гриша-то наш в ученье тянется, а босой, — говорила мать. — В школу не в чем бегать.

— Вижу, мать, все вижу, а помочь горю не могу. Вот и пусть Гриша дома сидит. Не доберется бедному человеку до науки.

— Гриша по ночам у лампы сидит, грамоту постигает.

— Ни к чему голодающему, да еще и босому грамота. Хлеб добывать надо, Аксиныя, — толковал Павел Васильевич.

Шли дни, один мрачнее другого. Уже близился к концу 1914 год, как в далекое уральское село Байны примчал жандарм-всадник и во всеулышание объявил государев указ о мобилизации на войну.

Зарыдало село. В каждом доме слезы, причитания: на фронт уходили кормильцы. Покидал свою семью и Павел Васильевич Кунавин.

— Ученье забудь, сынок, — на прощание произнес отец. — Хозяином в доме будешь...

С того дня одиннадцатилетний подросток взял в руки отцовский топор и подался на поиски работы... С тех мальчишеских лет труд стал его первостепенным делом. Рос в неустанных хлопотах: пахал, сеял, косил, мастерил по хозяйству — словом, становился заправским землепашцем. А в свободное время, коль оно выпадало, брал в руки книжки и углублялся в азы грамоты. Крепким парнем был призван в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и, как подобает человеку с трудовой закалкой, исправно отслужив, возвратился в родные Байны. Но вскоре услышал призыв: «Приглашаем на строительство железной дороги Свердловск–Синарская!»

В красноармейской шинели и в буденовке, с вещевым мешком за плечами явился Григорий Кунавин на пустынный Кодинский разъезд. Именно с того часа начался его труд на транспорте...

Два моих маршрута — на Синарскую и в Богданович — раскрыли мне дофронтового Кунавина. Я убедился, что кунавинский подвиг был рожден на уральской земле. Там, в Польше, он лишь продолжился.

Ну, а как все-таки совершил свой подвиг солдат Урала? Каким воином был Кунавин на войне?

На эти вопросы никто мне не мог ответить — ни отец и мать, ни жена Григория. Но все же зацепку удалось найти. В сундучке Екатерины Андреевны оказалось письмо, которое получила она в августе 1944 года. Его автор — фронтовой товарищ Григория — Александр Горбунов писал:

«Мне очень тяжело сообщить это печальное известие. В боях за Родину погиб смертью храбрых наш любимый товарищ, Ваш муж Григорий Павлович Кунавин. Тяжелое горе постигло нас. Но то, что сделал Григорий, никогда не забудется нами. Мы будем мстить фашистам так, как мстил им товарищ Кунавин».

— Горбунов жив? — спросил я.

— Жив, — ответила Екатерина Андреевна и, порывшись в бумагах, нашла его адрес. — Он пишет мне. Живет в Москве.

Горбунову я отправил письмо с просьбой рассказать подробнейшим образом о Кунавине, о бое у польской деревни.

Фронтовик откликнулся. Он прислал мне листовку, посвященную подвигу своего друга Кунавина. Затем мы стали регулярно переписываться, а однажды встретились в Москве. Кроме того, работники Центрального музея Вооруженных Сил помогли мне разыскать архивы военных лет 1021-го стрелкового полка 307-й Новозыбковской стрелковой дивизии, в котором служил Кунавин. Все это помогло мне воссоздать бессмертный образ славного сына Урала. Времени на поиски ушло немало. Завязалась переписка со школой в польской деревне Герасимовиче. Одним словом, по крупицам, по деталям было собрано немало интересного о жизни воина-героя.

Впервые Кунавин схлестнулся с врагом где-то у Можайска. Наше стрелковое отделение ворвалось в траншею врага. Завязался рукопашный бой. Три гитлеровца бросились на Кунавина. Но он не спасовал, штыком пронзил одного из фашистов. Тот замертво свалился наземь.

Вдруг Григорий почувствовал острую боль в ноге. Это один из троих гитлеровцев очередью из автомата ранил его. Но Кунавин не сдался. Он мгновенно развернулся и ударил врага прикладом. Фашист свалился. Подоспели на помощь товарищи Кунавина. Они прикончили и третьего немца.

Григорий попал в госпиталь. Писал письма, старался не огорчить Катюшу с войны, и мне есть надобность не...

5.I.42. Дорогая Катюша!

Нахожусь в госпитале. Малость вывалился в битве под Москвой. Ох, и давай же мои дела идут на поправку. Скажи, хочется скорее на фронт. Представляешь? Будь здорова, дорогая! Целую, твой Григорий».

28.I.42. Милая Катюша!

Кончилась моя госпитальная жизнь. Иду в пути. Еду на фронт. Соскучился по тебе. Пишем прямо с переднего края. Целую. Твой Григорий».

26.VI.44. Дорогая моя Катенька!

Ты не поверишь, какое варварство творится на земле. Вчера мы освободили деревню Ревня. Ни кола, ни двора. Всю дотла сожгли... Нет, мы оккупантам этого не прощали».

11. VII. 44. Милая и любимая Катюша!

Движемся на запад. Нас не держат. Прошли Могилев, Минск. Уже совсем радостно сознавать, что пришел к тебе. Катюша! Извини за краткие письма. Целую. Твой Григорий».

Больше писем жене Григорий Кунавин написал 11 июля, было последним.

А 25 июля рота, в которой служил Григорий, получила приказ: овладеть опорным пунктом. Сутки готовились к наступлению основательно. Разведчики и определили пути продвижения, и определили задачу.

Настало 26 июля. Рассвет. Рота была в готовности к атаке. Командир роты, лейтенант, произнес приказ: «За Родину, вперед!» Рота, оставив в тылу пулемет, двинулась вперед. Высота, которая прикрывала подступы к деревне, была взята. Выход был один — подавить огневую точку. Командир взвода окинул взглядом роту.

— Я готов! — первым произнес командир роты. (Да-да, он был парторгом роты, но не командиром). Рота была готова. Принимают, а то и полностью отрицают. Свидетельствую, что в этой обстановке. Свидетельствую, что роты, батальонов, полков были самыми первыми на фронте, они первыми шли в атаку и первыми их товарищей на победные бои. Такой герой — парторг роты ефрейтор Григорий Кунавин».

— на прощание произнес отец. — Хозяином
етний подросток взял в руки отцовский то-
ты... С тех мальчишеских лет труд стал его
в неустанных хлопотах: пахал, сеял, косил,
зом, становился заправским землепашцем.
но выпадало, брал в руки книжки и углуб-
м парнем был призван в Рабоче-Крестьян-
подобаает человеку с трудовой закалкой,
лся в родные Байны. Но вскоре услышал
ительство железной дороги Свердловск—

ели и в буденовке, с вещевым мешком за
навин на пустынный Кординский разъезд.
о труд на транспорте...

Синарскую и в Богданович — раскрыли мне
едился, что кунавинский подвиг был рожден
льше, он лишь продолжился.

ил свой подвиг солдат Урала? Каким вои-

не мог ответить — ни отец и мать, ни жена
удалось найти. В сундучке Екатерины Анд-
оторое получила она в августе 1944 года.
ищ Григория — Александр Горбунов писал:
ть это печальное известие. В боях за Родину
бимый товарищ, Ваш муж Григорий Павлович
ю нас. Но то, что сделал Григорий, никогда
истить фашистам так, как мстил им това-

сил я.

ина Андреевна и, порывшись в бумагах, на-
е. Живет в Москве.

ьмо с просьбой рассказать подробнейшим
польской деревни.

Он прислал мне листовку, посвященную
на. Затем мы стали регулярно переписы-
сь в Москве. Кроме того, работники Цент-
Сил помогли мне разыскать архивы воен-
полка 307-й Новозыбковской стрелковой
Кунавин. Все это помогло мне воссоздать
сына Урала. Времени на поиски ушло не-
со школой в польской деревне Герасимо-
цам, по деталям было собрано немало ин-

нулся с врагом где-то у Можайска. Наше
сь в траншею врага. Завязался рукопашный
ь на Кунавина. Но он не спасовал, штыком
Тот замертво свалился наземь.

овал острую боль в ноге. Это один из тро-
автомата ранил его. Но Кунавин не сдался.
ударил врага прикладом. Фашист свалил-
арищи Кунавина. Они прикончили и третье-

Григорий попал в госпиталь. И оттуда домой писал жене бодрые письма, старался не огорчить Катюшу. Кстати, я перечитал все письма его с войны, и мне есть надобность некоторые привести здесь. Вот они.

5.I.42. Дорогая Катюша!

*Нахожусь в госпитале. Малость поцарапало меня. Но я рад, что участво-
вал в битве под Москвой. Ох, и дали же мы там фрицам по зубам.*

*Мои дела идут на поправку. Скоро рана заживет, и тогда снова вперед.
Хочется скорее на фронт. Представь себе, я еще очень мало сделал...*

Будь здорова, дорогая! Целую, обнимаю.

28.I.42. Милая Катюша!

*Кончилась моя госпитальная маета. Снова взял курс на запад. Нахожусь
в пути. Еду на фронт. Соскучился по горячему делу. Теперь жди, Катюша,
писем прямо с переднего края. Целую.*

26.VI.44. Дорогая моя Катенька!

*Ты не поверишь, какое варварство творят гитлеровцы на белорусской
земле. Вчера мы освободили деревню Клетное. Одно лишь название что де-
ревня. Ни кола, ни двора. Всю дотла сожгли фашисты. А жителей пере-
стреляли...*

Нет, мы оккупантам этого не простим!

11. VII. 44. Милая и любимая Катенька!

Движемся на запад. Нас не держат никакие препятствия.

Прошли Могилев, Минск. Уже вступили на польскую землю.

Радостно сознавать, что пришел в чужую страну как освободитель.

Катюша! Извини за краткие письма. Некогда длинно писать.

Целую.

Больше писем жене Григорий Кунавин не прислал. То, которое дати-
ровано 11 июля, было последним.

А 25 июля рота, в которой служил ефрейтор Кунавин, получила бое-
вой приказ: овладеть опорным пунктом врага — деревней Герасимовиче.
Сутки готовились к наступлению основательно. Привели в порядок оружие,
разведали и определили пути продвижения к опорному пункту. Каждому
взводу определили задачу.

Настало 26 июля. Рассвет. Рота готова к атаке. После мощной артил-
лерийской обработки вражеских позиций раздался голос ротного коман-
дира: «За Родину, вперед!» Рота, оставив траншеи, пошла на врага. Про-
йдена первая сотня метров, уже остался позади мелкий кустарник... Но с
высоты, которая прикрывала подступы к деревне, застрочил вражеский
пулемет. Продвигаться вперед стало смертельно опасно. И рота залегла.
Выход был один — подавить огневую точку врага. Кто выполнит эту зада-
чу? Командир взвода окинул взглядом рядом лежащих бойцов.

— Я готов! — первым произнес парторг роты ефрейтор Кунавин.

(Да-да, он был парторгом роты. Некоторые нынешние писатели-врали
принижают, а то и полностью отрицают важную роль коммунистов в бое-
вой обстановке. Свидетельствую, господа очернители, что коммунисты
рот, батальонов, полков были самыми мужественными солдатами на
фронте, они первыми шли в атаку и личным примером вдохновляли сво-
их товарищей на победные бои. Таким бесстрашным воином был и мой
герой — парторг роты ефрейтор Григорий Кунавин.)

Взвонный, услышав «Я готов!», пожал руку Кунавина и сказал: «Действуй».

Сколько раз ему, еще совсем молодому лейтенанту, приходилось опираться на опыт и волю своего парторга. Командир так и говорил: «Мне с тобой, Григорий Павлович, легче ротой командовать». И верно, парторг во всем подпирал командира. Как-никак на тринадцать лет старше своего лейтенанта был ефрейтор Кунавин. Командир знал: у парторга слово — золото, посоветует — в точку угодит, пообещает — выполнит. Вот и теперь лейтенант был вполне уверен, что Кунавин с опасной задачей справится...

Кунавин оторвался с места, с которого рота залегла, и пополз вперед. Достиг высокой ржи, приподнялся и по ней значительно приблизился к высоте, затем метров тридцать снова полз по травяному полю. Отсюда, из-за бугорка, Кунавин открыл огонь по огневой точке. Фашистский пулемет продолжал действовать. Тогда Кунавин еще ближе подполз к нему. Теперь можно ударить гранатой. Чуть-чуть приподнялся и метнул ее. Взрыв гулко разнесся окрест. Затем все стихло. Ефрейтор посмотрел назад: отчего же рота не поднимается, почему по-прежнему лежит? Пулемет врага ведь молчит.

И вдруг фашист снова застрочил. Уцелел! Кунавин послал еще гранату — кажется, последнюю. И снова все повторилось: взрыв, тишина... А пулемет продолжал жить.

Как же быть теперь? Рота лежит, товарищи головы поднять не могут.

А время бешено мчится. Можно лишь догадываться, какие мысли будоражили Григория в те минуты. Что припомнилось ему? Может, тот перекрашенный солдат, который на станции Синарской удивился: «Какая у вас тут тишина...» Где-то он теперь? Возможно, снял бинты и воюет...

Или, может быть, Кунавин увидел свой дом, провода на фронт? Катюша плакала, а он утешал: «Не надо, вот увидишь — скоро вернусь, тогда и поплачешь...» Эх, одним бы глазком сейчас взглянуть на Катюшу...

Ну что ж, лежать дальше бесполезно, как-то надо кончать с фашистским пулеметом. Рота ждет. Долг велит: вперед — на врага. У него, Кунавина, в данную минуту нет такого оружия, которым можно было бы заставить пулемет замолчать. Осталось поступить так, как это уже делали многие... И Кунавин решил ценой своей собственной жизни обеспечить успех роте.

Воин поднялся во весь рост и всем телом навалился на амбразуру вражеского дзота. Пулемет захлебнулся.

Перестало биться сердце героя.

— Вперед, товарищи! Отомстим за смерть нашего друга! — пронеслось над ротной позицией.

Наступающие поднялись в атаку. Она была стремительной, горячей. Подвиг Кунавина звал роту на решительный штурм обороны врага. Теперь ничто не могло остановить стрелков, и они бежали по ржаному полю с такой быстротой, будто не ноги несли их, а крылья. Немцы не сдержали натиска — покатались. Польская деревня избавилась от оккупантов.

Товарищи Кунавина сочинили рукописную листовку, которая пошла по рукам:

«Его имя было известно в узком кругу друзей. Его знала только сплоченная им семья одной роты. Мы любили его за отвагу и мужество, за чуткость к товарищам, за ум и скромность. Теперь он — олицетворение воинской доблести, бессмертной отваги».

У места гибели ефрейтора Григория Кунавина состоялся митинг. Здесь собрались его боевые друзья. Сюда же пришли и жители деревни

Герасимовиче. Когда после речей во
поднялся низкорослый, с большой

— Давайте, панове, похороните
А, панове? Прошу вас.

Так и порешили. Ефрейтора Ку
ли в крохотном садике крестьянина

Пройдет много лет, и в Геоас
дрей Павлович, тоже ветеран Вел.

ный тремя медалями «За отвагу» — и
славчиком, услышит из уст полка

— Иногда меня спрашивают: кто
земле советского солдата? Я отве

е. Это оно мне сказала: этот совет
бы жили твои дети и внуки, твои соса

ветского солдата в свои семью. отве
дет навеки моим братом.

...В Каменске-Уральском воздв
Кунавину. Стоит солдат на высоком пос

рост. Отсюда он ушел на войну, а ве
и металла.



ов!», пожал руку Кунавина и сказал: «Дей-
сем молодому лейтенанту, приходилось
его парторга. Командир так и говорил:
вич, легче ротой командовать». И верно,
ндира. Как-никак на тринадцать лет стар-
ейтор Кунавин. Командир знал: у парторга
в точку угодит, пообещает — выполнит.
олне уверен, что Кунавин с опасной за-

с которого рота залегла, и пополз впе-
поднялся и по ней значительно прибли-
тридцать снова полз по травяному полю.
открыл огонь по огневой точке. Фашист-
твовать. Тогда Кунавин еще ближе под-
дарить гранатой. Чуть-чуть приподнялся
еся окрест. Затем все стихло. Ефрей-
е рота не поднимается, почему по-пре-
едь молчит.

рочил. Уцелел! Кунавин послал еще гра-
снова все повторилось: взрыв, тишина...

ежит, товарищи головы поднять не могут.
жно лишь догадываться, какие мысли бу-
и. Что припомнилось ему? Может, тот пе-
и на станции Синарской удивился: «Какая
перь? Возможно, снял бинты и воюет...

увидел свой дом, провода на фронт? Ка-
надо, вот увидишь — скоро вернусь, тог-
глазком сейчас взглянуть на Катюшу...

исползено, как-то надо кончать с фашист-
велит: вперед — на врага. У него, Кунави-
ружия, которым можно было бы заставить
ступить так, как это уже делали многие...

бственной жизни обеспечить успех роте.
т и всем телом навалился на амбразуру
ебнулся.

ероя.
стим за смерть нашего друга! — пронес-

атаку. Она была стремительной, горячей.
жесткий штурм обороны врага. Теперь
ков, и они бежали по ржаному полю с та-
если их, а крылья. Немцы не сдержали на-
деревня избавилась от оккупантов.

и рукописную листовку, которая пошла по

сам кругу друзей. Ею знала только сплочен-
или его за отвагу и мужество, за чуткость
и. Теперь он — олицетворение воинской доб-

а Григория Кунавина состоялся митинг.
узы. Сюда же пришли и жители деревни

Герасимовиче. Когда после речей военных наступила тишина, на пенек
поднялся низкорослый, с большой копной седых волос, поляк.

— Давайте, панове, похороним героя-солдата Кунавина в моем саду.
А, панове? Прошу вас.

Так и порешили. Ефрейтора Кунавина Григория Павловича похорони-
ли в крохотном садике крестьянина Станислава Станиславчика.

Пройдет много лет, и в Герасимовиче приедет брат Григория — Ан-
дрей Павлович, тоже ветеран Великой Отечественной войны, награжден-
ный тремя медалями «За отвагу» — и, встретившись со Станиславом Ста-
ниславчиком, услышит из уст поляка такие слова:

— Иногда меня спрашивают: кто мне подсказал похоронить на своей
земле советского солдата? Я отвечаю одним словом: сердце. Да, серд-
це. Это оно мне сказало: этот советский солдат погиб, чтобы жил ты, что-
бы жили твои дети и внуки, твои соседи. Разве не так? Вот и принял я со-
ветского солдата в свои семью, отвел ему участок земли, и пусть он бу-
дет навеки моим братом.

...В Каменске-Уральском воздвигнут памятник Григорию Павловичу
Кунавину. Стоит солдат на высоком постаменте во весь свой богатырский
рост. Отсюда он ушел на войну, а вернулся сюда изваянным из камня
и металла.



св

ва

св

ел

л

4

1 8

**Война —
она и в тылу
война**

2 0

В
а
В
и

4

1 8 7 8

Война —

она и в тылу

война

2 0 0 3

Трудно даже вообразить себе в виде цельной картины этот гигантский муравейник, это раскинувшееся на тысячи верст и бессонно работающее предприятие — железную дорогу. Целые армии людей, каждый на своем месте, одновременно выполняют бессчетное количество разных работ: сосредоточенные машинисты ведут поезд, внимательные диспетчеры следят за их продвижением, мастера в локомотивных и вагонных депо готовят к новым поездкам подвижной состав, деловитые осмотрщики обстукивают своими молоточками на крупных станциях каждое колесо, бдительные обходчики вышагивают километры вдоль стальной колеи... И все эти капли и ручейки труда отдельных работников сливаются в конечном итоге в один гигантский поток, название которому — грузооборот.

Объем грузооборота, позволим себе так выразиться, навязывается железной дороге потребностями народного хозяйства, а те, в свою очередь, зависят от того, как и чем живет страна. Дороге, чтобы выполнить свое назначение, хочешь не хочешь, нужно справиться с предлагаемым объемом, иначе — закупорка «сосудов», грозящая обернуться серьезными последствиями для всего народнохозяйственного организма. Когда страна и дорога живут в стабильном режиме, соотношение между потребностями народного хозяйства и возможностями дороги устанавливается, что называется, естественным путем — в ходе единого для них обоих процесса развития. Но когда с перевозкой грузов возникает чрезвычайная ситуация...

Что с началом Великой Отечественной войны на Свердловской железной дороге (назовем ее для удобства нынешним именем) сложилась чрезвычайная ситуация, можно было бы предположить и не опираясь на конкретные цифры. Однако же с цифрами картина становится намного выразительней и драматичней.

Из разных источников известно, что в первые месяцы войны на Урал было эвакуировано 667 промышленных предприятий и еще тысячи предприятий, минуя Урал (но по магистралям Свердловской железной дороги), были увезены в Сибирь. Чтобы получить некоторое наглядное представление о том, как это сказалося на грузопотоке, захлестнувшем нашу дорогу, назовем для ориентира лишь одну цифру, встретившуюся нам в литературе: брянский завод «Красный Профинтерн» (впоследствии паровозостроительный, а сейчас машиностроительный) уезжал в Красноярск в 7750 вагонов! Конечно, это был крупный завод, но зато счет заводам, что помельче, шел на тысячи.

Однако и это — полдела. Надо же еще принять во внимание, что заводы увозили в тыл не затем, чтоб уберечь где-нибудь на складах от разграбления захватчиками. Они должны были очень быстро развернуть свое оборудование на новых местах (случалось, и под открытым небом — крышу надстраивали потом) и немедленно приступить к выпуску продукции — по преимуществу, конечно, оборонной. Как утверждают военные историки, оперирующие исчерпывающим статистическим материалом, эвакуированные предприятия вступали в строй и начинали давать необходимую фронту продукцию в среднем через полтора-два месяца по прибытии в пункт назначения.

А что представляла собой продукция этих предприятий? Опять два-три примера. Уралмаш разместил на своих площадях Ижорский завод (из Ленинграда) и еще несколько оборонных предприятий; совместными усилиями они быстро наладили производство бронетехники. Уже с августа 1941 года усиленный «беженцами» Уралмаш обеспечивал всю нашу танковую промышленность корпусами тяжелых танков KB (их перед войной выпускал

Ижорский завод), потом «тридцатьчетырками». Это было не точное производство самоходных артиллерийских орудий, предприятия до войны, вместе взятые, давали в год продукции, ко раз меньше!) Ежедневно по несколько тысяч машин выходило из ворот этого гигантского предприятия, на Турбомоторном заводе, где производились турбомоторы для предприятий из Харькова и других городов. Турбомоторы — для танков, субмарин, самолетов, другой военной техники. Все это тогда было в новинку. Добавьте сюда продукцию Уралвагонзавода (среднеуральского «Танкограда»).

Вот такие конкретные факты. Вот цитата из воспоминаний В. М. Скворцова: «Уже в 1942 году в сравнении с 1940 годом почти в три раза увеличилось производство продукции, и транзитным коридором между западом и Сибирью, где обострились потребности в приятиях и точно так же, как уральские предприятия выпускали оборонную продукцию. И значительная часть продукции прошла через рельсовые пути Свердловской железной дороги. Перед войной работала с перенапряжением, а теперь, в условиях войны, ее физические силы эту проблему было не только не решить, но и выражаясь, надо было компенсировать».

Можно было бы очень много рассказать об изобретательности, изворотливости, находчивости свердловских железнодорожников, о том, как они, несмотря на трудности, к которым не имеющего равных себе в стране предприятия. Тут свою лепту вносили и диспетчеры, и машинисты, и проводники. С 24 июня 1941 года, ввели особый режим работы, а потом, на протяжении всех четырех лет войны, машинисты, умевшие выжать из своих машин все возможное, было заложено в них конструкторами, инженерами, способными максимально сократить время подготовки техники, и путейцы, не только готовившие магистральные линии, но и сумевшие проложить новые ветки, позволившие расширить сеть железных дорог. Не в последнюю очередь, механизаторы, которые достаточно хорошо умели работать с тракторами и подтянуть исполнительскую дисциплину, и толюбие, пробудить трудовой азарт, и направить усилия, чтобы получить больше продукции, впрочем, партийные структуры, которые тут надо было принимать профсоюзные меры, активно поддерживали усилия администрации, совместных усилий тех и других родов «почины» и «движения».

Обо всем об этом уже, впрочем, сказано. Но в то мере касались этих вопросов в предыдущих главах, мы ограничимся рассказом лишь о самой сути, о самой мысли свердловских железнодорожников.

себе в виде цельной картины этот гигантскинувшееся на тысячи верст и бессонно — железную дорогу. Целые армии людей, одновременно выполняют бессчетное ко-сосредоточенные машинисты ведут поез-теры следят за их продвижением, масте-онных депо готовят к новым поездкам по-итые осматривают обстукивают своими-ях каждое колесо, бдительные обходчики-стальной колеи... И все эти капли и ручей-сливаются в конечном итоге в один гигант-— грузооборот.

лим себе так выразиться, навязывается же-народного хозяйства, а те, в свою очередь, страна. Дороге, чтобы выполнить свое на-жно справиться с предлагаемым объемом, грозящая обернуться серьезными послед-йственного организма. Когда страна и до-е, соотношение между потребностями на-ями дороги устанавливается, что называ-а ходе единого для них обоих процесса-грузов возникает чрезвычайная ситуация...ечественной войны на Свердловской же-удобства нынешним именем) сложилась-было бы предположить и не опираясь на-цифрами картина становится намного вы-

стно, что в первые месяцы войны на Урал-шленных предприятий и еще тысячи пред-гистралам Свердловской железной доро-бы получить некоторое наглядное пред-лось на грузопотоке, захлестнувшим нашу-лишь одну цифру, встретившуюся нам в-расный Профинтерн» (впоследствии пар-иностроительный) уезжал в Красноярск-ыл крупный завод, но зато счет заводам,

надо же еще принять во внимание, что за-чтоб уберечь где-нибудь на складах от-и должны были очень быстро развернуть-местах (случалось, и под открытым небом-и немедленно приступать к выпуску про-нечно, оборонной. Как утверждают воен-исчерпывающим статистическим матери-иятия вступали в строй и начинали давать-ю в среднем через полтора-два месяца

продукция этих предприятий? Опять два-три-а своих площадях Ижорский завод (из Ле-онных предприятий; совместными усилия-одство бронетехники. Уже с августа 1941-лмаш обеспечивал всю нашу танковую про-ых танков КВ (их перед войной выпускал

Ижорский завод), потом «тридцатьчетверок», ИС; вслед за тем наладили по-точное производство самоходных артиллерийских установок (САУ). (Те же предприятия до войны, вместе взятые, выпускали такой продукции в несколь-ко раз меньше!) Ежедневно по несколько эшелонов тяжелой продукции Урал-маша выходило из ворот этого гигантского арсенала. А в то же время по со-седству, на Турбомоторном заводе, где разместилось пять эвакуированных предприятий из Харькова и других городов, зарождался мощный поток ди-зель-моторов — для танков, субмарин, для другой самодвижущейся и стре-ляющей военной техники. Все это тоже грузилось на железнодорожные плат-формы. Добавьте сюда продукцию Уралхиммаша, тагильского Уралвагонза-вода (среднеуральского «Танкограда»), сотен других предприятий...

Вот такие конкретные факты стоят за обобщением ветерана дороги В. М. Скворцова: «Уже в 1942 году валовая продукция Урала возросла по сравнению с 1940 годом почти в три раза, а производство военной про-дукции увеличилось в пять раз». А ведь Свердловская дорога служила еще и транзитным коридором между западной частью страны, охваченной по-жаром войны, и Сибирью, где обосновались тысячи эвакуированных пред-приятий и точно так же, как уральские гиганты, в несколько раз увеличили выпуск оборонной продукции. И значительная часть ее потока должна была пройти через рельсовые пути Свердловской магистрали, которая уже и пе-ред войной работала с перенапряжением. Героическим напряжением фи-зических сил эту проблему было не решить; слабость «мышц», фигураль-но выражаясь, надо было компенсировать энергией головы.

Можно было бы очень много рассказывать о том, сколько находчиво-сти, изобретательности, изворотливости, если хотите, пришлось применить свердловским железнодорожникам, чтобы пропустить несоразмерный воз-можностям дороги поток грузов, не допустить коллапса транспортного узла, не имеющего равных себе в стране по масштабам и стратегической важ-ности. Тут свою лепту вносили и диспетчеры, которые буквально сразу, с 24 июня 1941 года, ввели особый — воинский — график движения поез-дов, а потом, на протяжении всех четырех лет войны, совершенствовавшие его; и машинисты, умевшие выжать из своих локомотивов больше того, что было заложено в них конструкторами; и работники депо, изыскивавшие способы максимально сократить время на ремонт и предмаршрутную под-готовку техники, и путейцы, не только поддерживавшие в рабочем состоя-нии магистральные линии, но и сумевшие в этой напряженной обстановке проложить новые ветки, позволившие рационализировать грузовые марш-руты... Не в последнюю очередь, между прочим, и партийные организато-ры, которые достаточно хорошо умели и напомнить о гражданском долге, и подтянуть исполнительскую дисциплину, и подогреть естественное чес-толюбие, пробудить трудовой азарт, и даже подсказать, куда лучше всего направить усилия, чтобы получить более весомый результат. Последнюю функцию, впрочем, партийные структуры не брали полностью на себя (по-скольку тут надо было принимать профессиональные решения), а лишь ак-тивно поддерживали усилия администрации и профсоюзов. В результате совместных усилий тех и других рождались и распространялись разного рода «почины» и «движения».

Обо всем об этом уже, впрочем, немало и написано, да и мы в какой-то мере касались этих вопросов в предыдущих главах. Так что в этой главе мы ограничимся рассказом лишь о самых ярких, скажем так, подвигах твор-ческой мысли свердловских железнодорожников, работавших в тылу.

Творчество — это так просто...

Ананий
Калистратович
Черепанов

В первой главе мы упоминали про новосибирского машиниста Николая Лунина, которого с 1940 года (ему тогда было только 25 лет) и в газетах, и в ведомственных циркулярах ставили в пример всем железнодорожникам страны за то, что он вместе со своей локомотивной бригадой в образцовом порядке содержал свой паровоз. Казалось бы, что может быть очевиднее: совершил очередную поездку, возвратился в депо, внимательно осмотрел все узлы (после поездки на это много времени не нужно: ведь в работе всякая неисправность так или иначе даст о себе знать), устранил мелкие дефекты — и иди отдыхай. А если что посерьезнее обнаружилось — укажи это место ремонтной бригаде. Им не надо будет обследовать всю громадную машину (при этом, отвлекшись на мелочи, что-то действительно важное могут и прозевать), сразу сделают — и к другой работе. Насколько надежнее при таком порядке обслуживания работает техника и насколько меньше работы остается на долю ремонтников.

Между тем этот очевидно предпочтительный порядок не был предусмотрен должностными инструкциями и потому не действовал. То есть скорее всего в каких-то случаях и действовал, но в качестве частной инициативы. И вот кто-то заметил Лунина, оценил преимущества его обращения с техникой и вообще его отношения к делу — и громко заявил о «почине». И вдруг этот незамысловатый «почин» открыл огромные резервы производительности локомотивов. Мало того, стало очевидно, что заметного повышения производительности можно добиться самыми простыми средствами — просто надо отойти от шаблона, взглянуть на привычное свежим взглядом, что, вообще-то говоря, и составляет суть творчества.

Благодаря интенсивной пропаганде «лунинское движение» быстро распространилось на всю сеть дорог. «Луинцами» объявлялись уже не только машинисты, но практически все, кто, нарушая шаблон, вносил рациональные изменения в организацию своего труда. Простейшая вроде подсказка: ищите! А в военную пору из этого вышла большая выгода для напряженно работающей отрасли. И поэтому не надо удивляться тому, что самому автору «почина» в 1942 году присудили Сталинскую премию (27-летний лауреат на премиальные деньги закупил эшелон угля и сам же доставил его в сражающийся Сталинград, себе оставив только славу).

Мы вспомнили эту историю, потому что на Свердловском железнодорожном узле «луинцев» тоже было немало. Уже в 1942 году здесь «лунинские» работали и путейцы, и связисты, и даже стрелочники.

В «луинцах» ходил и герой нашего рассказа.

Ананий Калистратович Черепанов (само имя выдает его старообрядческое и деревенское происхождение) был на пару лет старше Лунина,

Война — она и в тылу война

но тоже молод: в 1942 году ему только 25 лет. Он был машинистом углеподъемного крана Свердловского сортировочного пункта.

Паровозы — техника, давно вышедшая из моды, лодкой читатель не знает, что, поскольку паровозную поездку должен был запастись определенным количеством топлива, которое зависело от размеров и мощности паровоза, перед выходом из депо в тендер в тендере заполнялись, эта операция была обязательной.

Так вот, Ананий Черепанов как раз занимался этим. Он управлял огромным паровым краном, который поднимал тонны угля. Кран, как и паровоз, приводился в движение паром, и сам нуждался в экипировке. Ну, проблем не было, а вот за водой приходилось ехать. Это уже в совсем другом месте. А поскольку



нужно было ехать быстро, то каждая поездка была для него очень важна. А поездок таких в сутки нужно было совершать много. И вот тут-то и начинался основной недостаток паровозов: в тендере вываливаются эти шесть тонн. Это же сразу в одном месте вываливается шесть тонн. Этого не происходило, действовать приходилось очень осторожно, чтобы не перевернуть шеститонную горку — и тут же ее работникам приходилось выравнивать. А он ждет. Потом вторая порция.

Ну, вот с этих вынужденных простоях и начинался основной недостаток паровозов: на загрузку одновременно два паровоза. Он ссыпает очередную порцию на второй паровоз. Практически за то время, которое нужно было одному локомотиву, он без особого труда успевает загрузить два. Этого мало: пока паровозы подождают, пока они соберутся в кучу, чтоб сподручней было брать с третьей идет загрузка.

Однако новшество внедрялось не без проблем. Просто техника не была рассчитана на такие нагрузки.

ВО — росто...

...али про новосибирского машиниста Ни-
...с 1940 года (ему тогда было только 25 лет)
...ственных циркулярах ставили в пример
...кам страны за то, что он вместе со своей
...ой в образцовом порядке содержал свой
...то может быть очевиднее: совершил оче-
...затился в депо, внимательно осмотрел все
...а это много времени не нужно: ведь в ра-
...или иначе даст о себе знать), устранил мел-
...и. А если что посерьезнее обнаружилось —
...аде. Им не надо будет обследовать всю
...и, отвлекшись на мелочи, что-то действи-
...вать сразу сделают — и к другой работе.
...м порядке обслуживания работает техни-
...и остается на долю ремонтников.

...предпочтительный порядок не был предус-
...ями и потому не действовал. То есть ско-
...действовал, но в качестве частной инициа-
...а. оценил преимущества его обращения
...е-ия к делу — и громко заявил о «почине».
...«о-ин» открыл огромные резервы произво-
...ю того, стало очевидно, что заметного повы-
...но добиться самыми простыми средства-
...шаблона, взглянуть на привычное свежим
...и составляет суть творчества.

...пропаганде «лунинское движение» быстро
...ь дорог. «Лунинцами» объявлялись уже не
...еся все, кто, нарушая шаблон, вносил ра-
...низацию своего труда. Простейшая вроде
...порх из этого вышла большая выгода для
...сли. И поэтому не надо удивляться тому,
...1942 году присудили Сталинскую премию
...е деньги закупил эшелон угля и сам же
...Сталинград, себе оставив только славу).

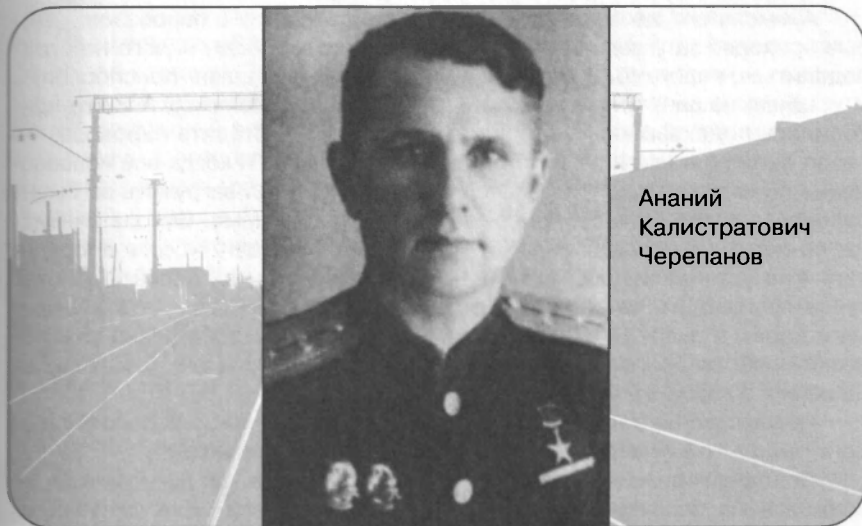
...о, потому что на Свердловском железно-
...е было немало. Уже в 1942 году здесь «по-
...и связисты, и даже стрелочники.

...нашего рассказа.
...анов (само имя выдает его старообряд-
...е-е) был на пару лет старше Лунина,

но тоже молод: в 1942 году ему только что перевалило на 30-й год. Рабо-
тал он машинистом углеподъемного крана на угольном складе депо Свер-
дловск-Сортировочный.

Паровозы — техника, давно вышедшая из обихода, и, возможно, мо-
лодой читатель не знает, что, поскольку двигался он силой пара, то в каж-
дую поездку должен был запастись многими тоннами угля и воды (их ко-
личество зависело от размеров и мощности локомотива). Вода и уголь
помещались в тендере; перед выходом на маршрут соответствующие ем-
кости в тендере заполнялись, эта операция называлась экипировкой.

Так вот, Ананий Черепанов как раз экипировкой паровозов и занимал-
ся. Он управлял огромным паровым краном с ковшем, вмещающим шесть
тонн угля. Кран, как и паровоз, приводился в действие силой пара, а для
того и сам нуждался в экипировке. Ну, с угольком-то на угольном складе
проблем не было, а вот за водой приходилось ездить на гидроколонку —
это уже в совсем другом месте. А поскольку назначение крана не предпо-



Ананий
Калистратович
Черепанов

лагало быстрой езды, то каждая поездка за водой занимала часа полтора,
а поездок таких в сутки нужно было совершить не менее четырех. И еще
один непроизводительный расход времени. Представьте себе, как из ков-
ша в тендер вываливаются эти шесть тонн угля. Потом сверху — еще шесть
тонн. Это же сразу в одном месте вырастет гора, а углы будут пустые. Чтоб
этого не происходило, действовать приходилось так: Ананий вывалит эту
шеститонную горку — и тут же ее рабочие склада начинают лопатами раз-
равнивать. А он ждет. Потом вторая порция — и опять пауза.

Ну, вот с этих вынужденных простоев он и начал: поставьте, дескать,
на загрузку одновременно два паровоза. Пока на одном уголь разгребают —
он ссыпает очередную порцию на второй. Разгребли — и снова на пер-
вый. Практически за то время, которое прежде тратилось на экипировку
одного локомотива, он без особого даже напряжения заправляет углем
два. Этого мало: пока паровозы подходили да уходили, он сгребал уголь
в кучу, чтоб сподручней было брать сразу полными ковшами — еще бы-
стрей идет загрузка.

Однако новшество внедрялось не без проблем. Нет, мы не о консерва-
торах. Просто техника не была рассчитана на столь интенсивную работу:

стало трудно удерживать давление пара. Надо было обдумать и эту ситуацию. Ага, есть! Если поддерживать более высокую температуру в топке, то и давление пара в котле поднимется. Для этого надо ограничить доступ в топку морозного воздуха — раз! Просто прикрывать шуровочное окно. И еще... И вот тут Ананию приходит в голову вовсе революционная мысль.

— Шура, — обращается он к своей помощнице Александре Шеломенцевой, — как, по-твоему, лучше заправлять котел водой: большими порциями или малыми?

Для Шуры тут никакой проблемы нет:

— Конечно же, большими. И так чуть ли не полсмены на заправку тратим.

— Ты права, но не совсем. Долго за водой ездим — это так. Но если заправлять малыми порциями, то не будем допускать переохлаждения котла.

— Так ты что: без воды собираешься работать или через каждый час ездить за водой?

— Зачем ездить? Пусть сама к нам приедет.

А мысль его заключалась в том, чтоб брать воду с паровозов, которые приходят за углем. Им-то малым количеством воды ничего не стоит поделиться, надо только для этой цели специальный шланг приспособить.

Шланг нашли, приспособили — работа пошла. Поначалу Ананию приходилось подсказывать машинистам, куда лучше ставить паровозы, но скоро они привыкли и сами стали делать, что надо. И когда все нововведения были как следует отработаны, Черепанов стал загружать за смену паровозов втрое больше, чем было положено по норме. Выгода очевидна: во-первых, угольный склад будто модернизировали. Нового оборудования не устанавливали, ничего не перестраивали, а работать он стал втрое производительней. Во-вторых, машинисты перестали тратить время и нервы в очереди на экипировку. В-третьих, высвободилось для полезной работы драгоценное локомотивное время. Простые, казалось бы, решения, а какой эффект!

Новшество не осталось незамеченным: ведь угольных складов на дороге было — ой-ей-ей! — сколько. И везде те же проблемы.

Вот такой «лунинец» был этот Ананий Черепанов. Он на «лунинца» не обижался. Да, впрочем, в какой-то мере был и «лунином»: кран свой любил, обходил его вместе со своей помощницей Шурой без всяких подсказок.

Но уже появились на дороге и «черепановцы». И инициатору «метода», суть которого заключалась просто в рациональной организации своего рабочего места, Ананию Калистратовичу Черепанову указом Президиума Верховного Совета СССР присвоили звание Героя Социалистического Труда.

И вот уже давно нет паровозов, ликвидированы угольные склады, отработали и сданы в металлолом паровые краны, загружавшие уголь в паровозные тендеры; в 1992 году, чуть-чуть не дотянув до восьмидесяти, умер и ветеран железной дороги Черепанов. Но остался опыт: находить самые простые выходы из самых безвыходных ситуаций. Они всегда существуют — надо только внимательно присмотреться.

На обочине магистрали

Максим
Афанасьевич
Казанцев

Небольшая станция Колюткино, между Екатеринбург и Каменск-Уральским, тихим, незаметным уголком. Режется ему эхо в сосновом лесу, когда машина опускается на железнодорожные пути. За спиной молоток, ключ, для удобства связанные с ремнем приметный рожок, сбоку футляр. Неторопливо, осторожно шагает он по рельсам. Но в то же время зорко смотрит на косяки рельсы и шпалы. Это путевого обходчика, главного, потому что отвечает за безопасность участка поездов.

Опыт и знание приходили во время учебы. Но помогала и практика.

Родился Максим в 1901 году в крестьянской семье. По уму, основательно. Это качество в жизни, особенно на железной дороге, где приходится работать ремонтным рабочим, затем путевого обходчиком.

Неопытным глазом на колеса, косяки рельсы и шпалы, на стыках накладке, прикрутке болта, в порядке. Но вот Казанцев останавливается на мгновение, чтобы проверить, не попал ли болт, попавший в резиновую прокладку, на несколько оборотов. Путевой обходчик идет дальше, постукивая молотком по рельсам, а если пропустит какую-нибудь неполадку, то его работа стала непрерывной, чтобы обеспечить безопасность движения.

Вот кювет. Он тянется вдоль пути, заросший снегом. Но на дне не найдешь все убранные надежные руки обходчика. Сидит в нем, не размывает колею. Если не обходить стыки от снега, поезд может сойти с рельсов. Вот у обходчика Казанцева на участке — снежно-белый порядок, выведенными дорожными знаками. У него нет зетка, на ней выложенная из красной глины! Проходят мимо поезда, а Казанцев, флажок, смотрит, как под колесами гудит, безопасного пути тебе, машинисту.

ление пара. Надо было обдумать и эту ситуацию: чтобы более высокую температуру в топке, чтобы не перегреться. Для этого надо ограничить доступ в топку. Просто прикрывать шуровочное окно. И вот в голову вовсе революционная мысль.

— К своей помощнице Александре Шеломенцевой заправлять котел водой: большими порциями.

Проблемы нет:

И так чуть ли не полсмены на заправку.

Долго за водой ездим — это так. Но если за водой не будем допускать переохлаждения котла.

Собираешься работать или через каждый час.

Сама к нам приедет.

В том, чтоб брать воду с паровозов, чтобы малым количеством воды ничего не стоит. Той цели специальный шланг приспособить.

Жили — работа пошла. Поначалу Ананию пришло в голову, куда лучше ставить паровозы, но не стали делать, что надо. И когда все нововведения.

Черепанов стал загружать за смену. Было положено по норме. Выгода очевидна.

Одновременно модернизировали. Нового оборудования не перестраивали, а работать он стал.

В некоторых машинистах перестали тратить время на заправку. В-третьих, высвободилось для работы.

В-четвертых, простое время. Простые, казалось бы, но.

Замеченным: ведь угольных складов на дороге.

И везде те же проблемы.

Этот Ананий Черепанов. Он на «лунинца» не.

Именно так и был и «лунином»: кран свой любил.

Помощницей Шурой без всяких подсказок.

И Черепановцы». И инициатору «метода»,

Именно в рациональной организации своего ра-

боты Черепанову указом Президиума Верхов-

ного Совета звание Героя Социалистического Труда.

Всего ликвидированы угольные склады, от-

менены паровые краны, загружавшие уголь в па-

ровозы. Чуть-чуть не дотянув до восьмидесяти,

Черепанов. Но остался опыт: находить

всегда безвыходных ситуаций. Они всегда су-

точно присмотреться.

На обочине магистрали

Максим
Афанасьевич
Казанцев

Небольшая станция Колюткино, расположенная на полдороге между Екатеринбург и Каменском-Уральским, была перед войной тихим, незаметным уголком. Редко-редко простучит поезд, откликнется ему эхо в сосновом лесу, и снова долгая безмятежная тишина опускается на железнодорожные рельсы. Вот вдали показался человек. За спиной молоток с длинной рукояткой и гаечный ключ, для удобства связанные вместе. На ремне — медный, чуть приметный рожек, сбоку футляр с сигнальными флажками.

Неторопливо, осторожно шагает он по шпалам, словно нащупывая след. Но в то же время зорко смотрит на колею — в каком состоянии находятся рельсы и шпалы. Это путевой обходчик Максим Казанцев. Здесь он самый главный, потому что отвечает за безопасное продвижение по своему участку поездов.

Опыт и знание приходили во время ежедневных обходов. Особенно учиться было некогда. Но помогала природная смекалка.

Родился Максим в 1901 году в крестьянской семье, где все делалось по уму, основательно. Это качество потом здорово поможет Максиму в жизни, особенно на железной дороге, куда он поступит в 1939 году вначале ремонтным рабочим, затем путевым обходчиком.

Неопытным глазом на колею, конечно, трудно что-то заметить. Рельсы и рельсы, на стыках накладки, прихваченные болтами, — будто все в порядке. Но вот Казанцев останавливается, отвязывает ключ и через мгновение болт, попавший в резиновую пасту ключа, поддался, повернулся на несколько оборотов. Путевой обходчик закручивает его до отказа и идет дальше, постукивая молотком по рельсам. Вроде бы все просто, а если пропустит какую-нибудь неполадку? Быть беде. Потому-то для Максима его работа стала непрерывной борьбой со всем, что может нарушить безопасность движения.

Вот ковет. Он тянется вдоль пути на много километров. Зимой запылен снегом. Но на дне не найдешь ни камней, ни засохшей травы — все убрали надежные руки обходчика. Значит, весной вода не задержится в нем, не размочит колею. Если не очистить путь на переезде, не освободить стыки от снега, поезд может сойти с рельсов. Одним словом, много дел у обходчика Казанцева на участке. И как хороший хозяин он радуется порядку — снежно-белым приземистым столбикам с четко выведенными дорожными знаками. У подножия столбика — плетеная розетка, на ней выложенная из красного щебня пятиконечная звезда. Загляденье! Проходят мимо поезда, а Казанцев, держа в руке свернутый флажок, смотрит, как под колесами глубоко и часто дышит земля. Счастливого, безопасного пути тебе, машинист!

Спокойно и размеренно текла жизнь. Но наступил 1941-й, и тишина исчезла. С запада пошли эшелоны с беженцами, заводским оборудованием. А навстречу с Урала неслись поезда с пушками, танками, людьми. И снова их встречал и провожал путеобходчик Максим Казанцев, только теперь в его взгляде была тревога. Нет, речь не о том, что он переживал за людей, сорванных с мест злыми вихрями войны и уносимых навстречу неведомой судьбе, — хотя как без того? Но он был на работе, и его беспокоили вопросы чисто профессиональные: выдержит доверенная его попечению стальная колея ту нагрузку, которую ей теперь приходится нести? Дело в том, что военные эшелоны были, как правило, намного тяжелее тех, что до войны считались «тяжеловесными», а неслись со скоростью, какой позавидовал бы довоенный курьерский. И шли они просто-таки потоком, один за другим.

Тут надо отметить, что дорога от Свердловска до Каменска и дальше, до Шадринска, продленная в начале 30-х годов до Кургана, строилась не в лучшие (в экономическом плане) времена. Под рельсами (надо бы потяжелее!) лежали (и гнили уже лет 20–25, с самого того момента, как была проложена колея) деревянные шпалы, а под шпалами далеко не на всех участках была положена щебенка. Что тут мог поделать обходчик?

Всякий раз после того, как с тяжелым грохотом мимо пролетал воинский эшелон, Максим Афанасьевич огорченно отмечал выскочившие из своих гнезд костыли, смещенные подкладки, треснувшие шпалы. О том, чтоб сменить решетки, речи, конечно, и быть не могло, да хоть бы нарушенное поправить. Приходилось вызывать ремонтников. Но у тех работы было невпроворот, они с ней не справлялись. Рад бы сам взяться за дело, но одному несподручно, да и не под силу.

А может, объединить усилия таких же, как он сам, обходчиков? По крайней мере, делать на своих участках, помогая друг другу, то, что под силу. И только с самыми сложными случаями обращаться к профессиональным ремонтникам.

С такой идеей Максим Афанасьевич обратился, как говорят, «по инстанции». Начальство проявило неподдельный интерес: тревога за состояние путевого хозяйства была им понятна и близка, найти иное решение в тех условиях казалось невозможным.

Начальство-то было «за», да вот коллеги-обходчики засомневались: дело-то ответственное, хватит ли знаний и умения? Ведь даже простая, казалось бы, операция — костыль вколотить — требует опыта: костыль толстый, кувалда тяжеленная, а допуски — миллиметровые. «Сделаем, — говорят, — что-нибудь не так, а потом авария...» Надо их понять: обходчики-то, за малым исключением, — не довоенные мужики крестьянской закалки, а женщины, чаще всего — жены фронтовиков, матери детишек, потерявших кормильца. Люди они, конечно, самоотверженные, даже двухжилые, но что они умеют?

Но все-таки Максиму удалось уговорить (в том ему и подбывавшее по такому случаю начальство помогло) трех своих соседей по околотку — Лидию Сыроеву, Марию Бабанову и Анастасию Девярых. Положились на опыт Казанцева, ему же поручили и руководство новообразованной бригадой.

Официально изменили график рабочей смены обходчиков казанцевской бригады: вначале они осматривают каждый свой участок по отдельности, потом, уже после основной работы, еще на три часа собираются вместе. Вчетвером они — бригада ремонтников.

Нельзя сказать, чтоб сразу все и получилось. Распределение ролей, скажем так, далось не сразу. Навыки, конечно, надо было наработать.

Но было у них и важное преимущество: каждая свой участок знал до последнего исправностей не теряли, сразу шли. На совесть делали: под свою же ответственность первый день работы по-новому удили шпал, на 65 зачистили заусенцы, на кувалду. Такое и профессиональным ремонтникам выполняли объем работ, почти на уровне ремонтной бригады! Немного по-другому давая результат прохода путеизмерительной бригады, радость всей бригады, когда состав по-новому, было оценено на отлично.

С тех пор так и трудились: по часу, чтобы «лечить» путь. Со временем то всегда так работали. И главное, у каждого из них душа, когда грохочу: никакого ЧП не случится. И машина себя увереннее.

Потом пришло заслуженное признание: начальника дороги Л. Г. Сущенко и за И. Мошкина, в которой выражалась героический труд. Затем последовало обкомом партии и наркоматом путей сообщения, пропаганда «казанцевского метода» стали появляться «казанцевские» разительные цифры: только весной 1942 года лучил широкую огласку, а уже к концу года было зарегистрировано 206 аварий, в том числе около пяти тысяч человек. А в 1943 году уже 5080, суммарная же протяженность превысила 4 тысячи километров.

Как подсчитали экономисты, М. А. Казанцев и его товарищи сэкономили для государства миллионы рублей, а сами принесли «казанцевский метод».

Тут все удивительно совпало: в решении неотложной проблемы с авариями, личной тревогой путейцев (как с полотном, относительная простота решения была выход из безвыходной ситуации).

И вот вам парадокс: не машинист, не фронтовик, не распорядительный работник, а представитель вспомогательной профессии, не из основной колеи, оказался центральной фигурой. Именно он, обходчик пути и одновременно — бригадир ремонтников М. А. Казанцев удостоен высшего трудового отличия — ордена Труда. Он стал первым и пока единственным, кому было присвоено это почетное звание.

Много воды утекло с тех пор. Сейчас путеобходчик — уже не существует. Но с неразрешимыми ситуациями вполне

екла жизнь. Но наступил 1941-й, и тишина
лоны с беженцами, заводским оборудова-
лись поезда с пушками, танками, людьми.
ал путеобходчик Максим Казанцев, только
вога. Нет, речь не о том, что он переживал
ыми вихрями войны и уносимых навстречу
без того? Но он был на работе, и его бес-
ссиональные: выдержит доверенная его по-
рузку, которую ей теперь приходится нести?
лоны были, как правило, намного тяжелее
тяжеловесными», а неслись со скоростью,
ый курьерский. И шли они просто-таки по-

орога от Свердловска до Каменска и даль-
я в начале 30-х годов до Кургана, строилась
и плане) времена. Под рельсами (надо бы
же лет 20–25, с самого того момента, как
нные шпалы, а под шпалами далеко не на
бенка. Что тут мог поделывать обходчик?

с тяжелым грохотом мимо пролетал во-
сьевич огорченно отмечал выскочившие из
ые подкладки, треснувшие шпалы. О том,
онечно, и быть не могло, да хоть бы нару-
сь вызывать ремонтников. Но у тех работы
е справлялись. Рад бы сам взяться за дело,
е под силу.

я таких же, как он сам, обходчиков? По край-
стках, помогая друг другу, то, что под силу.
случаями обращаться к профессиональным

анасьевич обратился, как говорят, «по ин-
неподдельный интерес: тревога за состо-
им понятна и близка, найти иное решение
можным.

да вот коллеги-обходчики засомневались:
ли знаний и умения? Ведь даже простая,
тыль вколотить — требует опыта: костыль
а допуски — миллиметровые. «Сделаем,—
а потом авария...» Надо их понять: обход-
ем,— не довоенные мужики крестьянской
го — жены фронтовиков, матери детишек,
они, конечно, самоотверженные, даже дву-

ось уговорить (в том ему и подъехавшее по
гло) трех своих соседок по околотку — Ли-
и Анастасию Девятых. Положились на опыт
руководство новообразованной бригадой.
фик рабочей смены обходчиков казанцев-
атривают каждый свой участок по отдель-
ной работы, еще на три часа собираются
ада ремонтников.

у все и получилось. Распределение ролей,
Навыки, конечно, надо было наработать.

Но было у них и важное преимущество перед ремонтниками: уж каждый-то (каждая) свой участок знал до последнего болта. Времени на поиск неисправностей не теряли, сразу шли к нужному месту и делали как надо. На совесть делали: под свою же ответственность, для себя. И поэтому уже первый день работы по-новому удивил результатом: перешли 65 концов шпал, на 65 зачистили заусенцы, на 100 погонных метрах заправили бровку. Такое и профессиональным ремонтникам не удавалось. А за 16 дней мая выполнили объем работ, почти вдвое превышающий месячную норму ремонтной бригады! Немного поволновался Максим Афанасьевич, ожидая результат прохода путеизмерительной тележки. Но какова была радость всей бригады, когда состояние участка, отремонтированного по-новому, было оценено на отлично.

С тех пор так и трудились: после дежурства оставались еще на три часа, чтобы «лечить» путь. Со временем к новому порядку привыкли, будто всегда так работали. И главное, конечно,— теперь уже не замирала у каждого из них душа, когда грохочущий состав влетал на их участок. Знали: никакого ЧП не случится. И машинисты на прочной колее чувствовали себя увереннее.

Потом пришло заслуженное признание. Началось с телеграммы начальника дороги Л. Г. Сущенко и заместителя начальника политотдела И. Мошкина, в которой выражалась благодарность бригаде Казанцева за героический труд. Затем последовали одобрение «почина» Свердловским обкомом партии и наркоматом путей сообщения, широкое его распространение, пропаганда «казанцевского метода» по всей сети дорог. Повсеместно стали появляться «казанцевские» бригады. Существуют просто поразительные цифры: только весной 1943 года казанцевский «почин» получил широкую огласку, а уже к концу того же года на Свердловской дороге было зарегистрировано 206 «казанцевских» бригад общей численностью около пяти тысяч человек. А в 1944 году по всей сети дорог их стало уже 5080, суммарная же протяженность отремонтированной ими колеи превысила 4 тысячи километров.

Как подсчитали экономисты, М. А. Казанцев с тремя своими помощниками сберегли для государства более миллиона рублей. А какую экономию принес «казанцевский метод» в целом по стране?..

Тут все удивительно совпало: острая потребность в радикальном решении неотложной проблемы с аварийным состоянием путевого хозяйства, личная тревога путейцев (как это было у Казанцева) за состояние полотна, относительная простота предложенного решения. Это действительно был выход из безвыходной ситуации!

И вот вам парадокс: не машинист, ведущий тяжеловесные составы к фронту, не распорядительный руководитель, а человек, казалось бы, сугубо вспомогательной профессии, неспешно бредущий по обочине стальной колеи, оказался центральной фигурой в напряженной ситуации тех лет. Именно он, обходчик пути и одновременно — по собственной инициативе — бригадир ремонтников Максим Афанасьевич Казанцев, был удостоен высшего трудового отличия — звания Героя Социалистического Труда. Он стал первым и пока единственным путейцем на дороге, получившим это почетное звание.

Много воды утекло с тех пор. Сегодня даже такой профессии — путеобходчик — уже не существует. Но «казанцевский метод» справляться с неразрешимыми ситуациями вполне актуален и сегодня.

1 8

Железнодорожно-фронтальной закалки

2 0

св

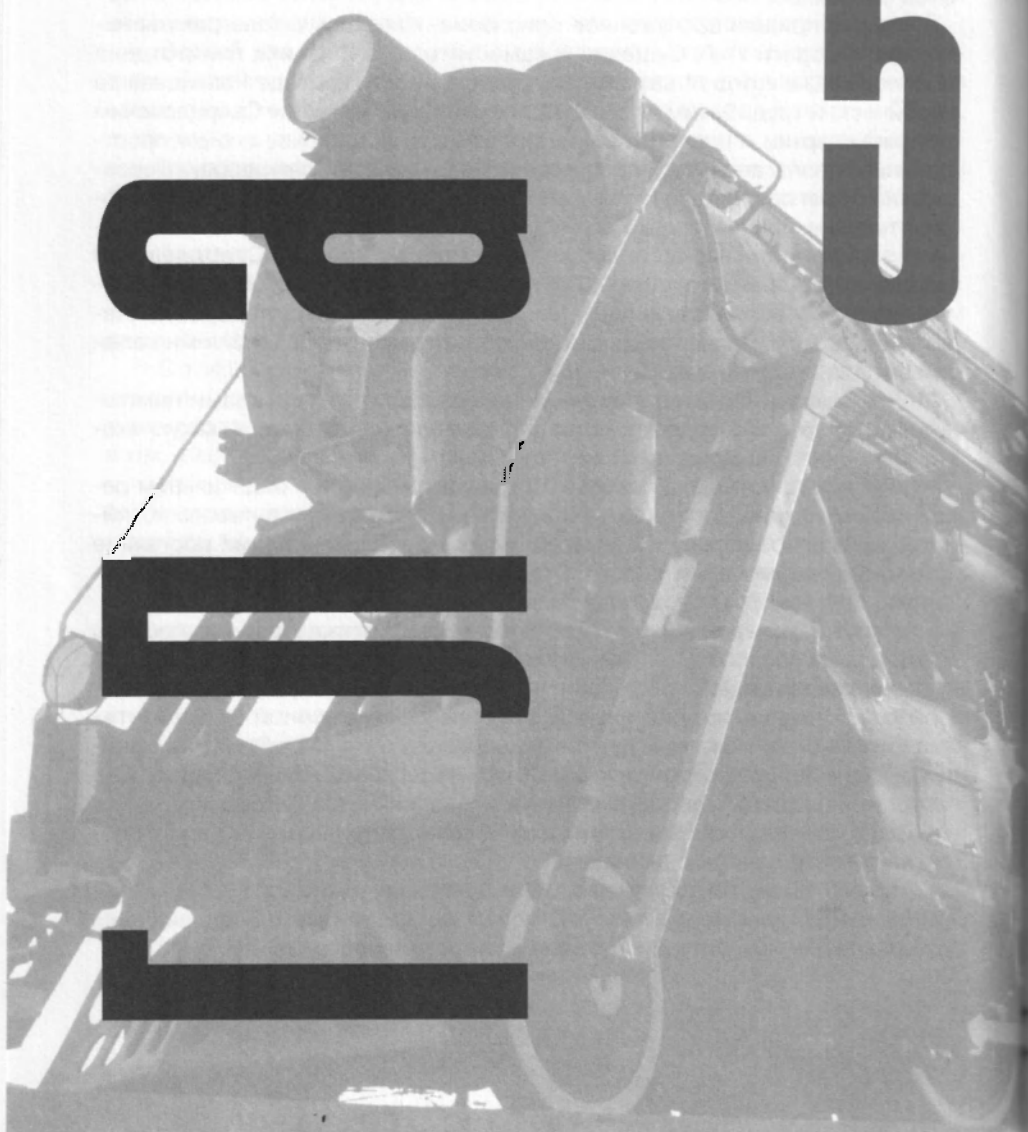
св

св

св

св

5





1 8 7 8

Железнодорожники

фронтной

закалки

2 0 0 3

Еще война не окончилась, как в железнодорожных коллективах стали появляться фронтовики — пока еще те, кого «списали» из армии после тяжелых ранений. После Победы стали возвращаться с военной страды и остальные, кто завершал разгром врага. Однако те и другие, хоть и демобилизованные, как бы продолжали оставаться в строю, лишь перейдя в другое подразделение, потому что военное положение на железных дорогах страны не было отменено еще в течение целого десятилетия.

Нет, отменить его не «забыли»; в его сохранении был жестокий, но трезвый расчет. Дело в том, что железнодорожное хозяйство и в войну-то вступило далеко не в идеальном состоянии: штурмовщина времен первых пятилеток, конечно же, не лучшим образом отразилась на состоянии и рельсовых путей, и подвижного состава, и базы ремонта и обслуживания. А в годы войны поистине героические усилия (как правило, за счет отдыха, за счет личного времени, за счет здоровья) таких энтузиастов, как новосибирский машинист Н. А. Лунин и все его последователи на сети дорог, как свердловский обходчик М. А. Казанцев, позволили сохранить стальные магистрали в рабочем состоянии, однако подвиги далеко не всех героев тыла на железных дорогах способствовали улучшению технического состояния железнодорожного хозяйства. Когда, например, мастера вождения локомотивов разгоняли составы весом в 5000 тонн до скорости 40, 50 километров в час, — а как без того было справиться дороге с потоком военных грузов? — то это вело к катастрофическому износу и полотна, и паровозов, и вагонов (мы уже не говорим о людях). Работать в таких условиях было нельзя, но — «надо!» И работали, пока не прогремели победные салюты. И не то чтобы сказали: теперь перенапрягаться незачем, надо передохнуть, — просто психологическое состояние человека не вполне подчиняется рассудку. Прекрасно ведь понимали, что пресловутое «надо» не упразднено: работы с окончанием войны нисколько не убавилось, — а что-то внутри уже расслабилось, подняться на подвиг не позволяло. Так вот, предвидя это расслабление и желая по возможности предотвратить его, руководство страны военное положение на железных дорогах так долго и не отменяло.

Но, конечно, прежний жесткий режим мало-помалу ослабевал, дисциплинарные нормы, сохраняясь на бумаге, в реальности становились мягче, отношение к житейским нуждам работников — терпимее. Характерный показатель — непредставимо высокая для военной поры текучесть кадров. Так, в 1948 году в штаты Свердловской дороги было принято 13 138 работников, а уволилось 10 213 человек, в том числе по «неуважительным» (как считалось) причинам — 7300 человек. Понятно, что срываться с места (железнодорожного! — то есть престижного и лучше в материальном плане обеспеченного, нежели в других отраслях народного хозяйства) просто так, по капризу или вследствие необъяснимой «охоты к перемене мест», мало кто решился бы. Значит, дисциплинарные скрепы трескались под напором житейских обстоятельств. Но тут стоит заметить, что и вообще всякое человеческое сообщество бывает прочно не «наружными» скрепами, не дисциплинарными мерами, а внутренним устройством, в частности (и даже в очень большой мере) — психологической атмосферой, которая именно изнутри побуждает человека поддерживать, сколько позволяют его силы и возможности, данное сообщество, отстаивать его, чтить и укреплять свойственные ему нормы и традиции.

Сказанным, на наш взгляд, можно объяснить особую роль, которую сыграли фронтовики в сохранении высокой работоспособности железной

дороги в самое, пожалуй, сложное для да изношенный «организм» магистрали перестроиться с режима военных лет на мирное время. В чем заключалась эта ответственность? Ответить просто. В профессиональном отношении фронтовики превосходили тех, кто набирался опыта в мирных лет. Являли пример ответственности и выносливости военных лет в этом плане работники железных дорог.

Не будем, однако, углубляться в детали, а лишь укажем на очевидное: на железных дорогах не было простого присутствия другого человека, а было присутствие другого человека. Вот почему фронтовики играли в жизни железных дорог роль прагматической роли фронтовиков. Первые послевоенные лет — само по себе закалка меняло тонус жизни этих коллег.

Ну, а как сами герои войны адаптировались на железной дороге в послевоенные лет? Уже не раз затрагивали, рассказывая о них в этих главах. Добавим еще несколько фактов, знакомых.

как в железнодорожных коллективах стали — пока еще те, кого «списали» из армии. После Победы стали возвращаться с военными, кто завершал разгром врага. Однако те и юнанные, как бы продолжали оставаться в другом подразделении, потому что военное в дорогах страны не было отменено еще в те

его сохранении был жестокий, но трезвое железнодорожное хозяйство и в войну-то в том состоянии: штурмовщина времен перелучшим образом отразилась на состоянии его состава, и базы ремонта и обслуживания героические усилия (как правило, за счет жизни, за счет здоровья) таких энтузиастов, как Лушин и все его последователи на сети до-мик М. А. Казанцев, позволили сохранить в том состоянии, однако подвиги далеко не в тех дорогах способствовали улучшению железнодорожного хозяйства. Когда, например, в разгоняли составы весом в 5000 тонн до-час, — а как без того было справиться до-? — то это вело к катастрофическому из-вагонов (мы уже не говорим о людях). Ра-нельзя, но — «надо!» И работали, пока не И не то чтобы сказали: теперь перенап-нуть, — просто психологическое состояние я рассудку. Прекрасно ведь понимали, что ено: работы с окончанием войны нисколь-три уже расслабилось, подняться на под-видя это расслабление и желая по возмож-одство страны военное положение на же-отменяло.

кий режим мало-помалу ослабевал, дис-сь на бумаге, в реальности становились нудам работников — терпимее. Характер-имо высокая для военной поры текучесть аты Свердловской дороги было принято ь 10 213 человек, в том числе по «неува-чинам — 7300 человек. Понятно, что сры-ого! — то есть престижного и лучше в ма-ого, нежели в других отраслях народного изу или вследствие необъяснимой «охо-о решился бы. Значит, дисциплинарные ктейских обстоятельств. Но тут стоит за-ловеческое сообщество бывает прочно не цiplinaryными мерами, а внутренним ус-в очень большой мере) — психологичес-ю изнутри побуждает человека поддержи-ы и возможности, данное сообщество, от-свойственные ему нормы и традиции. можно объяснить особую роль, которую ии высокой работоспособности железной

дороги в самое, пожалуй, сложное десятилетие ее существования — ког-да изношенный «организм» магистрали, не сбавляя нагрузки, должен был перестроиться с режима военных перегрузок на режим перегрузок мир-ного времени. В чем заключалась эта роль? Вряд ли на этот вопрос мож-но ответить просто. В профессиональном отношении они едва ли могли превосходить тех, кто набирался опыта в экстремальных условиях воен-ных лет. Являли пример ответственного отношения к делу? Так ведь и ты-ловики военных лет в этом плане вряд ли им уступали.

Не будем, однако, углубляться в дебри психологии, ограничимся лишь указанием на очевидное: на человеческое поведение всегда влия-ет простое присутствие другого человека, но при этом очень важно — кто он, этот другой человек. Вот почему не надо, на наш взгляд, искать осо-бой прагматической роли фронтовиков в железнодорожных коллективах первых послевоенных лет — само присутствие рядом людей фронтовой закалки меняло тонус жизни этих коллективов.

Ну, а как сами герои войны адаптировались к мирной жизни, как им работалось на железной дороге в послевоенные годы? Эти вопросы мы уже не раз затрагивали, рассказывая о судьбах фронтовиков в предыду-щих главах. Добавим еще несколько судеб к тем, с которыми вы уже по-знакомились.

Боевая слава — трудовая слава

Михаил
Григорьевич
Ганьжин

Официально Михаил Григорьевич стал героем неожиданно для себя почти через 32 года после Дня Победы. Поэтому не найти его фамилии в юбилейных выпусках книг и статей. А дело случилось так. Узнавая подробности о погибшем отце, написал запрос в Кунгурский военкомат, а оттуда неожиданно ответили: «В 1945 году вы награждены орденом Славы 3 степени, но в связи с тем, что в 1944 году вы уже получали ордена Славы 3 и 2 степени, вручить его мы не имеем права. Направляем документы на перенаграждение». Через два года новый вызов в военное ведомство: «Распишитесь в получении орденов Славы и Отечественной войны 1 степени». Так Михаил Григорьевич Ганьжин стал полным кавалером ордена Славы, что равноценно званию Героя Советского Союза.

...Детство Михаила прошло в деревеньке Запрягаево, что под Кунгуром. Было оно как у всех в ту пору: полевые работы, домашние хлопоты, лесные радости, ночное. Какой крестьянский паренек не любит лошадей! Семья переезжает в Кунгур, устраивается жить по Молотовскому тракту в доме 9. Михаил заканчивает школу-четырёхлетку. Стукнуло шестнадцать — пошел конохом на Кунгурскую госконюшню. Начал складываться характер: отчаянный, задиристый, сам черт не брат. В стародавние времена вышел бы, наверно, из него лихой ямщик. Только на дворе стояли другие времена.

В июне 1942 года ему принесли повестку на войну.

Тем летом сразу на фронт новобранцев не гнали. Подготовку начали при военкомате. Полгода готовили в лыжный батальон, все окрестные горы оббегали сначала на своих двоих, а как выпал снег — и на лыжах. Строевая, уставы; ходили в наряды, на огневую подготовку, тактические занятия. После этого по неведомым для солдата мотивам его направили в школу снайперов, которую он закончил младшим сержантом. Распределен был во вторую воздушно-десантную гвардейскую дивизию. После непрерывных боев она понесла большие потери и сейчас стояла на переформировании. Едва пополнение дошло до своих рот и взводов, как подняли по тревоге, бросили в наступление. «Мы еще посмотрим, какой ты снайпер, а пока вот тебе винтовка и — вперед!»

— Первый бой приняли в лесах Брянской области, — вспоминает Михаил Григорьевич. — Как сейчас понимаю, батальон пошел в наступление, а нас, молодежь, определили во второй эшелон, прикрывать тылы. Передовые части, встретив упорное сопротивление, вышли из-под огня, а мы, человек тридцать, так и продолжали идти, пока не уперлись в немцев. Младший лейтенант, наш «главнокомандующий», показал наган: «Пристреляю, кто отступит!» Залегли как могли, окопались. Фашисты палят из подсолнуховых полей, ничего не видно. Мы в ответ в белый свет, как в копеечку.

Такая стрельба поднялась, оглох с лежим ни живы ни мертвы. Притихли автоматными очередями. Ночью повезло, что не двинул немец на нас не контратаковал. Остались живы.

Один год, один месяц и один день. Дважды был ранен, но все зажил. Хранила судьба молодого солдата. В пулеметным расчетом. Пригодился: подхватил снайперскую винтовку. «На его счету 15 вражеских солдат». «Боевой листок» и дивизионная газета.

— Когда форсировали Днепр, вот старый солдат, — но и тут повезло, пулеметным расчетом, бегом в лесок.



ровались. Тут и немцы, да не просто му видно, хотели под шумок в нас кошили. Гляжу, один убегает, я сгорел, что мы в кустах «тет-а-тет». Развернулся, выстрелил ему в ногу. Раз командир взвода не срезал очередь.

Получив первую Славу за форсирование. Чаще всего с боями. У десантников редко, рейдовали по флангам. Там — не робей! Чаще всего пешком. В одной дорогой пользоваться. Война — всегда известно, кто кого окружает.

Так и случилось у деревни Малево. леко вперед. Где было сказано, закировку взял на себя свежавывающий в морозном тумане проглядывалась дорожки. ли машины, в кузове солдаты в белых сообразили, что ошиблись, было уже поздно.

Глава — слава

Григорьевич стал героем неожиданно для себя после Дня Победы. Поэтому не найти его фамилии в книгах и статьях. А дело случилось так. Погибшем отце, написал запрос в Кунгур. Там неожиданно ответили: «В 1945 году вы награждены орденом Славы 3 степени, но в связи с тем, что в 1944 году вы награждены орденом Славы 3 и 2 степени, вручить его мы не сможем. Документы на перенаграждение». Чем-то не поделилось ведомство: «Распишитесь в получении ордена Славы 1 степени». Так Михаил Григорьевич стал кавалером ордена Славы, что равноценно орденам Отечественной войны 1 степени.

В деревеньке Запрягаево, что под Кунгуром. Полевые работы, домашние хлопоты, лесные дела. Паренек не любит лошадей! Семья переехала по Молотовскому тракту в доме 9. Михаилу было шестнадцать — пошел комсомол. Начал складываться характер: отчаянный. В стародавние времена вышел бы, наверно, воевать. Стояли другие времена.

Несли повестку на войну.

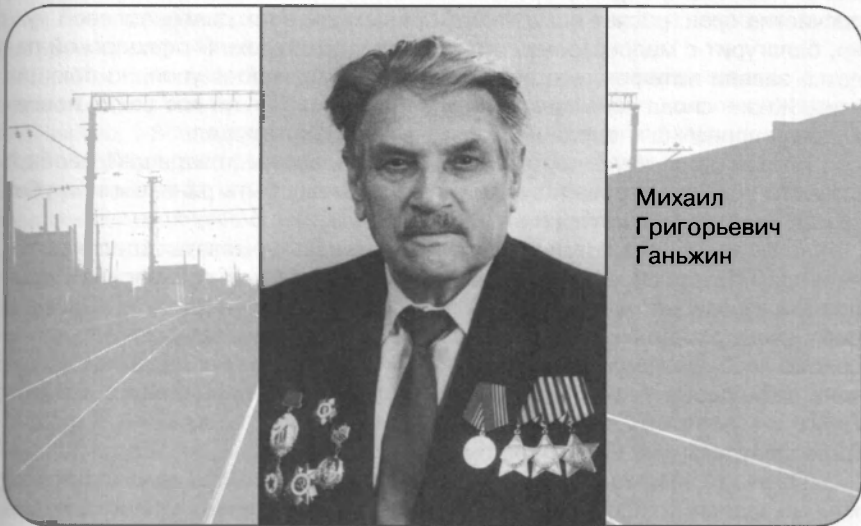
Новобранцев не гнали. Подготовку начали с лыжи. В лыжный батальон, все окрестные деревни. А как выпал снег — и на лыжах. Сначала на огневую подготовку, тактические занятия. Для солдата мотивам его направили в 1-ю гвардейскую дивизию. После непродолжительной подготовки и сейчас стояла на передовой. До своих рот и взводов, как подняли. «Мы еще посмотрим, какой ты снайпер» — вперед!»

В лесах Брянской области, — вспоминает Михаил. Батальон пошел в наступление, во второй эшелон, прикрывать тылы. Перебравшись, вышли из-под огня, а мы, солдаты, шли, пока не уперлись в немцев. Командующий, показал наган: «Пристрелялись, окопались. Фашисты палат из подсолнухов. Мы в ответ в белый свет, как в копеечку.

Такая стрельба поднялась, оглох с непривычки. Расстреляли боезапас, лежим ни живы ни мертвы. Притихли и с той стороны, изредка поливают автоматными очередями. Ночью поступила команда на отход. Очень нам повезло, что не двинул немец на нас, малую горстку, танки, не бомбил, не контратаковал. Остались живы.

Один год, один месяц и один день находился на передовой солдат Ганьжин. Дважды был ранен, но все заканчивалось перевязками в медсанбате. Хранила судьба молодого солдата. В боях под Киевом он уже командовал пулеметным расчетом. Пригодились в боях полученные в школе навыки: подхватил снайперскую винтовку, выпавшую из рук раненого товарища. «На его счету 15 вражеских солдат и офицеров», — так писали о нем «Боевой листок» и дивизионная газета.

— Когда форсировали Днепр, вот страху натерпелись, — вспоминает старый солдат, — но и тут повезло, высочили на другой берег всем пулеметным расчетом, бегом в лесок. Удачно выбрали позицию, замаски-



Михаил
Григорьевич
Ганьжин

ровались. Тут и немцы, да не просто какие-нибудь тыловики, а СС. По всему видно, хотели под шумок в наш тыл пройти. Тут мы весь взвод и уколошили. Гляжу, один убегает, я сгоряча за ним: «Хенде хох!» Немец понял, что мы в кустах «тет-а-тет», развернулся и со штыком на меня. Едва увернулся, выстрелил ему в ногу. Раненый, а все тянется ко мне. Пока его командир взвода не срезал очередь.

Получив первую Славу за форсирование Днепра, пошел солдат дальше. Чаще всего с боями. У десантников особый стиль войны: в лоб ходили редко, рейдовали по флангам, просачиваясь во вражеские тылы. А уж там — не робей! Чаще всего пешком, бывало, по два-три раза случалось одной дорогой пользоваться. Война — тяжелый труд. Причем далеко не всегда известно, кто кого окружает.

Так и случилось у деревни Марьяновки. Ушла группа десантников далеко вперед. Где было сказано, заняли оборону, начали окапываться. Маскировку взял на себя свежеевыпавший снежок. В нескольких сотнях метров в морозном тумане проглядывалась дорога. Под утро по ней густо повалили машины, в кузове солдаты в белых халатах. По сводкам — наши. Когда сообразили, что ошиблись, было уже поздно, сами оказались у них в тылу.

В момент отступления, перебегая открытое место, попали под пулеметный огонь истребителей, разбежались кто куда. Остался один в поле не воин. Но скумекал, набежал на своих, хотя душа не раз в пятки уходила.

Вторым орденом его наградили в сентябре 1944 года, когда шли бои в Карпатах. Михаил Ганьжин с пулеметом залег на левом фланге батальона. Около роты фашистов под прикрытием гористой и лесной местности решили отсечь часть нашей обороны, скрытно двинулись в тыл.

— Тут я, отчаянная голова, решил сам их отсечь. Обошел, присмотрел подходящую расселину в каменных глыбах, удобно залег, открыл огонь. Наши добавили со своей стороны. Полегло немчуры немало. Кто их тогда считал? Когда вернулся в роту, командир похвалил, на этом все и кончилось. Да и я не придал эпизоду особого значения. Орден нашел меня только после демобилизации.

Может ли война стать привычной? Рассуждая по-солдатски, приходим мы к одному выводу с Михаилом Григорьевичем: видимо, как ни странно, может. Только что гремел бой, атака отбита. Набив пулеметные диски, расчистив окоп, расчет покуривает, принохивается к дымку полевой кухни, балагурит с медсестрами, что пришли с осмотром. В офицерской палатке завели патефон, его звуки не заглушают голоса упоенно поющих птиц. Жизнь снова налаживается. Возникает особая, но все равно повседневная привычная чередка нескончаемых солдатских дел.

Нельзя привыкнуть к атакам, бомбежкам, потере товарищей, необходимости убивать, угрозе попасть в плен, самому быть раненым или убитым. К моментам, о которых не расскажешь...

— В городе Горностальполь довелось нам штурмовать отдельно стоящий дом. Прозвали его Коммуной. Ничего не скажешь, прекрасная у немцев была позиция: крепкие стены, на горе, обзор на несколько километров. Трижды ходили в лобовую атаку, но, теряя товарищей, отползали не солоно хлебавши в свою низинку. Сажали из минометов, пулеметов, бухала артиллерия — все безуспешно. Немцы держались за него зубами. Долго и мучительно барахтались, пока штрафники не помогли. Страшно было смотреть, как шли они на смерть.

Осенью 1944 года основательно зацепило сержанта Ганьжина осколком, оказался в госпитале. Поправился, получил назначение на курсы младших лейтенантов при штабе 4 Украинского фронта. Так случилось, что курсы располагались на территории лагеря смерти Освенцим, где фашисты уничтожили около пяти миллионов узников.

— Экскурсий тогда никто не устраивал, — темнеет лицом Михаил Григорьевич, — ходили в свободное от учебы время, приглядывались. Ведь что поражает? Как можно столь нечеловеческое дело организовать в таких масштабах! Бараки, обтянутые колючей проволокой, нары в три яруса, каменный пол. Чистенькая с молодыми деревцами территория, каменные дороги и проходы. Культурненький крематорий, где рядом с каждым рабочим местом висел белый халат, тут же тумбочка с мылом, полотенцем. Все ставили на века. Если бы не наш солдат...

Проучившись четыре месяца, каждую ночь ждали отправки на фронт. Приказа все не было. А тут и 9 мая подошло, не нужны оказались офицеры. Так и закончил он Великую Отечественную в звании старшины.

Но еще два года пришлось повоевать. Красноуфимский полк Сибирской дивизии, где Михаил Григорьевич нес службу, перевели, оставив на военном положении, под город Черновцы на Западной Украине. Это сейчас бандеровцы стали героями на «ридной батькивщине», а тогда из «схоронов» носа не высовывали.

— Стояли в одном из приграничных мекнули: «Завтра придет бандера за нами, но вышли. По пути набежали на следках винтовку, в снегу другую. Организовали сам залег чуть в стороне от тропы. Когда бандера приступила к прочесыванию.

...Он выскочил из тумана несколько без оружия. Я крикнул: «Стой!», но он не вышел к лесу. Приложился, выстрелил, ранил, как он в меня целится. Тут уж кто-то из документов вышло, что это был руководитель подполья. В «Особом» на орден...

После пяти лет службы вернулся на месячные курсы, стал поездным кондуктором. Для молодого электровозника паровоза, прослужив два столетия, только 40 лет. Интересны воспоминания старых паровозников.

— Перед поездкой первым делом весом бидона мазута, бидон антинаки, син, паклю... Все поднимаешь на паровозе «ФД» — 26 бунк, которые надо заправить бидометра воды и 22 с половиной тонны сжигали переполненный тендер. И не за...

В дороге задача кочегара подавать пар, когда работает стокер — винт из тендера, — а если он встал? Можно бы такую картину: рядом с тяжело дышащим сыплет из ведра песок на рельсы для того, чтобы паровоз не застрял. Но про суток домой не возвращались — не...

Приехал — хлопот не меньше. На паровозе, обтереть паровоз до немыслимых размеров, смазать. Вид у него всегда должен быть чистым к работе.

Сдал Михаил на помощника машиниста. Ответственная: следить за водой и паром, смазка паровоза. Как лучший производитель Свердловск в дорожную техническую школу.

На права помощника машиниста и сдал на экзаменах и сдавал самостоятельно.

В работе, как и на фронте, особо не рисковал. На паровозе (на маневровом паровозе — в одно: машинист да составитель) последней минутки смены гляди в оба! Весу поезда брать, и выше, но все кончалось регонов, затребования вывозного локомотива. Знак «Почетный железнодорожник» дарят.

Сегодня Михаил Григорьевич Ганьжин в Перми-2. Живется старому солдату не плохо, лицом к лицу встречает невзгоды, «белые» события в жизни страны, железнодорожное дело. Пытаясь вникнуть в суть реформ, «России без транспорта не быть. Переф...

открытое место, попали под пулеметный огонь. Кто куда. Остался один в поле не воин. Душа не раз в пятки уходила.

В сентябре 1944 года, когда шли бои, пулеметом залег на левом фланге батальона, прикрытием гористой и лесной местности. Солдаты, скрытно двинулись в тыл.

Решил сам их отсечь. Обошел, присмотрелся к глыбам, удобно залег, открыл огонь. Полегло немчуры немало. Кто в роту, командир похвалил, на этом все. Эпизоду особого значения. Орден нашел.

Вот такой? Рассуждая по-солдатски, приходим к Григорьевичу: видимо, как ни странно, атака отбита. Набив пулеметные диски, он, приняв, идет к дымку полевой кухни. Пришли с осмотром. В офицерской палате не заглушают голоса упоенно поющих. Возникает особая, но все равно повсеместная солдатских дел.

В бомбежках, потере товарищей, необходимости в плен, самому быть раненым или убитым — расскажешь...

Подошло нам штурмовать отдельно стоящий. Ничего не скажешь, прекрасная у немцев, на горе, обзор на несколько километров. Атаку, но, теряя товарищей, отползали некуда. Садил из минометов, пулеметов, брызжало. Немцы держались за него зубами. Пока штрафники не помогли. Страшно.

Вот так зацепило сержанта Ганьжина осклачивался, получил назначение на курсы 4 Украинского фронта. Так случилось, что в лагерь смерти Освенцим, где фашисты держали узников.

Устраивал, — темнеет лицом Михаил Григорьевич, — учить время, приглядывались. Ведь это человеческое дело организовать в таких условиях проволокой, нары в три яруса, каменными деревьями территория, каменные крематории, где рядом с каждым рабом, тут же тумбочка с мылом, полотенцем. Наш солдат...

Каждую ночь ждали отправки на фронт. Когда подошло, не нужны оказались офицерские звания в звании старшины.

Повоевать. Красноуфимский полк Сибирского фронта нес службу, перевели, оставив на Черновцы на Западной Украине. Это сейчас «родной батькившине», а тогда из «схо-

— Стояли в одном из приграничных сел. Вечером местные жители наметнули: «Завтра придет бандера за одеждой, продовольствием». Затем вышли. По пути набежали на след по вчерашнему снегу, нашли в кустах винтовку, в снегу другую. Организовал две засады лицом к деревне, сам залег чуть в стороне от тропы. Когда рассвело, в село вошла рота солдат, приступила к прочесыванию.

...Он выскочил из тумана неожиданно, бежал легко и, кажется, был без оружия. Я крикнул: «Стой», но он вильнул в сторону, направляясь к лесу. Приложился, выстрелил, ранил его. Подбегаю к упавшему и вижу, как он в меня целится. Тут уж кто кого. Только я оказался проворнее. Потом из документов вышло, что это был районный пропагандист, один из руководителей подполья. В «Особом отделе» заверили, что подали документы на орден...

После пяти лет службы вернулся старшина в родные края. Пройдя месячные курсы, стал поездным кочегаром в паровозном депо Кунгур. Для молодого электровозника паровоз — что мамонт. А ведь старый трудяга, прослужив два столетия, только 40–50 лет как ушел на запасной путь. Интересны воспоминания старых паровозников!

— Перед поездкой первым делом на склад, получаешь два по пуду весом бидона мазута, бидон антинакипина, плюс масло, вискозин, керосин, паклю... Все поднимаешь на паровоз. На «Феликсе Дзержинском» — «ФД» — 26 бидонов, которые надо заправить и залить мазутом. В тендере 44 кубометра воды и 22 с половиной тонны угля. Только за поездку, бывало, сжигали переполненный тендер. И не забудь заправить песком песочницы.

В дороге задача кочегара подавать уголь в лоток для помощника. Хорошо, когда работает стокер — винт как в мясорубке, подающий уголь из тендера, — а если он встал? Можно было видеть на крутом подъеме и такую картину: рядом с тяжело дышащим паровозом резво бежит кочегар, сыплет из ведра песок на рельсы для лучшего сцепления. Бывало, четверо суток домой не возвращались — не было смены, крутили с оборота.

Приехал — хлопот не меньше. Набрать воды, выгребсти золу из зольника, обтереть паровоз до немыслимого блеска, особенно пассажирский, смазать. Вид у него всегда должен быть праздничным, а механизмы готовыми к работе.

Сдал Михаил на помощника машиниста. У него задача другая, не менее ответственная: следить за водой и паром, что обеспечивают тягу; осмотр, смазка паровоза. Как лучший производственник Михаил Григорьевич едет в Свердловск в дорожную техническую школу получать право управления.

На права помощника машиниста и машиниста тепловоза он готовился и сдавал самостоятельно.

В работе, как и на фронте, особо не совался, но был отчаянным и не боялся рисковать. На паровозе (на маневрах) работали в два лица, на тепловозе — в одно: машинист да составитель, вот и вся бригада. От первой до последней минуты смены гляди в оба! Приходилось и двойные нормы по весу поезда брать, и выше, но все кончалось благополучно, без задержек перегонных, затребования вывозного локомотива. Тридцать один год в поездках: знак «Почетный железнодорожник» даром ни раньше ни сейчас не дается.

Сегодня Михаил Григорьевич Ганьжин — ветеран локомотивного депо Пермь-2. Живется старому солдату не просто, как и другим. Но не жалуется, лицом к лицу встречает невзгоды, «болячки», остро воспринимает последние события в жизни страны, железнодорожного транспорта, коллектива депо. Пытаясь вникнуть в суть реформ, рассуждает по-солдатски здраво: «России без транспорта не быть. Переформирует силы — и снова в бой».

Суворовский характер

Василий
Александрович
Суворов

Спешим предупредить неизбежный вопрос внимательного читателя: хоть ветеран войны Василий Александрович Суворов и живет в Нижнем Тагиле, он не принадлежит к тагильской династии Суворовых, о которых мы писали во второй главе. В России много Суворовых; наверно, все они вольно или невольно оглядываются на своего великого однофамильца, так что даже и фамилия порой прибавляет крепости стране.

На самом деле, ведь и дивизионная газета рассказала об одном фронтовом эпизоде с участием нашего тагильчанина в корреспонденции под заголовком: «Суворов дрался по-суворовски». А дело было так. Командир полка вызвал группу разведчиков и поставил перед ними боевую задачу: ночью пробраться в тыл противника, произвести разведку, определить наличие сил, огневых средств, их расположение. Пойдут пятнадцать бойцов.

— Разрешите выполнять? — взял под козырек Суворов.

— Выполняйте! Желаю успеха, — напутствовал командир полка.

Под прикрытием темноты группа бесшумно просочилась через линию фронта. Были добыты ценные сведения. На обратном пути напоролась на гитлеровцев, завязался бой. Однако все обошлось благополучно. Вернулись все. За умелый ночной поиск Василий Александрович был отмечен орденом Красной Звезды. Вот об этом ночном рейде и рассказывала газета.

Но за три фронтовых года запоминающихся эпизодов в памяти ветерана осталось немало. Пожалуй, более других запомнился самый первый бой. Дело было на Курской дуге, то есть летом 1943 года.

Тут надо пояснить, что воевал Василий Александрович не с начала войны: когда гитлеровцы напали на нашу страну, его возраст был еще не призывной — семнадцать лет. Он тогда учился токарному делу в ремесленном училище. Правда, они с другом-ровесником пытались было записаться добровольцами, но военком их отправил домой: без вас, дескать, управимся. Не управились. Правда, до призыва ребята поработали на оборонном заводе, тут от их услуг не отказались. Точили детали для минометов «катюша». Работа на поток; для того, чтоб в совершенстве освоить одну операцию, особого мастерства не требовалось, а нужны были только прилежание и выносливость. И, наверно, это было впервые с начала войны, когда Василий проявил свой суворовский характер: он стал в цехе одним из первых «тысячников». Тогда у них это слово означало: 1000 деталей за смену, гораздо больше нормы. Его даже премировали — выдали новенькую парадную форму ремесленника.

А через год подошел возраст — прислали повестку. На фронт посылать не спешили: там толку было мало от таких вот зеленых, не обученных

военному ремеслу юнцов: нужны были правила в пехотное училище, и окончил войны: боевое крещение младший сказано, на Курской дуге.

Только стрелковый взвод вышел впереди немецкие танки! Начали оканчиваются. Да не успели. Смотрит Василий, как горит, жжется к его окопчику. Пули, как горит, жжется, движется... И вот она совсем молодого солдата, и скрежещут над головой.

Эту картину наблюдал со стороны (ко) друг Василия Петя Соколов. А посреди уцелевших, то он и решил: все не мешкая, в Нижний Тагил: «Пал в бою».

А Василий не погиб, его откопал са, но раненного достаточно легко. И на радость родным, снова отправился.

Длинными и трудными оказались. Было много боев, были награды. на гимнастерке за ранения и контузы он не был отмечен, но его военный труд.

А в конце 1945 года лейтенант Суворов пришел в электродепо Смычка:

— Возьмите в слесари!

Его первая рабочая смена состояла из года бывший фронтовик водил поезд. вагона, изучил сложную аппаратуру. Мастер, к которому вначале определили. ренно поговаривал: хороший механик. на машину. Да и любит он ее.

Свой электропоезд под номером 697. тельно, холил и лелеял. Уж как только. ки проверит, проводки прощупает. С грустью говорит сегодня об отмене. к электропоездам уже не относятся, чужие.

А Василий тогда свой локомотив. знал, на что он способен. Поэтому-то. в полтора-два раза тяжелее обычных. пила слава мастера вождения тяжелой. ного знатока машины, человека, умею. вычайной ситуации.

Интересна и показательна оценка. давали движенцы. По мнению опытно. гильского отделения Ивана Павлова, ча был знаком многим диспетчерам. ке создавалась сложная обстановка. Пр. сборный состав по станции Старатель. пойти на это, сборный обречен на д. нется спешка. Диспетчер посмотрел. машиниста.

— Пустить сборный впереди элект.

— Обязательно. Суворов едет. Он держит. Сам убедишься.

избежный вопрос внимательного читателя: Василий Александрович Суворов и живет ли он принадлежит к тагильской династии Суворовых? А дело было так. Командир полка и поставил перед ними боевую задачу: разведка, произвести разведку, определить расположение. Пойдут пятнадцать бойцов. Василий взял под козырек Суворов.

Взят под козырек Суворов. Командир полка, — напутствовал командир полка. Группа бесшумно просочилась через линию фронта. На обратном пути напором. Бой. Однако все обошлось благополучно. Василий Александрович был доволен. Вот об этом ночном рейде и рассказываются эпизоды в памяти ветерана.

Более других запомнился самый первый эпизод, то есть летом 1943 года. Василий Александрович не с начала войны в нашу страну, его возраст был еще не призывным. Учился токарному делу в ремесленном училище. Попытались было записаться в армию, но не удалось. Василий Александрович отправил домой: без вас, дескать, управлюсь. Призыва ребята поработали на оборонном заводе. Точили детали для минометов. Василий Александрович, чтоб в совершенстве освоить одну из деталей, требовалось, а нужны были только призывники. Это было впервые с начала войны, Василий Александрович: он стал в цехе одним из призывников. Это слово означало: 1000 деталей за год. Его даже премировали — выдали новенький инструмент.

Василий Александрович — прислали повестку. На фронт посылали мало от таких вот зеленых, не обученных

военному ремеслу юнцов: нужны были подготовленные люди. Василия направили в пехотное училище, и окончил он его к самому пиковому моменту войны: боевое крещение младший лейтенант Суворов получил, как уже сказано, на Курской дуге.

Только стрелковый взвод вышел из леса, как поступило сообщение: впереди немецкие танки! Начали окапываться, устанавливать пулеметы. Да не успели. Смотрит Василий, как огромная железная машина приближается к его окопчику. Пули, как горох, отлетают от ее брони. А она движется, движется... И вот она совсем уже рядом, и уже земля засыпает молодого солдата, и скрежешут над головой танковые гусеницы...

Эту картину наблюдал со стороны (самому-то тоже пришлось несладко) друг Василия Петя Соколов. А поскольку после боя друга не оказалось среди уцелевших, то он и решил: все, нету больше Васи. Так и написал, не мешкая, в Нижний Тагил: «Пал в бою смертью храбрых».

А Василий не погиб, его откопали — еле живого от пережитого ужаса, но раненного достаточно легко. И сразу — в медсанбат. Отлежался и, на радость родным, снова отправился воевать.

Длинными и трудными оказались для Василия Суворова дороги войны. Было много боев, были награды. А еще появились четыре нашивки на гимнастерке за ранения и контузию. Самыми высокими наградами он не был отмечен, но его военный труд продолжался до самой Победы.

А в конце 1945 года лейтенант Суворов демобилизовался. И сразу пришел в электродепо Смычка:

— Возьмите в слесари!

Его первая рабочая смена состоялась в тот же день. А уже через полгода бывший фронтовик водил поезд. Он быстро освоил схемы электропровода, изучил сложную аппаратуру. Машинист Аркадий Иванович Широков, к которому вначале определили Суворова помощником, удовлетворенно поговаривал: хороший механик выйдет из Василия. Есть у него чутье на машину. Да и любит он ее.

Свой электропоезд под номером 697 Василий Александрович, действительно, холил и лелеял. Уж как только не чистил, не смазывал! Все винтики проверит, проводки прощупает, чтобы, не дай бог, в пути не подвели. С грустью говорит сегодня об отмене «прикрепленной езды». Так теперь к электропоездам уже не относятся, чужие они машинистам стали.

А Василий тогда свой локомотив чувствовал, как живое существо, знал, на что он способен. Поэтому-то и удавалось ему водить составы в полтора-два раза тяжелее обычных. Постепенно за Суворовым закрепилась слава мастера вождения тяжеловесных поездов. И непревзойденного знатока машины, человека, умеющего найти выход из любой чрезвычайной ситуации.

Интересна и показательна оценка мастерства Суворова, которую давали движенцы. По мнению опытного командира движения Нижнетагильского отделения Ивана Павлова, «почерк» Василия Александровича был знаком многим диспетчерам. Однажды на Свердловском участке создалась сложная обстановка. Приходилось решать, пропускать ли сборный состав по станции Старатель впереди электропоезда. Если не пойти на это, сборный обречен на долгую стоянку. Значит, потом начнется спешка. Диспетчер посмотрел на бланк, где записана фамилия машиниста.

— Пустить сборный впереди электрички?

— Обязательно. Суворов едет. Он так водит поезд, что никого не держит. Сам убедишься.

Действительно, Василий Александрович нигде не занимал перегон больше положенного, на станции въезжал быстро. Электропоезд непрерывно двигался под зеленые огни светофоров.

Каждую поездку он привык подробнейшим образом анализировать: вот в этой ситуации поступил правильно, а тут ошибся. Из того и другого по крупицам складывался опыт, знание маршрутов и понимание электровоза.

Спустя некоторое время машинисту Суворову поручают водить пассажирские поезда. Тщательное изучение инструкций, дополнительные занятия помогли ему быстро освоить новое дело. Помогали мастерство и природное трудолюбие. Он умел и не боялся брать ответственность на свои плечи.

Как-то он привел пассажирский поезд на станцию Моховое. Истекли отведенные графиком две минуты стоянки, но выходной светофор не открывали. Василий Александрович забеспокоился: почему не дают сигнал на отправление? Оказалось, что на перегоне «растянулся» грузовой.



К Суворову по радиосвязи обратился дежурный по станции: дескать, помогите грузовому. И начальник станции подошел:

— Ну что, поехали, машинист?

Василий поинтересовался: а у грузового электровозы исправны? И какой вес поезда? Оказалось, и с электровозами все в порядке, и вес в норме.

Но если отцепиться от пассажирского, вывести грузовой поезд, затем снова заезжать под состав, тормозить — сколько времени уйдет! И, немного поразмыслив, Василий пришел к другому решению.

— Пошли к поезду, — сказал он, спускаясь из кабины на землю.

Машинист товарняка, увидев Суворова, стушевался:

— Напряжение снизилось, ток слабый, вот я и остановился. А теперь не могу взять с места.

Василий Александрович быстро осмотрел локомотив, поднялся в кабину:

— Разрешаю-ка мне.

Сел в кресло машиниста, включил задний ход. Вначале состав сдвинулся назад, а затем неуловимо как-то пошел и пошел вперед, к входному

светофору, к станции. Поравнявшись с

— Счастливого тебе, — крикнул машинист.

Вернувшись на свой электровоз,

— Все в порядке! Открывай сигнал.

А пассажирский Суворова «выбил».

И началась борьба за минуты.

Было привычным делом. Знание, умение использовать ее возможности — волею судьбы и создали тот опыт, об эффективности которого говорили в депо.

В его практике встречались и не так сложная ситуация. Поравнявшись с светофором на участке до Алапаевска не так сложная ситуация. Поравнявшись с светофором на участке до Алапаевска не так сложная ситуация. Поравнявшись с светофором на участке до Алапаевска не так сложная ситуация.

За более чем три десятка лет работы Суворов не имел ни одного ученика. Смеется: «Пальцев не считал. Горжусь искренне: знаете, какие люди работали на электровозах? Дмитрий Петрович Якимович, Вячеслав Сергеевич Бармин, Булат Валентинович Лупей. Я их обкатывал, говорил мне за это «спасибо».

Сегодня ветераны частенько встречаются. Как осваивали новые электровазы, как выходили из нештатных ситуаций, как играли в шахматы. Настоящие турниры устраивались у Василия Александровича. Суворов любил в свое время ходить по железным дорогам, цели держал.

Большую трудовую жизнь прожил Суворов. Он воевал, по-суворовски служил.

Александрович нигде не занимал перегон
и въезжал быстро. Электропоезд непре-
менно световых.

более подробнейшим образом анализировать: вот
но, а тут ошибся. Из того и другого по кру-
маршрутов и понимание электровоза.

машинисту Суворову поручают водить пас-
сажирские электропоезда, дополнительные
инструкции, дополнительные
новые дело. Помогали мастерство
мел и не боялся брать ответственность

поезд на станцию Моховое. Истекли
стоянки, но выходной светофор не от-
ключился: почему не дают сигнал
на перегоне «растянулся» грузовой.



Василий
Александрович
Суворов

обратился дежурный по станции: дескать,
с станции подошел:

а у грузового электровоза исправны?
и с электровозами все в порядке, и вес

пассажирского, вывести грузовой поезд, за-
тормозить — сколько времени уйдет!
он пришел к другому решению.

он, спускаясь из кабины на землю.

Суворова, ступавшаяся:

я слабый, вот я и остановился. А теперь

он осмотрел локомотив, поднялся в ка-

ключил задний ход. Вначале состав сдви-
ж-то пошел и пошел вперед, к входному

светофору, к станции. Поравнявшись с пассажирским, Суворов спрыгнул.

— Счастливого тебе, — крикнул машинисту.

Вернувшись на свой электровоз, вызвал дежурного по станции:

— Все в порядке! Открывай сигнал нечетному на вход.

А пассажирский Суворова «выбил» из графика почти на полчаса.

И началась борьба за минуты. Для Василия Александровича это
было привычным делом. Знание, чувство машины, умение эффективно
использовать ее возможности — все эти качества накапливались года-
ми и создали тот опыт, об эффективности которого с восхищением го-
ворили в депо.

В его практике встречались и не такие еще примеры. Нагнать 25 ми-
нут на участке до Алапаевска не так сложно, как, скажем, 10 минут до Вер-
хотурья. Но Суворов и там вводил в график поезда, опаздывающие на 40
минут. Опираясь только на свое мастерство.

За более чем три десятка лет поездной работы Суворов воспитал не-
мало учеников. Смеется: «Пальцев не хватит, чтобы всех сосчитать». Но
гордится искренне: знаете, какие люди сидели за левым крылом моего
электровоза? Дмитрий Петрович Якимов, получивший за труд орден Ле-
нина, Вячеслав Сергеевич Бармин, будущий почетный железнодорожник,
Валентин Петрович Лупей. Я их обкатывал в машинисты. И они не забы-
вали говорить мне за это «спасибо».

Сегодня ветераны частенько встречаются в депо. Им есть что вспо-
минать. Как осваивали новые электропоезда, боролись во время поездок со
стихией. Как выходили из нестандартных ситуаций. А в редкие часы отдыха —
играли в шахматы. Настоящие турниры устраивали. Не забывали поинте-
ресоваться у Василия Александровича, успешной ли была охота. Знали,
что Суворов любил в свое время ходить на зайцев, даже легавых для этих
целей держал.

Большую трудовую жизнь прожил Василий Александрович. По-суво-
ровски воевал, по-суворовски служил железной дороге.

«Остается в сердце ветерана...»

Михаил
Евлампиевич
Жбанов

Когда-то Евтушенко написал: «Стихи читает вся Россия, и пол-России пишет их». Броско, но не точно. Понятно, что поэтическое преувеличение, но даже и с учетом соответствующего «коэффициента» реальная картина выглядит иначе: и во времена, когда писались те строки, и уже тем более сейчас читали и читают стихи как раз немногие, а вот пишут действительно почти все. Пишут, вовсе не претендуя на поэтические лавры, а потому, что это нужно для души. В размеренных и рифмованных строках приобретают какую-то совершенно необходимую для душевного равновесия упорядоченность разрозненные и противоречивые впечатления прожитой жизни. Вот почему к стихотворной форме даже чаще, чем молодые, обращаются уже в преклонных годах ветераны. Для кого-то важно воссоздать ход давних событий — и он пишет мемуары, а другому хочется навести порядок в собственной душе — и он рифмует стихи.

Михаил Евлампиевич Жбанов писал стихи. Герой одного из его стихотворений — ветеран. Такой же, как он сам.

...Битвы гром с рассвета до рассвета
От него теперь уж далеко,
Как давным-давно все было это,
Даже и представить не легко.
Выстоял, зарубцевались раны,
Но, как мета времени того,
Остается в сердце ветерана
Все, что пропустил через него.¹

В сердце ветерана-артиллера, Героя Советского Союза Жбанова навсегда остался Днепр.

По очеркам предыдущей главы читатель, мы надеемся, достаточно хорошо представляет себе, как это было. Взвод противотанковых пушек, которым командовал сержант Жбанов, переправлялся на пароме через реку вместе с подразделением пехоты глубокой ночью. Хотя, естественно, не тайком: стрельба с правого берега велась отчаянная. Тем не менее под покровом темноты благополучно миновали основное русло — и тут шальной снаряд взорвался у самого паромы. Паром разломился, пушка ушла под воду. К счастью, уже на мелководье. Сержант сбросил шинель и сапоги и кинулся в воду. Солдаты помогли — пушку вытащили. Вначале на небольшой песчаный островок, а потом уже сумели перебраться

¹ Цит. по книге «Подвигу жить века». С. 17.

и на берег. К утру оборудовали и закрепили позиции для ведения стрельбы прямой наводкой. А утром — вспоминали очевидцы, развернутым стрельбой по танкам и пехоты в фильме «Чапаев». Пожары на психику давят», — подумал командир. Ближе. Подпустили метров на сто и — еще, и еще!.. Атака захлебнулась. Но работали наши позиции огнем своих пушек с результатом! Однако на этот раз было трудней: их ряды после вражеской атаки и самому командиру взвода встать к парому помогли стрелковому батальону сдерживать Днепр. За участие в Днепровской операции удостоен высшей воинской награды —

До того времени, как поперек его пути встал Днепр. Михаил Евлампиевич был уже опытным солдатом, звали в январе 1942 года, за полгода до этого фронт он попал сержантом-артиллеристом. Он сразу же повел себя решительно, приказав отойти от берега. Это, можно сказать, артиллерийский бой, надо было скрытно вывести свои орудия и хладнокровно расстреливать вражеские позиции. Или же поджидать у дороги движущиеся танки и расстреливать их огнем на близком расстоянии. Такая рискованная тактика принесла успех. В результате были отмечены орденом Отечественной войны I степени и многими медалями.

И после переправы через Днепр Михаил Евлампиевич продолжал воевать (прежде всего, участвовал в боях со своим взводом расчищая путь для танков). Он уничтожил два танка, причем один — сильно ранен (причем уже не в первый раз) и отпустили с фронта домой. Где-то в начале 1944 года (тут источники расходятся).

А дом у Михаила Евлампиевича Жбанова там родился в ноябре 1909 года в семье рабочего. Он рос с его сверстниками, в общеобразовательной школе. Уже после пятого класса пошел в школу. Работал в течение нескольких лет на заводе В. В. Куйбышева. Был, как многие, политически активным, двадцати лет отослал его учиться в Центральную школу. А в 1936 году направили на укрепление. Сразу разрешим сомнение читателя: личная работа Жбанова отношения не имела к военной.

И по возвращении с фронта Михаил Евлампиевич продолжал работать на железную дорогу, а на Высокогорский агломерат там мастером до 1964 года. И личная работа Жбанова отношения не имела к военной.

На железной дороге ветеран войны работал, по ведомству финансового отдела, —

я в сердце

1...»

писал: «Стихи читает вся Россия, и пол-Рос-
си, но не точно. Понятно, что поэтическое пре-
дставление о соответствующем «коэффициен-
те» выглядит иначе: и во времена, когда писа-
тели более сейчас читали и читают стихи как
поэты действительно почти все. Пишут, вовсе
не лавры, а потому, что это нужно для
установленных строк приобретают какую-
то дешевую равномерность упорядоченность
впечатления прожитой жизни. Вот поче-
му, чем молодые, обращаются уже в пре-
дставлении важно воссоздать ход давних собы-
тий, а другому хочется навести порядок в соб-
ственных стихах.

Жбанов писал стихи. Герой одного из его сти-
хов — как он сам.

с рассвета до рассвета
уж далеко,
но все было это,
оставить не легко.
ослевались раны,
время того,
судьба ветерана
пустил через него.

героя, Героя Советского Союза Жбанова

главы читатель, мы надеемся, достаточно
это было. Взвод противотанковых пушек,
Жбанов, переправлялся на пароме через
пехоты глубокой ночью. Хотя, естествен-
ного берега велась отчаянная. Тем не ме-
неполучно миновали основное русло —
у самого паромы. Паром разломился,
уже на мелководье. Сержант сбросил
Солдаты помогли — пушку вытащили.
остров, а потом уже сумели перебраться

и на берег. К утру оборудовали и замаскировали огневую позицию для стрельбы прямой наводкой. А утром — атака немцев. Те шли, как потом вспоминали очевидцы, развернутым строем и в полный рост — как капеллевы в фильме «Чапаев». Похоже, под сильными парами алкоголя. «На психику давят», — подумал командир и дал команду подпустить их поближе. Подпустили метров на сто и — шарахнули картечью! А потом — еще, и еще!.. Атака захлебнулась. Но, собравшись с силами, немцы обработали наши позиции огнем своих батарей и повторили атаку. С тем же результатом! Однако на этот раз артиллеристам Жбанова удержаться было трудней: их ряды после вражеских обстрелов поредели. Пришлось и самому командиру взвода встать к прицелу. Но — выстояли. И своим огнем помогли стрелковому батальону с минимальными потерями форсировать Днепр. За участие в Днепровской операции сержант Жбанов и был удостоен высшей воинской награды — звания Героя Советского Союза.

До того времени, как поперек его фронтового пути пролег Днепр, Михаил Евлампиевич был уже опытным фронтовиком. В армию его призвали в январе 1942 года, за полгода научили военному ремеслу, и на фронт он попал сержантом-артиллеристом в июле того же года. На фронте сразу же повел себя решительно: предпочитал работать прямой наводкой. Это, можно сказать, артиллерийский аналог рукопашного боя. Чтоб вести такой бой, надо было скрытно выдвинуться на позицию впереди своих войск и хладнокровно расстреливать огневые точки врага почти в упор или же поджидать у дороги движущиеся колонны и технику противника, атакуя их огнем на близком расстоянии. Судя по военным донесениям, такая рискованная тактика принесла весомый успех: взвод Жбанова уничтожил около 150 огневых точек врага, 30 автомашин с войсками и грузами, 20 подвод с боеприпасами и до 300 немецких солдат и офицеров. Эти результаты были отмечены орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и многими медалями.

И после переправы через Днепр Михаил Евлампиевич продолжал успешно воевать (прежде всего, участвовал в освобождении Киева): вместе со своим взводом расчищал путь для пехоты, отбивал танковые атаки (уничтожил два танка, причем один — лично он), но в одном из боев был сильно ранен (причем уже не в первый раз). Подлечив, его «комиссывали» и отпустили с фронта домой. Где-то еще то ли в самом конце 1943-го, то ли в начале 1944 года (тут источники несколько расходятся).

А дом у Михаила Евлампиевича Жбанова был в Нижнем Тагиле. Он там родился в ноябре 1909 года в семье рабочего. Как чаще всего и бывало с его сверстниками, в общеобразовательной школе он учился недолго: уже после пятого класса пошел в школу ФЗУ, освоил профессию слесаря и работал в течение нескольких лет в механическом цехе завода имени В. В. Куйбышева. Был, как многие из рабочей молодежи тех лет, политически активным, двадцати лет от роду вступил в партию. Партия же послала его учиться в Центральную школу войск внутренней безопасности, а в 1936 году направила на укрепление торговой сети Нижнего Тагила. Сразу разрешим сомнение читателя: к железной дороге вся довоенная работа Жбанова отношения не имела.

И по возвращении с фронта Михаил Евлампиевич пошел не на железную дорогу, а на Высокогорский агломерационный комбинат. Он проработал там мастером до 1964 года. И лишь потом, выйдя на льготную пенсию, пришел на железную дорогу.

На железной дороге ветеран войны и труда работал еще одиннадцать лет, по ведомству финансового отдела, — ревизором по контролю поездов

на Нижнетагильском отделении Свердловской железной дороги. Наверно, не следует ожидать, что, работая на такой должности, человек станет предлагать какие-то новаторские решения, технологические новшества, — тут, конечно, более всего ценится ответственность, добросовестность, четкость. Этим качеств фронтовику и опытному производственнику было не занимать. И поэтому его труд на дороге был отмечен знаком «Почетному железнодорожнику» и именными часами от министра путей сообщения.

А когда окончательно ушел на пенсию — всегда был желанным гостем на предприятиях, в воинских частях, в школах. За работу с детьми в школах его даже отметили почетным знаком «Отличник народного просвещения». Свой нравственный опыт успешно передал он и собственным детям. Сын у него стал маркшейдером, дочь — учительницей (между прочим, в железнодорожной школе!). И еще успел понынчить четверых внуков.

Умер он на 84-м году жизни. Хорошие люди живут долго, а память о них — еще дольше.

Всегда на переднем крае

Виктор
Алексеевич
Петухов

Болью в сердце отразилась непривычная тишина в цехах депо. Его родного локомотивного депо, преобразованного нынче в обменный пункт локомотивных бригад. Пусто, зябко, одиноко... Виктор Алексеевич Петухов, опираясь на тросточку, медленно идет мимо осиротевших стоек, замолкших станков, чуть запыленных стендов. «Надо же, какое крепкое хозяйство законсервировали, словно кильку в банке», — с горькой обидой думал он.

— Виктор Алексеевич, здравствуйте! — Молодое незнакомое лицо расплылось в улыбке.

— Я-то здравствую, а вы, смотрю, нет, — сказал, как отрезал.

— Нам же тоже не безразлично, что происходит. Вот обещали, что текущим ремонтом электропоездов заниматься будем, — оправдывался паренек.

— Эх, молодежь, молодежь, — только и махнул рукой ветеран.

Знали бы они, как дороги каждый поворот, каждый камешек, каждый закуток родного депо! Это ведь не просто стены, в которых прошла большая часть жизни многих поколений ишимцев, это история Свердловской железной дороги, Транссиба.

Локомотивное депо Ишим — постоянный лидер отраслевого соревнования — за все годы существования неоднократно занимало первое место. Инициатор многих начинаний, первый на сети коллектив коммунистического труда. Борец за безопасность движения поездов — не было ни одного случая проезда на запрещающий сигнал. Хранитель традиций, воспитавший 103 рабочие династии. И что же дальше будет?

Отец, Алексей Павлович, всю жизнь депо. Умер в апреле 1941 года, когда

Началась война. Особого выбора кроме как идти на «железку». В августе его ровесники, поступил учиться в жесаря по ремонту паровозов. Днем работа за парту постигать азы профессии.

Доучиться не дали. В феврале 1941 ему 18 лет, пришла повестка из военкомата... И сразу на фронт.

Командир взвода разведчиков Первой Курской дуге.

— Самое страшное, когда в воздухе дирижеры. Казалось, что все бомбы их издали: «юнкерсы» — у них лопатки звенели, как большой комар, — вспоминал.

Первая встреча с танками противника под Житомиром... Госпиталь. И снова на фронт.

Наши войска наступали на запад, шли правились через Одер. В феврале 1945 был тяжело ранен в бою.

— Привезли в санчасть. Кругом стоны, адская насквозь, кажется, пронзает. Все твои резвы ножки по земле-матушке. Как

Волной накатывают воспоминания. Санитар, из числа выздоравливающих, цинная горячка.

— Меня еще со стола не сняли, он посмотрел, целы ли ноги. А хирург сказал: «Вылечим».

И снова забытье...

День Победы Виктор Алексеевич Петухов, который вез тяжело раненных солдат, гоним вихрем пронеслась вест: «Война окончилась!» — недоумение, удивление. Почему кончилась? — Поначалу трудно было осмыслить. Плакал, кто смеялся.

Виктора Алексеевича комиссовали в Ишим. Потому что не исполнилось еще и 20 лет, орденом Отечественной войны I степени, орденом «За отвагу».

Домой, в Ишим, вернулся на костылях. Валид второй группы с пенсией 112 руб. (на 1946 г. была 800 руб.). Что делать? Как жить? Начал учиться.

Одногодки, вернувшиеся с фронта, были в паровозное депо, учились на машинистов. «Железку» была закрыта по состоянию завода, что расположен рядом с паровозным депо. Тяжелой физической нагрузки открылись.

— Ну куда я тебя, солдат, дену? — спрашивали. Определили, пока не окрепнет, бригадиром.

Определили, пока не окрепнет, бригадиром. Определили, пока не окрепнет, бригадиром.

Свердловской железной дороги. Наверно, на такой должности, человек станет предшени, технологические новшества, — тут, ответственность, добросовестность, четкость. Для производственнику было не занимать. На дороге был отмечен знаком «Почетному железнодорожнику» от министра путей сообщения. На пенсию — всегда был желанным гостем в семьях, в школах. За работу с детьми в школе был отмечен знаком «Отличник народного просвещения». Он и собственным детям, и внукам, и дочке — учительницей (между прочим, еще успел познакомить четверых внуков).

чем крае

В депо, преобразованного нынче в обменно-ремонтную бригаду. Пусто, зябко, одиноко... Виктор, идя на тротуарчик, медленно идет мимо вышедших станков, чуть запыленных стен. В депо хозяйство законсервировали, словесно-обидой думал он.

— Здравствуйте! — Молодое незнакомое лицо

— Нет, — сказал, как отрезал.

— Что происходит. Вот обещали, что теперь заниматься будем, — оправдывался па-

— только и махнул рукой ветеран.

Каждый поворот, каждый камешек, каждый не просто стены, в которых прошла большая жизнь ишимцев, это история Свердловской

— постоянный лидер отраслевого соревнования неоднократно занимало первое место, первый на сети коллектив коммунистической безопасности движения поездов — не было запрещающий сигнал. Хранитель традиций, истории. И что же дальше будет?

Отец, Алексей Павлович, всю жизнь проработал слесарем в вагонном депо. Умер в апреле 1941 года, когда Виктор заканчивал семилетку.

Началась война. Особого выбора у поселковых пацанов и не было, кроме как идти на «железку». В августе 1941 года Виктор, как и многие его ровесники, поступил учиться в железнодорожное училище — на слесаря по ремонту паровозов. Днем работали в депо, а вечерами садились за парту постигать азы профессии.

Доучиться не дали. В феврале 1943 года, лишь только исполнилось ему 18 лет, пришла повестка из военкомата. Простился с мамой, сестренками... И сразу на фронт.

Командир взвода разведчиков Петухов принимал участие в битве на Курской дуге.

— Самое страшное, когда в воздух поднимались фашистские бомбардировщики. Казалось, что все бомбы летят именно в тебя. Мы различали их издали: «юнкеры» — у них лающий такой звук, а «мессершмитты» звенели, как большой комар, — вспоминает Виктор Алексеевич.

Первая встреча с танками противника за Днепром. Первое ранение в ногу под Житомиром... Госпиталь. И снова фронт. Первые боевые награды...

Наши войска наступали на запад. Освободили Львов, Краков. Переправились через Одер. В феврале 1945 года Виктор Алексеевич Петухов был тяжело ранен в бою.

— Привезли в санчасть. Кругом стоны, крики... Лежу на носилках, а боль адская насквозь, кажется, пронзает. Все, думаю, Виктор Алексеевич, отгуляли твои резвы ножки по земле-матушке. Как же быть, как жить дальше?

Волной накатывают воспоминания...

Санитар, из числа выздоравливающих, удушье наркоза, послеоперационная горячка.

— Меня еще со стола не сняли, очнулся, в шоке приподнялся, чтобы посмотреть, целы ли ноги. А хирург строго так говорит: «Лежи спокойно, вылечим».

И снова забыть...

День Победы Виктор Алексеевич Петухов встретил в санитарном поезде, который вез тяжело раненных солдат на лечение в Грузию. По вагонам вихрем пронеслась весть: «Война кончилась!» — «Как кончилась? Почему кончилась?» — недоумение, удивление и только потом уже радость. Поначалу трудно было осмыслить это грандиозное событие. Кто плакал, кто смеялся.

Виктора Алексеевича комиссовали в августе 1945 года. Солдат, которому не исполнилось еще и 20 лет, был награжден за ратный подвиг орденом Отечественной войны I степени, орденом Славы III степени, медалью «За отвагу».

Домой, в Ишим, вернулся на костылях. Недоучившийся слесарь, инвалид второй группы с пенсией 112 рублей (а булка хлеба в ту пору стоила 800 руб.). Что делать? Как жить? На что?

Одногодки, вернувшиеся с фронта, устроились кочегарами, слесарями в паровозное депо, учились на машинистов. Только Виктору дорога на «железку» была закрыта по состоянию здоровья.

С грехом пополам устроился подручным слесаря на механический завод, что расположен рядом с паровозным депо. В первый же день от тяжелой физической нагрузки открылись раны.

— Ну куда я тебя, солдат, дену? — покачал головой начальник цеха.

Определили, пока не окрепнет, браковщиком: хоть и небольшой оклад, но поспокойней.

Годы молодые, как сладко и как горько вспоминать их. Сероглазая девчонка Людмила давно приглянулась Виктору. Да вот родители взяли и отправили ее к старшей сестре в Москву. Пусть, мол, сначала образование получит, а потом о замужестве думает. Людмила закончила техникум, и ее, счетного работника, направили на Урал, в город Краснотурьинск.

— Разрешите взять отпуск на три дня, жениться поеду, — Виктор обратился к начальнику цеха.

— А справишься? — поинтересовался тот.

— Конечно, — бодро ответил Виктор.

Молодые приехали в Ишим на пятый день. Вместо свадьбы жениха посадили на гауптвахту. Время строгое было, дисциплина военная. Людмила трое суток, которые дали Виктору, так и простояла под окнами каптерки, где был заперт любимый.

(Нынче уже изумрудную свадьбу отметили супруги Петуховы.)



Виктор
Алексеевич
Петухов

Виктор же мечты вернуться в паровозное депо не оставлял. Сколько раз он обивал пороги локомотивной службы Ишимского отделения дороги, но получал отказ. Тесть, Николай Петрович, работавший на станции Исиль-Куль Омской железной дороги, предложил: «Переезжайте к нам, помогу устроиться кочегаром паровоза».

И вправду помог. Как уж он это сумел?

Три года «кочегарил» на паровозе Виктор Алексеевич. Но сердце все равно домой в Ишим рвалось. Мать старенькая одна осталась... Оформили перевод. Начальник отдела кадров депо хмуро посмотрел на Виктора Алексеевича: «Опять ты, Петухов! Без заключения медицинской комиссии не приму».

— Но ведь я уже работал кочегаром! — попробовал возразить Виктор Алексеевич.

— А здесь не будешь, — хлопнул тот по столу кулаком. Потом чуть смягчился: — В цех текущего ремонта паровозов слесарем пойдешь?

— Пойду, — вздохнул Петухов. От мечты стать машинистом паровоза пришлось отказаться. Было это в начале 1951 года.

Через три года Виктор Алексеевич Петухов был назначен бригадиром комплексной бригады по ремонту паровозов.

Как-то подошел к нему мастер

— Вижу, — говорит, — парень ты сишься ли быть моим помощником?

— Конечно, — ответил Виктор Ал

К тому времени он уже понимал, мен, дорога начала переходить на те рукция депо. Учить заново надо было рей, станочников, технологов.

Одной из первых на сети была бригада в паровозном депо Ишим. А сеевич Петухов. И девиз у них в ту по го». Ширилось движение за коммуны бригады Петухова учились — кто в никуме. Виктор Алексеевич, окончив

На базе депо проводили семинары что показать и чем поделиться ишими

В трудовой книжке самого Петухо премирован именными часами министрско-молодежная бригада Петухо коллектива коммунистического труда Социалистического Труда. Так к боев высшая награда Родины за труд.

Делегат XXII съезда КПСС, секретивного депо, председатель Ишимского контроля — вехи биографии, которые, на него равнялись, с него брали пр

Сейчас Виктор Алексеевич Петухотеранов войны и труда.

Он по-прежнему в строю, на пере



и как горько вспоминать их. Сероглазая янулась Виктору. Да вот родители взяли в Москву. Пусть, мол, сначала образожестве думает. Людмила закончила техника, направили на Урал, в город Краснотуна три дня, жениться поеду,— Виктор обрессовался тот. л Виктор. и на пятый день. Вместо свадьбы жениха строгое было, дисциплина военная. ЛюдВиктору, так и простояла под окнами капддьбу отметили супруги Петуховы.)



Виктор
Алексеевич
Петухов

в паровозное депо не оставлял. Сколько вной службы Ишимского отделения дороколай Петрович, работавший на станции дороги, предложил: «Переезжайте к нам, паровоза».

это сумел?

возе Виктор Алексеевич. Но сердце все равть старенькая одна осталась... Оформили в депо хмуро посмотрел на Виктора Алекселючения медицинской комиссии не приму». лючагаром! — попробовал возразить Вик-

опнул тот по столу кулаком. Потом чутьмонта паровозов слесарем пойдешь?

ов. От мечты стать машинистом паровоза в начале 1951 года.

сеевич Петухов был назначен бригадиром ту паровозов.

Как-то подошел к нему мастер цеха Василий Матвеевич Пинягин.

— Вижу,— говорит,— парень ты работающий, добросовестный, согласишься ли быть моим помощником?

— Конечно,— ответил Виктор Алексеевич.

К тому времени он уже понимал, что наступает время больших перемен, дорога начала переходить на тепловозную тягу, всю шла реконструкция депо. Учить заново надо было не только машинистов, но и слесарей, станочников, технологов.

Одной из первых на сети была создана комсомольско-молодежная бригада в паровозном депо Ишим. А руководителем ее стал Виктор Алексеевич Петухов. И девиз у них в ту пору был: «Один за всех и все за одного». Ширилось движение за коммунистическое отношение к труду. Все члены бригады Петухова учились — кто в школе рабочей молодежи, кто в техникуме. Виктор Алексеевич, окончив десятилетку, поступил в институт.

На базе депо проводили семинары, школы передового опыта. И было что показать и чем поделиться ишимцам.

В трудовой книжке самого Петухова более 50 благодарностей, он был премирован именными часами министра путей сообщения СССР. Комсомольско-молодежная бригада Петухова первой на сети получила звание коллектива коммунистического труда. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Так к боевым наградам солдата прибавилась высшая награда Родины за труд.

Делегат XXII съезда КПСС, секретарь партийной организации локомотивного депо, председатель Ишимского городского комитета народного контроля — вехи биографии, которыми можно гордиться. Ему доверяли, на него равнялись, с него брали пример.

Сейчас Виктор Алексеевич Петухов возглавляет городской совет ветеранов войны и труда.

Он по-прежнему в строю, на переднем крае.



св

вв

св

лл

лл

6

1 8

Время

эффективн

хозяев

2 0



1 8 7 8

Время

эффективных

хозяев

2 0 0 3

Советскую экономику нынче принято считать неэффективной. Это даже не «мнение», а как бы аксиома, которая не подлежит обсуждению. Однако стоит познакомиться с развитием нашей железнодорожной отрасли вообще и Свердловской магистрали, в частности, в первые два послевоенных десятилетия, и «аксиома» уже не покажется вам столь непреложной. Слишком разительны перемены, произошедшие здесь за это, в сущности, короткое время, слишком очевидна целесообразность, дальновидность, продуманность и стремительность этих перемен.

О том, в каком состоянии пребывала Свердловская железная дорога к концу войны, мы писали во вступлении к предыдущей главе. Сколь не просто было даже просто поддерживать ее в рабочем состоянии после Победы, не говоря уж о развитии, — об этом даже и говорить излишне. И поэтому представляется настоящим экономическим чудом — вполне сопоставимым с «чудом» возрождения национальной экономики в Германии или в Японии — быстрая и эффективная модернизация нашей дороги, причем примерно в те же сроки!

Прежде всего, произошла полная замена — нет, эти слова не точно выражают суть дела! — произошло революционное изменение всего локомотивного парка. Сначала на смену латаным-перелатанным паровозам, выдержавшим все перегрузки военного времени (многим из них пришлось поработать и в прифронтовой полосе), пришли новые машины и даже новые серии паровозов, но уже с середины 50-х годов выпуск паровозов был вовсе прекращен и начался решительный переход железных дорог на электровозную и тепловозную тягу. К концу следующего десятилетия переход был практически завершен. Новые средства тяги нуждались в совершенно иной базе ремонта и обслуживания, так что пришлось одновременно модернизировать и локомотивные депо. Однако все эти перемены совершались не из соображений престижа (чтобы походить на «цивилизованные» страны), а с точно рассчитанной целью: за счет повышения скорости движения, грузоподъемности поездов и удлинения плеча пробега резко увеличить производительность магистрали и в конечном счете снизить себестоимость перевозок. В свою очередь, это потребовало усовершенствовать организацию перевозок, а для того надо было оснастить маршруты современными средствами сигнализации и автоблокировки... Эта цепочка потянула за собой множество других звеньев, включая, скажем, снегоочистительную технику, строительство новых вокзалов, а уж тем более жилищное строительство.

А чтобы грамотно совершить все эти преобразования, а потом эффективно работать с обновленным, технически гораздо более сложным хозяйством, нужно было переучить практически всех старых и подготовить новых специалистов...

Если мысленно возвратиться в те годы, поднять документы да послушать ветеранов, то обнаружится много неожиданного и поучительного. Во-первых, при всех своих армейских порядках и не отмененном до 1955 года военном положении, железнодорожная отрасль вовсе не была причислена к «оборонке». Ее проекты не подкреплялись привлечением дармовой рабочей силы (если не считать таковыми железнодорожные войска), им не открывалось практически не ограниченное финансирование. Собственно, все мифы о «проломных», «стенобойных» методах хозяйствования в «эпоху тоталитаризма» применительно к железной дороге первых послевоенных десятилетий не подтверждаются. Бюджетных денег Свердловской железной дороге на первую послевоенную пятилетку было

выделено гораздо меньше, чем обычно. Управление их не было подчинено мертвым канонам. Руководство дороги сумело достичь основных целей пятилетки были вполне реальными, нежели планировалось.

Однако уже само последнее обстоятельство — организованное железнодорожное хозяйство — не было подчинено диктату, говоря современным языком, здесь принимались (как и на войне), исходя не из «параграфа» инструкции. Свободу творчества в организации не притеснял, но, напротив, как раз в те годы. Мы имеем в виду децентрализацию управления. Она появилась, в частности, в образовании нового для того времени звена в структуре — управления. Оно сохранило функции центральной власти и творческой инициативе снизу. Но децентрализация в те годы очень многое держала в руках. В управлении железнодорожного хозяйства, а не только в управлении к делу. Не собственник (как бездельник), а хозяин (чаще всего это совершал) ведет дело. И когда обращаешься к опыту десятилетия совершал «железнодорожное» дело в каждом из них хозяина. Вот почему к нашей железной дороге, оставив за читателем), что то было время эффективных хозяев?

Кто были эти хозяева?

А вот мы и хотим показать их — в этой главе.

¹ См. об этом: В. П. Лукьянин. Больше в

не принято считать неэффективной. Это бы аксиома, которая не подлежит обсуждению. Знакомиться с развитием нашей железной дороги и Свердловской магистрали, в частности послевоенных десятилетия, и «аксиома» уже не подлежит сомнению. Слишком разительны перемены за это, в сущности, короткое время, несообразность, дальновидность, продуманность перемен.

Пребывала Свердловская железная дорога вступлении к предыдущей главе. Сколь не поддерживать ее в рабочем состоянии после войны. — об этом даже и говорить излишне. Трудным экономическим чудом — вполне социализма национальной экономики в Германии неэффективная модернизация нашей дороги, не!

полная замена — нет, эти слова не точно о революционном изменении всего логистического латаным-перелатаным паровозам, военного времени (многим из них пришлось прослужить). Пришли новые машины и даже носередине 50-х годов выпуск паровозов решительный переход железных дорог на тягу. К концу следующего десятилетия появились. Новые средства тяги нуждались в обслуживании, так что пришлось одновременно строить депо. Однако все эти перемены, выражений престижа (чтобы походить на точно рассчитанной целью: за счет повышения пропускной способности поездов и удлинения плетона производительности магистрали и в конечном итоге перевозок. В свою очередь, это потребовало организации перевозок, а для того надо было новыми средствами сигнализации и автоблокировки за собой множество других звеньев, новую технику, строительство новых вокзалов, строительство.

Все эти преобразования, а потом эффективными, технически гораздо более сложными, практически всех старых и подготовить

в те годы, поднять документы да послушать много неожиданного и поучительного. В старых порядках и не отмененном до 1955 железнодорожная отрасль вообще не была прикреплена к государству, не подкреплялись привлечением государственных таковыми железнодорожные войсково-технически не ограниченное финансирование. Коммунальных, «стенбойных» методах хозяйствования применительно к железной дороге перестали подтверждаться. Бюджетных денег не первую послевоенную пятилетку было

выделено гораздо меньше, чем объективно требовалось, но зато расходование их не было подчинено мертвой схеме, рожденной в чиновных кабинетах. Руководство дороги сумело ими так разумно распорядиться, что основные цели пятилетки были вполне достигнуты, только иными средствами, нежели планировалось.

Однако уже само последнее обстоятельство указывает на то, что жестко организованное железнодорожное хозяйство вообще не было подчинено диктату, говоря сегодняшним языком, «властной вертикали»: решения здесь принимались (как и на командных пунктах недавно минувшей войны), исходя не из «параграфа» очередной директивы, а из обстановки. Свободу творчества в организации дела здесь не только никто не притеснял, но, напротив, как раз в те годы ей был дан новый простор. Мы имеем в виду децентрализацию руководства отраслью, которая проявилась, в частности, в образовании по всей сети дорог (на основании постановления Совета Министров СССР от 19 августа 1946 года) отделений — нового для того времени звена в структуре железных дорог, которое оказалось весьма эффективным и сохраняется до сих пор, потому что ограничило функции центральной власти и создало дополнительные стимулы творческой инициативе снизу. Но дело не только в отделениях — на инициативе в те годы очень многое держалось и развивалось в подразделениях железнодорожного хозяйства, а инициатива пробуждалась интересом к делу. Не собственник (как безапелляционно заявляют идеологи рынка), а хозяин (чаще всего это совершенно не одно и то же!) эффективно ведет дело. И когда обращаешься к опыту тех, кто в послевоенные десятилетия совершал «железнодорожное чудо», то непременно обнаруживаешь в каждом из них хозяина. Вот поэтому мы и говорим (применительно к нашей железной дороге, оставив право обобщать и делать выводы за читателем), что то было время эффективных хозяев.

Кто были эти хозяева?

А вот мы и хотим показать их — хотя бы некоторых, для примера — в этой главе.

¹ См. об этом: В. П. Лукьянин. Больше века на службе России. Гл. 6.

За делом всегда видеть человека

**Валентин
Иванович
Данилов**

В 1942 году, в самый разгар войны, когда враг пер напролом и наша вера в грядущую победу еще не превратилась в уверенность, командование батальона отправило вдруг лейтенанта Данилова в командировку на Урал. Нет, не принимать от труженников тыла новые танки или пушки и не сопроводить оттуда до пункта назначения очередной отряд новобранцев, а — не поверите! — за баяном, который еще раньше руководство части заказало на одном из уральских предприятий по изготовлению музыкальных инструментов.

Случай необычный, но, вообще-то говоря, не экстраординарный и в понимание фронтовой обстановки чего-то принципиально нового не вносит — еще ведь в популярной фронтовой песне пелось: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне».

Но зато этот случай позволяет несколько лучше представить себе Валентина Ивановича Данилова — фронтовика и одного из замечательных людей Свердловской магистрали, отмеченного за свой послевоенный труд, высшей наградой родины. Данилова ведь послали, а не кого-то другого: он в баянах разбирался и ему предстояло растягивать мехи на привалах, в перерывах между боями. (Кстати, и стихи он писал — ну, не такого плана, что позволяют добиваться признания редакций и читателей, а такие, которых душа для себя просит.) И боевой офицер Данилов не отмахнулся от необычного задания, не счел, что его ставят в неловкое положение, командуя в тыл по такому «невоенному» делу. Он обладал достаточной широтой взгляда, чтоб понимать, насколько важно общее душевное состояние человека для решения даже самых конкретных фронтовых задач. И вот этот — гуманистический, так всего точнее его назвать — подход к делу всегда определял его поступки и на войне, и потом, в десятилетия мирного труда.

Для него самого, кстати, труд на войне и труд в вагонном депо не были разделены таким уж неодолимым барьером. Он считал, что, например, работа слесаря на ремонте тормозных устройств вполне равнозначна работе сапера:

— И там, и тут ошибаться нельзя. Однако ответственности в нашей профессии несравнимо больше. Сапер рискует только своей собственной жизнью. А если слесарь ненароком забыл закрутить гайку или плохо подогнал детали — словом, наплевательски отнесся к качеству работы, то это может обернуться аварией всего состава, гибелью многих людей. Потому-то мы с вами должны превыше всего соблюдать дисциплину и ответственность в своем деле.

Однако между фронтом и вот такими рассуждениями мастера-наставника прошли десятилетия, поэтому, чтоб не запутывать читателя в лабиринте событий и дат, восстановим вкратце естественный порядок событий.

Начнем с того, что отец нашего героя — **Александр Иванович** — был большевиком с 1917 года и боишься **Александр Иванович** льона в Гражданскую войну. Он записан в **Александр Иванович** Верхнем Уфалее в 1911 году — приехал в **Александр Иванович** (Городскую) в папаше, перечеркнутой красной чертой. **Александр Иванович** вечно спешащим — на какой-нибудь **Александр Иванович**. С этим образцом в душе и сын вырос. **Александр Иванович** стремился оказаться там, где жизнь была **Александр Иванович**. Он поступил в железнодорожную школу ФЭУ. **Александр Иванович** ствовал в организации пионерского **Александр Иванович**.

(Кстати, почти полвека спустя его естественно, в почетные пионеры. Он в элитном депо Свердловск-Сортировочный № 2, занялся проблемами — материальными, да потом и весь коллектив



Ребятишки оценили его заинтересованный, брав подходящий повод, приняли его в свой галстук почетного пионера Данилова (в том деле.)

В 1929 году по путевке комсомола Р. С. стал железнодорожным техникумом. В 1931 году кума работал в управлении Пермского «... ную». Потом, как вы уже знаете, воевал. И

Ну, а главный этап его биографии — когда он приходит на работу в вагонное. Человек общительный, открытый. Всегда жизни в широком житейском контексте, а тут как раз начало разворачиваться движение. Мы отдаем себе отчет в том, что нынешнему поколению безвозвратно ушедших дней не так уж и прав — было в организации того движения и чиновного формализма. Вы думаете, рядовые участники движения того не замечали?

всегда ловека

войны, когда враг пер напролом и наша еще не превратилась в уверенность, ко- правило вдруг лейтенанта Данилова в ко- не принимать от тружеников тыла новые проводить оттуда до пункта назначения цев, а — не поверите! — за баяном, ко- дство части заказало на одном из ураль- отовлению музыкальных инструментов. о говоря, не экстраординарный и в пони- то-то принципиально нового не вносит — ой песне пелось: «Кто сказал, что надо оя сердце просит музыки вдвойне».

ет несколько лучше представить себе Ва- ронтовика и одного из замечательных лю- отмеченного за свой послевоенный труд ва ведь послали, а не кого-то другого: он тояло растягивать мехи на привалах, в пе- стижи он писал — ну, не такого плана, что и редакций и читателей, а такие, которых и офицер Данилов не отмахнулся от нео- ставят в неловкое положение, командир-» делу. Он обладал достаточной широтой о важно общее душевное состояние чело- нкретных фронтовых задач. И вот этот — е его назвать — подход к делу всегда оп- и потом, в десятилетия мирного труда.

уд на войне и труд в вагонном депо не лимым барьером. Он считал, что, напри- тормозных устройств вполне равнознач-

ельзя. Однако ответственности в нашей Салер рискует только своей собствен- ароком забыл закрутить гайку или плохо левательски отнесся к качеству работы, ий всего состава, гибелью многих людей. ыше всего ставить дисциплину и ответ-

т такими рассуждениями мастера-настав- ну, чтоб не запутывать читателя в лабирин- ратце естественный порядок событий.

Начнем с того, что отец нашего героя Иван Афанасьевич Данилов был большевиком с 1917 года и бойцом Уральского железнодорожного батальона в Гражданскую войну. Он запомнился сыну (Валентин родился в Верхнем Уфалее в 1911 году — прикиньте, сколько лет ему было в Гражданскую) в папахе, перечеркнутой красной лентой, энергичным, куда-то вечно спешащим — на какой-нибудь митинг, собрание или субботник. С этим образцом в душе и сын вырос: с детства торопил события, сам стремился оказаться там, где жизнь бьет ключом. Четырнадцать лет поступил в железнодорожную школу ФЗУ, вскоре вступил в комсомол, участвовал в организации пионерского движения на Урале.

(Кстати, почти полвека спустя его и самого приняли в пионеры. Естественно, в почетные пионеры. Он в это время работал мастером в вагонном депо Свердловск-Сортировочный, стал захаживать в школу-интернат № 2, занялся проблемами — материальными и моральными — воспитанников, да потом и весь коллектив депо вовлек в шефскую работу.



Валентин
Иванович
Данилов

Ребятишки оценили его заинтересованное участие в своих делах и, выбрав подходящий повод, приняли его в свои ряды. Так что до сих пор красный галстук почетного пионера Данилова хранится в его деповском личном деле.)

В 1929 году по путевке комсомола Валентин Данилов едет в Пермский железнодорожный техникум. В 1931 году вступает в партию. После техникума работал в управлении Пермской железной дороги, отслужил «срочную». Потом, как вы уже знаете, воевал. И войну закончил в Германии.

Ну, а главный этап его биографии начинается с середины 50-х годов, когда он приходит на работу в вагонное депо Свердловск-Сортировочный. Человек общительный, открытый, всегда воспринимающий любой эпизод жизни в широком житейском контексте, он быстро вжился в коллектив, а тут как раз начало разворачиваться движение за коммунистический труд. Мы отдаем себе отчет в том, что нынешний читатель воспринимает эту формулу безвозвратно ушедших дней не иначе, как иронически. Отчасти он прав — было в организации того движения много официального лицемерия и чиновного формализма. Вы думаете, одурманенные пропагандой рядовые участники движения того не замечали? Да не были они глупее нас

с вами! И, может быть, потому сквозь шелуху пустословия и мишуру ритуалов достаточно ясно видели здоровую суть начинания, близкую душе каждого уважающего себя и свой труд работника. Ведь о чем речь шла? О том, чтоб по-хозяйски относиться к делу, а за делом всегда видеть человека. Ну, конечно, играла свою роль и материальная сторона вопроса: все-таки в основе движения лежала идея соревнования, а в соревновании лучшие достижения всегда поощрялись — и денежными премиями, и благами из общественных фондов потребления (жилье, путевки и т. п.). Разница с прежними формами соревнования заключалась в том, что теперь в расчет принимались не только чисто производственные вопросы (план, себестоимость, экономия и т. п.), но и весь, так сказать, житейский контекст работы коллектива и каждого работника: дисциплина, атмосфера в коллективе, организация рабочих мест...

Словом, движение за коммунистический труд было очень даже созвучно характеру бывшего лейтенанта Данилова, ездившего с фронта в тыл за баяном. И, с другой стороны, очень даже соответствовало направленности усилий мастера автоконтрольного пункта Данилова, изначально отличавшегося стремлением добиваться порядка и производительной работы на своем участке не формально-бюрократическими мерами, а действуя, скажем так, через человека. Поясним это утверждение фрагментом из статьи самого Валентина Ивановича, опубликованной в апреле 1960 года в отраслевой газете «Гудок»:

«Особенно беспокоили меня три товарища. Один из них, назовем его вымышленно Петровым, был снят за пьянку с поездных вагонных мастеров и временно прислан к нам на подсобную работу. Приглядывался он, приглядывался к нашим порядкам, потом и говорит мне: «А что, товарищ мастер, возьмешь меня в цех навсегда?» Почему же, говорю, не взять. Милости просим. А он: «Так я ведь пьющий, вроде дезорганизатор производства». Ничего, говорю ему, важно, чтобы ты сам понял ответственность свою, вступая в наши ряды. Ну, а, в случае чего, ребята дурь из тебя вышибут.

Перед всеми он дал обещание не подводить коллектив. Но не прошло и двух недель, как в получку напился и не вышел на работу.

Все повесили головы. Дело шло к присуждению нам почетного звания, а тут такая беда. Днем является в цех Петров и, потупив от стыда глаза, подает мне заявление об увольнении. Я говорю ему: возьми-ка бумагу обратно, подумай, что делаешь. У тебя семья. Посовeturься с женой, как быть, и завтра скажешь. Приходит на следующий день с повинной: «Простите меня, товарищ мастер». Не у меня, у коллектива проси извинения, говорю ему. Пришлось ему встать в круг, посмотреть в глаза каждому и дать клятву, что ничего подобного с ним больше не случится...

Думаем, за эту сценку публичного покаяния непременно с пылом ухватятся неугомонные оппоненты прежнего режима: ага, дескать, опять эти публичные порки, опять унижающее человека вынесение его душевных переживаний на публичное обсуждение!

Оставьте; человек устроен сложнее, чем это представляется апологетам либерально-рыночных отношений. Публичное покаяние, вроде описанного здесь, — порой в помощь человеку: поклонившись миру («миру» — надо бы написать по старой орфографии), ему легче потом самому перебарывать свои вредные привычки, поскольку теперь он уже ответственен не только перед самим собой. А что касается «публичных пороков» — нет, не был мастер Данилов их сторонником. Напротив, те, кому довелось с ним работать, вспоминают, что он всегда щадил самолюбие своих подопечных. Если кто проштрафится — беседовал с ним, как правило, дома, с глазу

на глаз. Причем старался привлечь на сторону тех, кто был прав, а не тех, кто был виноват, которые давно уже махнули рукой на отпрыска. Подобный метод воспитания, через какое-то время «подшефства» и работы на совесть, «Школа известностью и популярностью, о его занятиях и семинарах».

Эффективность «гуманитарных» методов воспитания Данилова в сильной мере во многом не были «чисто» воспитательными: они были (и, как вы помните, с военной поры) делом чести, то есть имеющее широкое житейское основание. Не поняли? Ну, вот как же мастер Данилов расширил свой АПК? Он не ограничился в его представлении перспективой совершенствования производства и возможности совершенствования методов там кое-что изобретали по своему предположению — строительству на территории завода. Они решили сами помочь подрядчику суббота — после очередной смены — из бригад в котлован будущего здания вывозились, возмущено проходили мимо.

— Ну и народ, — ворчали «сознательные».

Валентин Иванович не ворчал и не останавливался. В душе даже и сочувствовали добросовестно, а дома дела.

Не было разговоров и на другой день. Какая-то невидимая глазу трещинка появилась в «несознательных». Даже и не по имени, так, что в чем-то подвел товарищей — виновит, но чтоб и внутри ничто не шелохнулось. Холодом был мастер Данилов, понимая, что от того только хуже может быть. И оправдался: на следующий суббота встав.

В общем, не «боролись» они за то, что было вложенной партийными чиновниками в их жизнь. Стремилась к тому, чтобы совесть и по уму, чтоб с товарищами «в своей тарелке», чтоб работа шла хорошо. Оказывается, все это не разные цели, а разные стороны. И неважно, как ее называть и сознательно к ней стремиться. Они первыми на Свердловском отделении коллектива коммунистического труда. И восприняли «через губу»: это, конечно, было правом им гордились. И нынешние критики не имеют ни малейших оснований при этом.

А Валентин Иванович Данилов все это было естественное для него состоянием. Он был председателем районного совета, членом областного совета, председателем организации, председателем группы народного комитета защиты мира, даже в